

ISSN 2413-8584

АЛТАЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС

е-mail: epb@asu.ru сайт: <http://journal.asu.ru>

2025. № 3

ECONOMICS PROFESSION BUSINESS

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

Научный рецензируемый журнал. Издается с 2014 г. Выпускается 4 раза в год

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор: *В. В. Мищенко*, доктор экономических наук, профессор

Редакционный совет

И. С. Абдулаев, д-р экон. наук, проф. (г. Ургенч, Узбекистан);
В. И. Благоев, д-р наук, проф. (г. Варна, Болгария);
А. С. Новоселов, д-р экон. наук, проф. (г. Новосибирск);
П. А. Ореховский, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
И. В. Рошина, д-р экон. наук, проф. (г. Томск);
И. С. Санду, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
В. И. Суслов, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН (г. Новосибирск);
У. К. Шеденов, д-р экон. наук, проф., академик МАНН (г. Алматы, Казахстан);
Ш. Т. Юлдашев, д-р экон. наук, проф. (г. Ташкент, Узбекистан).

Редакционная коллегия

В. И. Беляев, д-р экон. наук, проф.;
С. Н. Бочаров, д-р экон. наук, проф.;
И. Н. Дубина, д-р экон. наук, проф.;
С. В. Лобова, д-р экон. наук, проф.;
С. И. Межов, д-р экон. наук, проф.;
А. Я. Троцковский, д-р соц. наук, канд. экон. наук, проф.;
Е. Е. Шваков, д-р экон. наук, проф.

ISSN 2413-8584

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС77-77154 от 10 декабря 2019.

Подписной индекс в каталоге «Урал Пресс» — **BH018442**.

Журнал «Экономика Профессия Бизнес» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктор и кандидат наук.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в Интернете по адресу: <http://www.elibrary.ru> (Научная электронная библиотека).

Все права защищены. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Founder: Federal state budgetary educational institution of higher education
“Altai State University”

Editor-in-Chief: *V. V. Mishchenko*, Prof.

Editorial Council

I. S. Abdulaev, Prof. (Urgench, Uzbekistan);
V. I. Blagoev, Prof. (Varna, Bulgaria);
A. S. Novoselov, Prof. (Novosibirsk);
P. A. Orekhovsky, Prof. (Moscow);
I. V. Roshchina, Prof. (Tomsk);
I. S. Sandu, Prof. (Moscow);
V. I. Suslov, Prof., Corresponding member of RAS (Novosibirsk);
W. K. Shedenov, Prof. (Almaty, Kazakhstan);
Sh. T. Yldashev, Prof. (Tashkent, Uzbekistan).

Editorial Board

V. I. Belyaev, Prof.;
S. N. Bocharov, Prof.;
I. N. Dubina, Prof.;
S. V. Lobova, Prof.;
S. I. Mezhov, Prof.;
A. Ya. Trotskovsky, Prof.;
E. E. Shvakov, Prof.

The journal is registered in the Federal Service for supervision of communications, information technology and mass media. Registration number PI № FS 77-77154 issued on December 10, 2019.

The subscription index in the “Ural Press” catalog is BH018442.

The journal “Economics Profession Business” is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for the publication of the main scientific results of dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences.

The articles published in the journal are included in the Russian Science Citation Index, available at the Internet address <http://www.elibrary.ru> (Scientific Electronic Library).

All rights reserved. Reference to the journal is required when using any part of the content.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Атаманов Н. Н. Концептуальные подходы к определению понятия «инновационный потенциал региона»</i>	5
<i>Бахирева А. А., Овсянникова А. В., Ворожбит Е. Г., Выскребенцева А. С., Овчинников Е. С. Оценка обеспеченности запасами: отраслевой аспект (на материалах лесопромышленных предприятий Алтайского края)</i>	11
<i>Берарма Ф., Латреш Ф. Как системы ERP усиливают сбалансированную систему показателей: анализ научных публикаций.....</i>	17
<i>Габидуллина Л. Х., Сушкова Т. В. Индикаторы удовлетворенности качеством новых квартир: мотивы, показатели, проблемы</i>	28
<i>Горбунов Ю. В., Горбунова А. Ю., Раствор Ю. И. Стратегия организации: методические подходы к разработке</i>	36
<i>Данилова С. В. Реализация региональной миграционной политики в контексте воспроизводства населения (на материалах Уральского федерального округа)</i>	47
<i>Девятайкин А. П. Сбалансированное развитие региона: разработка методики и оценка (на примере Алтайского края).....</i>	58
<i>Джой А. Д. Трансформация грузоперевозок: тенденции и перспективы развития российско-китайского транспортного коридора</i>	64
<i>Доценко Д. А. Анализ конкурентоспособности и структурных сдвигов в экономике регионов Сибирского федерального округа.....</i>	70
<i>Краснов С. В., Лякишева В. Г., Мищенко Вит. В., Вершинина И. А., Капустян А. С. О значимости мемориальных и монументальных объектов в формировании имиджа территории и в сохранении исторической памяти о военных событиях (на примере Алтайского края и города Барнаула)</i>	79
<i>Ли Т. В. Рынок труда и занятости в туристической отрасли: формирование и будущие направления (аналитический обзор научных исследований)</i>	85
<i>Лю С. Современное состояние и особенности рынка энергетики провинции Цзянси</i>	91
<i>Майкова С. Э., Гришина А. С. Диагностика кризисных ситуаций экономической безопасности региона в условиях демографического старения населения.....</i>	98
<i>Мезенцева Т. М., Лукашевич М. О., Разоренова В. А. Исследование механизма бухгалтерского учета отчислений в государственные внебюджетные фонды и налога на доходы физических лиц.....</i>	111
<i>Самсонов И. И. Об управлении деловой карьерой совершеннолетних студентов, получающих среднее профессиональное образование в области физической культуры и спорта.....</i>	119
<i>Сенникова И. Л., Горева Е. А. Механизм регулирования рынка труда в регионе</i>	129
<i>Хамлауи С., Бенаисса Р., Джегбала Аб. Возобновляемая энергия как механизм перехода к зеленой торговле в Европейском союзе.....</i>	136
<i>Цуй Я., Соколова О. Н. Стратегия «двойного обращения» Китая: как она влияет на мировую экономику</i>	147
<i>Наши авторы</i>	152
<i>Правила представления статей в научный журнал «Экономика Профессия Бизнес».....</i>	154

CONTENTS

<i>Atamanov N. N.</i> Conceptual approaches to definition the concept of “innovative potential of region”	5
<i>Bakhireva A. A., Ovsyannikova A. V., Vorozhbit E. G., Vyskrebentseva A. S., Ovchinnikov E. S.</i> Valuation of resources: industry specific aspect (based on material from forest industry enterprises Altai region)	11
<i>Berarma F., Latreche F.</i> How ERP systems empower the balanced scorecard: analysis of scientific publications	17
<i>Gabidullina L. Kh., Sushkova T. V.</i> Indicators of satisfaction with the quality of new apartments: motives, indicators, problems	28
<i>Gorbunov Iu. V., Gorbunova A. Yu., Rastova Yu. I.</i> The organization's strategy: methodological approaches to development	36
<i>Danilova S. V.</i> Implementation of regional migration policy for population reproduction based on materials from the Ural federal district	47
<i>Devyataykin A. P.</i> Balanced development of the region: methodology development and evaluation (using the example of the Altai territory)	58
<i>Dzhoi A. D.</i> Cargo transportation transformation: trends and prospects for the development of the russian-chinese transport corridor	64
<i>Dotsenko D. A.</i> Analysis of competitiveness and structural changes in the economy of the regions of the siberian federal district	70
<i>Krasnov S. V., Lyakisheva V. G., Mischenko Vit. V., Vershinina I. A., Kapustyan A. S.</i> On the importance of memorial and monumental objects in the formation of the image of the territory and in the preservation of historical memory of military events (on the example of the Altai region and the city of Barnaul)	79
<i>Lee T. V.</i> Labor and employment market in the tourism industry: formation and future directions (analytical review of scientific research)	85
<i>Liu X.</i> Current state and specific features of the energy market in Jiangxi province	91
<i>Maykova S. E., Grishina A. S.</i> Diagnosis of crisis situations in the economic security of a region under conditions of demographic aging of the population	98
<i>Mezenceva T. M., Lukashevich M. O., Razorenova V. A.</i> Study of the accounting mechanism for contributions to state off-budget funds and personal income tax (pit)	111
<i>Samsonov I. I.</i> On managing the business career of adult students receiving secondary vocational education in the field of physical culture and sports	119
<i>Sennikova I. L., Goreva E. A.</i> The mechanism of labor market regulation in the region	129
<i>Hamlaoui S., Benaissa R., Djeghbala AB.</i> Renewable energy as a mechanism for the transition to green trade in the European union	136
<i>Tsui Y., Sokolova O. N.</i> China's “dual circulation” strategy: how it affects the global economy	147
Our authors	152
Article submission guidelines for “Economics Profession Business”	154

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНА»

Н. Н. Атаманов

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Автор проводит разносторонний анализ концептуальных подходов к интерпретации понятия инновационного потенциала региона. Систематизация и интеграция понимания инновационного потенциала с точки зрения теории как ключевого элемента регионального развития стало основной целью данной работы. В результате исследования были выделены четыре подхода к интерпретации инновационного потенциала, среди которых — ресурсный, процессный, результативный и системный. С целью полного понимания каждого из них были проанализированы не только их особенности, но также преимущества и ограничения. Результатом работы стало создание интегрированного подхода к пониманию сущности инновационного потенциала региона за счет тщательного системного анализа различных теорий, на основании которого можно разрабатывать более эффективные стратегии при управлении инновационным развитием территорий. Практическая значимость данных результатов — в возможности их использования в деятельности органов власти при разработке соответствующих программ.

Ключевые слова: инновационный потенциал, регион, экономическая наука, концептуальные подходы, ресурсный подход, процессный подход, системный подход, результативный подход.

CONCEPTUAL APPROACHES TO DEFINITION THE CONCEPT OF “INNOVATIVE POTENTIAL OF REGION”

N. N. Atamanov

Altai State University (Barnaul, Russia)

The author conducts a comprehensive analysis of conceptual approaches to the interpretation of the concept of innovative potential of the region. The main goal of this research is to systematize and integrate the understanding of innovation potential from the point of view of theory as a key element of regional development. As a result of the study, four approaches to the interpreting of innovative potential were identified including: resource, process, result and systemic. In order to fully understand each of them, not only their features were analyzed, but also the advantages and limitations of each of them. The result of the work was the creation of an integrated approach to understanding the essence of the innovative potential of the region through a thorough systematic analysis of various theories, on the basis of which it is possible to develop more effective strategies for managing the innovative development of territories. The practical significance of these results lies in the possibility of their use in the activities government bodies when developing relevant programs.

Keywords: innovation potential, region, economic science, conceptual approaches, resource approach, process approach, system approach, performance approach.

Введение. Сегодня экономический рост и развитие регионов во многом зависят от инноваций по причине глобализации и усиленного роста конкуренции. Инновационный потенциал региона представляет собой совокупность различных ресурсов, возможностей и условий, которые обеспечивают базу для разработки, внедрения и распространения инновационных решений. Единая методология и точное определение иннова-

ционного потенциала региона, а также его оценка на данный момент отсутствуют, несмотря на наличие большого количества исследований в этой сфере. Причина кроется в комплексности и многогранности данного понятия, наличия влияния большого числа факторов, которые в зависимости от регионов могут быть разными. На эффективность внедрения инноваций влияет большое число разных аспектов, в числе которых — социальные, эконо-

мические и институциональные, а не только наличие научных и технических ресурсов. Цель данной статьи заключается в анализе существующих теоретических подходов и концепций, направленных на определение и оценку инновационного потенциала региона, а также в выявлении ключевых факторов, которые способствуют его развитию. Научная новизна работы заключается в интеграции различных теоретических подходов к раскрытию сущности этого понятия.

Материалы и методы исследования. Рассмотреть инновационный потенциал как сложную систему, которая состоит из большого числа взаимосвязанных элементов, помогло использование системного анализа. Выявление преимуществ и недостатков определений инновационного потенциала было осуществлено с помощью сравнительного анализа.

В качестве материалов исследования использованы научные статьи, монографии, посвященные проблемам инновационного развития регионов.

Результаты и обсуждения. Инновационный потенциал является многогранным и сложным понятием, которое может быть интерпретировано и определено с различных точек зрения, а также подвергнуто оценке с использованием разнообразных методов.

Активное развитие исследований по данной теме началось еще в 70-х годах XX века, что было связано с ростом интереса к вопросам инноваций в экономике. На уточнения и изменения в трактовке данного термина повлияло развитие теоретических, методологических и эмпирических исследований, что в результате привело к его более глубокому пониманию и определению его роли в развитии регионов [1]. Актуальность исследования обусловлена и тем фактом, что понятие инновационного потенциала становится все более востребованным, связано с глобализацией, современными вызовами, ростом конкуренции среди регионов.

Впервые термин «инновационный потенциал» был использован в науке К. Фрименом. Под ним он понимал систему мероприятий, которые были направлены не только на разработку, но также и на освоение, эксплуатацию ресурсов, нацеленных на создание новшеств, которые бы обеспечивали рост [2]. Как уже было отмечено ранее, на данный момент нет единой точки зрения по определению понятия «инновационный потенциал». У разных авторов свои подходы и видение сущности этого понятия.

В современной науке существует несколько подходов к определению инновационного потенциала региона, каждый из которых выделяет различные аспекты этого многозначного явления. Рас-

смотрим основные из них более детально, включая определения инновационного потенциала в контексте каждого подхода.

1. Ресурсный подход. Согласно этому подходу, инновационный потенциал представляет собой сочетание ресурсов, необходимых для разработки и внедрения инноваций. В свою очередь, к ним можно отнести финансовые, материальные, человеческие, информационные. Соответственно, все эти ресурсы позволяют обеспечивать инновационное развитие экономической системы региона. Такого мнения придерживается С. В. Кортов. Он указывает на то, что инновационный потенциал представляет собой комплекс ресурсов, включающих кадры, материально-техническую базу, финансы, менеджмент и прочие. Объем этих ресурсов должно быть таким, чтобы их было достаточно для осуществления одного полного инновационного цикла и удовлетворения потребностей в инновациях [3].

В процессе развития и внедрения инноваций каждый из данных видов ресурсов имеет свое значение и особую роль, что отображено в качестве определения инновационного потенциала в ряде научных работ. Объединением различных видов потенциалов, к числу которых относят производственно-технологический, трудовой, финансовый, организационно-управленческий, интеллектуальный, считают инновационным потенциалом Е. П. Маскайкин и Т. В. Арцер. При этом эффективному функционированию всей системы будет способствовать каждый из указанных потенциалов, а не только один [4]. Другими словами, инновационный потенциал можно воспринимать как целостную систему, где взаимодействие всех этих аспектов формирует основу для устойчивого и динамичного развития.

Способность реализовывать инновационную деятельность за счет использования доступных ресурсов — это определение инновационного потенциала А. А. Исокова. Причем с данной позиции именно наличие материальных и нематериальных ресурсов оказывает влияние на инновационный потенциал [5]. Следовательно, инновационный потенциал можно рассматривать как определенный набор ресурсов, находящихся в доступе, которые могут быть использованы для того, чтобы разработать и внедрить инновационные решения [6, с. 146].

В рамках ресурсного подхода дает свое определение и М. А. Бендиков, который говорит о том, что инновационный потенциал — это совокупность разных ресурсов, среди которых материальные, финансовые, информационные, интеллектуальные, технологические и научно-технические компоненты [7, с. 64].

Итак, представители ресурсного подхода делают акцент на том, что для эффективного инновационного развития необходимо достаточное количество ресурсов, среди которых необходимый уровень финансирования для проведения научных исследований и разного рода разработок.

Однако многие исследователи отмечают, что ресурсный подход не учитывает эффективность использования ресурсов и их взаимодействие с другими факторами, такими как институциональная среда и инфраструктура.

2. Процессный подход. Данный подход фокусируется на ключевых этапах, таких как создание, внедрение и распространение инновационных решений. В рамках этого подхода инновационный потенциал региона определяется как способность эффективно управлять каждым из этих этапов, обеспечивая их успешную реализацию. Это включает в себя оптимизацию всех процессов, начиная от разработки инноваций и заканчивая их массовым внедрением, что позволяет региону активно участвовать в инновационной активности и достигать значимых экономических и социальных результатов.

С точки зрения процессного подхода, который рассматривает управление как последовательность взаимосвязанных операций, инновационный потенциал компании представляет собой совокупность всех имеющихся возможностей и ресурсов, которые реализуются через инновационные процессы, направленные на достижение конкретных измеримых результатов. Структурируя инновационный потенциал, можно выделить такие элементы, как технологии и производство, исследования и разработки, финансовые возможности, человеческие ресурсы (трудовые и интеллектуальные), информационное обеспечение, организация и управление процессами. Ключевым элементом инновационного потенциала является человеческий ресурс, поскольку степень реализации инновационного потенциала во многом зависит от готовности и восприимчивости персонала к внедрению инноваций. В данном контексте инновационный потенциал определяется как способность компании генерировать нововведения и уровень готовности к реализации инновационного проекта [8, с. 36]. Таким образом, с позиции процессного подхода, инновационный потенциал региона — это способность региона генерировать, внедрять и распространять инновации через эффективное управление процессами научно-технического развития.

Представители этого подхода выделяют в качестве основных такие процессы, как разработка новых идей, их превращение в коммерчески успешные продукты и распространение инноваций в экономике. Основное преимущество данного

подхода заключается в его гибкости и способности учитывать изменения на разных этапах, однако его реализация требует тщательного анализа каждого шага инновационного процесса, что на практике может столкнуться с определенными трудностями.

3. Результативный подход. Особенность результативного подхода в том, что анализируются определенные результаты, которые позволяют провести оценку инновационного потенциала. Так, успех инновационной деятельности можно оценить по количеству патентов, которые были получены после проведения ряда научных исследований и разработок. Не менее важным показателем будет и объем выпускаемой продукции по итогу такой деятельности.

Данный подход позволяет более точно и объективно оценить эффективность инновационной деятельности и ее влияние на развитие региона или предприятия, поскольку он ориентирован на реальные, измеримые результаты, а не только на процессы или ресурсы, задействованные в инновационной деятельности. Инновационный потенциал региона в этом контексте определяется как совокупность достигнутых результатов инновационной деятельности, которые выражаются в количественных показателях, таких как количество патентов, объем инновационной продукции и доля высокотехнологичных предприятий.

С. Ю. Глазьев отмечает, что инновационный потенциал необходимо рассматривать через призму конечных результатов инновационной деятельности, то есть как процесс создания конкретного продукта путем внедрения новых решений. В данном контексте инновационный потенциал представляет собой возможный инновационный продукт, который может быть разработан в будущем.

Преимущество данного подхода в том, что можно измерить инновационный потенциал количественно, что при сравнительном анализе разных регионов очень удобно. Недостаток — не учитываются такие качественные аспекты как уровень взаимодействия между участниками инновационного процесса или степень удовлетворенности потребителей инновационной продукцией.

Конечные результаты достижений инновационной деятельности, которые выражены в новых знаниях и их эффективном применении, — это то, на чем сосредоточен результативный подход. То есть приходим к выводу, что создание новых знаний и их внедрение в практическую деятельность — это определенные усилия, итог которых и можно определить как инновационный потенциал. Согласно этому подходу, инновационный потенциал — не просто совокупность ресурсов, а непосредственно их способность переходить в реальные результаты, выраженные в виде новых продуктов,

которые были созданы в рамках инновационной деятельности.

С точки зрения результативного подхода инновационный потенциал состоит из ряда компонентов, в числе которых — патентная активность, интеллектуальный потенциал, наличие передовых технологий, нематериальные активы и объекты интеллектуальной собственности.

4. *Системный подход.* Системный подход рассматривает инновационный потенциал как сложную и многогранную систему, которая включает в себя различные элементы и их взаимосвязи. В рамках этого подхода учитываются и внутренние, и внешние факторы, оказывающие влияние на инновационное развитие региона. Данный подход представляет собой методологию исследования объектов как целостных систем, рассматривая инновационный потенциал как единую структуру, состоящую из множества взаимосвязанных элементов, которые обеспечивают достижение запланированных результатов инновационной деятельности [9, с. 10].

Таким образом, с точки зрения системного подхода инновационный потенциал региона — сложная система, которая включает в себя научно-технический, инфраструктурный, финансовый, институциональный и человеческий капитал, а также их взаимодействие, направленное на создание и внедрение инноваций. Авторы данного подхода подчеркивают, что он позволяет учитывать взаимодействие между научными учреждениями, бизнесом и государством. Это, в свою очередь, является необходимым условием для успешного инновационного развития. Однако его применение требует значительных усилий для сбора и анализа данных, что может ограничить его практическое использование.

Примером системного подхода является позиция И. В. Шляхто, который видит инновационный потенциал региона как совокупность различных потенциалов: организационного, управленческого, производственно-технологического, кадрового, финансового, информационного, научно-технического, а также потенциала инновационной культуры и потребительского сегмента. Здесь можем говорить о том, что инновационный потенциал является подсистемой социально-экономического потенциала региона. При этом в ней все компоненты взаимосвязаны и эффективность результата зависит не только от качества одного компонента, но от качества всех и их взаимодействия между собою.

Ограничение рамками указанных потенциалов, что значительно позволяет упростить картину и сузить область применения этой концепции, — главный недостаток данного подхода [10, с. 44].

Соответственно, преимущества и недостатки характерны для каждого из подходов. Все это приводит к тому, что использование одного или другого подхода должно базироваться на целях конкретных исследований.

Анализ различных подходов позволяет выделить несколько ключевых факторов, оказывающих влияние на формирование и развитие инновационного потенциала региона:

1. Научно-технический потенциал. Наличие научных организаций, исследовательских центров и высококвалифицированных специалистов является важным условием для создания и внедрения новых идей. Например, регионы с развитыми академическими структурами, такие как Московская и Новосибирская области, показывают высокие результаты в области инновационной активности.

2. Инфраструктура. Развитая транспортная, информационная и коммуникационная инфраструктура играет ключевую роль в распространении инноваций и обмене знаниями среди участников инновационного процесса. Например, наличие технопарков и бизнес-инкубаторов способствует созданию благоприятных условий для стартапов и малых инновационных компаний.

3. Финансовые ресурсы. Доступность финансов для реализации инновационных проектов является основным условием их успешности. Важную роль в этом контексте играют как государственные программы поддержки, так и частные инвестиции. Например, регионы с развитыми венчурными экосистемами, такие как Санкт-Петербург, демонстрируют высокую активность в сфере инноваций.

4. Институциональная среда. Наличие поддерживающей инновационную деятельность законодательной базы и государственной поддержки способствует развитию инновационного потенциала. Например, налоговые льготы для инновационных предприятий и упрощенные процедуры регистрации патентов могут стимулировать инновационную активность.

5. Человеческий капитал. Уровень образования, квалификации населения, а также способность к обучению и адаптации являются важными аспектами инновационного роста. Регионы с высоким уровнем человеческого капитала, такие как Татарстан, показывают устойчивый рост инновационной активности.

Заключение. Каждый из рассмотренных подходов имеет свои преимущества и ограничения, что делает их применение зависимым от конкретных целей исследования. Так, ресурсный подход может быть полезен для анализа доступности ресурсов в регионе, в то время как процессный подход позволяет оценить эффективность управления

инновационными процессами. Результативный подход удобен для сравнения регионов, а системный — для разработки комплексных стратегий инновационного развития. Таким образом, проведенное исследование концептуальных подходов к определению инновационного потенциала региона позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, инновационный потенциал является многогранной категорией, что объясняет существование различных методологических подходов к его трактовке и оценке. В результате анализа были выделены и систематизированы четыре основных концептуальных подхода: ресурсный, процессный, результативный и системный, каждый из которых сосредотачивает внимание на определенных аспектах этого сложного экономического феномена.

Анализ различных подходов помог определить, что ресурсный подход делает акцент на ресурсах, которые необходимы для осуществления инновационной деятельности, их качестве и доступности. Способность региона эффективно управлять процессами создания, внедрения и распространения инноваций рассматривается в рамках процессного подхода. Количественный анализ результатов, которые указывают на результаты инновационной деятельности, в числе которых, к примеру, количество патентов, объемы выпуска, что характерно для результативного подхода. Системный подход рассматривает инновационный потенциал как сложную систему взаимосвязанных компонентов, в которой учитываются как внутренние, так

и внешние факторы, влияющие на развитие инноваций в регионе.

Комплексный анализ этих подходов показывает, что для полноценных и объективных оценок инновационного потенциала региона необходимо их интегрировать, поскольку каждый из них по отдельности не дает полного представления о способности региона к инновационному развитию. В связи с этим целесообразно разработать интегрированную методику оценки инновационного потенциала, которая бы учитывала не только ресурсное обеспечение, но и процессы управления, результативность и системные взаимосвязи различных элементов инновационной системы региона. Применение такого комплексного подхода позволит более точно оценить текущее состояние инновационного потенциала разных регионов, выявить проблемные области и разработать эффективные стратегии инновационного развития, принимая во внимание особенности конкретных территорий. Это особенно важно в условиях усиливающейся глобальной конкуренции, когда инновационный потенциал становится основным фактором конкурентоспособности региональных экономик.

Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на разработку методического инструментария для комплексной оценки инновационного потенциала регионов, основанного на интеграции рассмотренных концептуальных подходов, а также на изучение механизмов эффективного управления инновационным потенциалом с учетом специфики различных типов регионов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дорошенко Ю.А., Иноземцева А.А. Современные методические подходы к оценке инновационного потенциала региона // BENEFICIUM. 2022. № 2 (43). С. 34–40.
2. Флячинская Н.Н. Теоретические аспекты исследования инновационного потенциала региона // Фотинские чтения-2023 (весенне собрание): сборник материалов юбилейной X Международной научно-практической конференции. Ижевск, 2023. С. 336–341.
3. Кортов С. В. Инновационный потенциал и инновационная активность вузов УрФО // Университетское управление: практика и анализ. 2004. № 1.
4. Маскайкин Е. П., Арцер Т. В. Инновационный потенциал региона: сущность, структура, методика оценки и направления развития // Вестник ЮУрГУ. 2009. № 21.
5. Исоков А. А. Методы оценки инновационного потенциала предприятия // Российский экономический интернет-журнал. 2024. № 2. URL: <https://www.erej.ru/upload/iblock/018/1k2ij2q8aplgva35yjfosapyk6ie2mnb.pdf> (дата обращения: 05.03.2025).
6. Иванов С.Л., Устинова К. А. Инновационный потенциал региона как фактор развития предпринимательства // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 5. С. 146–165.
7. Франк Е.В. Методологические подходы к изучению категории «инновационный потенциал» // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 2 (18). С. 64–70.
8. Кунгурцева В. С. Определение инновационного потенциала на основе системного и процессного подходов // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. Новосибирск, 2013. С. 36–40.

9. Ефременко В. Ф. Системный подход к оценке инновационного потенциала региона // Власть и управление на востоке России. 2015. № 3 (72). С. 8–13.
10. Савчук С. В. Сущность и структура инновационного потенциала региона // Научный вестник ЮИМ. 2014. № 3. С. 40–44.

REFERENCES

1. Doroshenko Yu. A., Inozemtseva A. A. Modern methodological approaches to assessing the innovative potential of the region. BENEFICIUM. 2022. No. 2 (43). Pp. 34–40.
2. Flyachinskaya N. N. Theoretical aspects of the research of the innovative potential of the region. In the collection: Fotinsky readings — 2023 (spring collection): collection of materials of the jubilee X International scientific and Practical Conference. Izhevsk, 2023. Pp. 336–341.
3. Kortov S. V. Innovative potential and innovative activity of universities of the Ural Federal District. University management: practice and analysis. 2004. No. 1.
4. Maskaikin E. P., Arzer T. V. Innovative potential of the region: essence, structure, assessment methodology and development directions. Bulletin of SUSU. 2009. No. 21.
5. Isokov A. A. Methods of assessing the innovative potential of an enterprise. Russian Economic Online Magazine. 2024. No. 2. URL: <https://www.erej.ru/upload/iblock/018/1k2ij2q8aplgva35yjfosapyk6ie2mnb.pdf> (date of access: 05.03.2025).
6. Ivanov S. L., Ustinova K. A. The innovative potential of the region as a factor in the development of entrepreneurship. Problems of territorial development. 2021. Vol. 25. No. 5. Pp. 146–165.
7. Frank E. V. Methodological approaches to the study of the category “innovation potential”. Economic and socio-humanitarian research. 2018. No. 2 (18). Pp. 64–70.
8. Kungurtseva V. S. Identification of innovation potential based on system and process approaches. Economics and management: analysis of trends and development prospects. Novosibirsk, 2013. Pp. 36–40.
9. Efremenko V. F. A systematic approach to assessing the innovative potential of the region. Power and management in the East of Russia. 2015. No. 3 (72). Pp. 8–13.
10. Savchuk S. V. The essence and structure of the innovative potential of the region. Scientific Bulletin of the UIM. 2014. No. 3. Pp. 40–44.

Поступила в редакцию: 10.04.2025.

Принята к печати: 01.07.2025.

УДК 338.45
DOI 10.14258/epb202533

ОЦЕНКА ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ЗАПАСАМИ: ОТРАСЛЕВОЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛАХ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

А.А. Бахирева, А.В. Овсянникова, Е.Г. Ворожбит, А.С. Выскребенцева, Е.С. Овчинников

Рубцовский институт (филиал) Алтайского государственного университета (Рубцовск, Россия)

В статье рассмотрен вариант совершенствования достаточно развитой области экономического анализа, а именно методики оценки обеспечения материалами с учетом отраслевой специфики лесопромышленного предприятия. Необходимость развития данного направления, прежде всего, обусловлена наличием традиционной проблемы данной отрасли, которая состоит в обеспечении ритмичности сырьевых потоков. Высокая процентная ставка и исчерпание накопленных факторов роста, трудности международных расчетов, ограничение государственной поддержки, увеличение фискальной нагрузки и другие факторы дестабилизируют отрасль и снижают надежность планирования. Также важным является смещение критериев управления запасами в сторону их постоянного наличия. Авторы обосновали использование показателя «порог сырьевой безопасности» для расчета целевой конечной величины запаса сырья. Особенностью нового показателя является учет размера безубыточности продаж, скорректированного на коэффициент, отражающий полезный выход продукции из сырья. Экономический смысл нового показателя заключается в том, что его значение характеризует затраты на сырье для обеспечения уровня безубыточного объема продаж. Рассчитанный в динамике порог сырьевой безопасности позволяет оценить так называемую «сырьевую нагрузку» предприятия: чем выше уровень этого показателя, тем выше нагрузка на систему планирования и материального обеспечения. Усовершенствованная методика анализа обеспеченности материалами, учитывающая специфику отрасли переработки, позволит не только повысить достоверность планирования материального обеспечения предприятия, но и обеспечит условия роста и достаточный уровень уверенности всех хозяйствующих субъектов, объединенных в кооперационные кластеры лесопромышленного комплекса.

Ключевые слова: лесоперерабатывающее предприятие, порог сырьевой безопасности, анализ, безубыточный объем, коэффициент выхода готовой продукции, оценка.

VALUATION OF RESOURCES: INDUSTRY SPECIFIC ASPECT (BASED ON MATERIAL FROM FOREST INDUSTRY ENTERPRISES ALTAI REGION)

A. A. Bakhireva, A. V. Ovsyannikova, E. G. Vorozhbit, A. S. Vyskrebentseva, E. S. Ovchinnikov

Rubtsovsk institute (branch) of Altai State University (Rubtsovsk, Russia)

The article proposes a variant improving a rather developed area of economic analysis, namely, the methodology for assessing the provision reserves with regard to the industry specifics a timber processing enterprise. The need to develop this area, first of all, is due to the presence of the traditional problem providing the rhythmicity of raw material flow at the enterprises the industry under consideration. High interest rate and exhaustion accumulated growth factors, difficulties in international payments, limitation of state support, increased fiscal burden and other factors destabilize the industry and reduce the reliability a planning. We also take into account the shift of inventory management criteria to their constant availability. The authors justified the use of the indicator “raw material safety threshold” to calculate the target final balance the raw material stocks. The feature the new indicator is the accounting of the break-even value adjusted by the coefficient reflecting the useful output the products from raw materials. The economic meaning the new indicator is that its value characterizes the cost of raw materials in order to ensure the level the break-even sales volume. Calculated in dynamics, the threshold of raw material security allows to estimate the so-called «raw material load» the enterprise: the higher

the level of this indicator, the higher the load on the system planning and material support. The presented methodology for analyzing the provision of materials, taking into account the specifics of the processing industry, will increase the reliability of material supply planning, but also provide conditions for growth and a sufficient level of confidence of all economic entities united in cooperation clusters of the timber industry complex.

Keywords: wood processing enterprise, raw material security threshold, analysis, break-even volume, finished product yield factor, assessment.

Древообработка — традиционный и старейший вид производства на Алтае. Данная отрасль с успехом удовлетворяет как внутренний, так и стабильно растущий внешний спрос на пиломатериалы в Республике Казахстан и государствах Средней Азии. Влияние экономики лесного сектора на развитие Алтайского края чрезвычайно существенно и значимо (табл. 1). Статистические данные свидетельствуют о том, что доля лесной промышленности в общем объеме промышленного производства стабильно составляет около 2%. Однако в последние годы заметен ряд негативных трендов в развитии данного сектора (рис.), что объясняется следующим:

1) влияние высоких процентных ставок и исчерпание накопленных прежде факторов роста, при этом спрос на продукцию лесопереработки превышает предложение, что ведет к росту цен;

2) сложности с международными платежами, трансграничные расчеты затруднительны для всех российских компаний, взаимодействующих с партнерами за рубежом;

3) ограничение мер господдержки лесоперерабатывающих компаний, финансирование расширения бизнеса сместилось в сторону использования собственных средств;

4) разрушение сложившихся связей с поставщиками и покупателями, действие санкций, ослабление или изменение которых окажет наибольшее влияние на развитие лесоперерабатывающей промышленности;

5) недостаточное внимание к планированию деятельности, в том числе материальных ресурсов;

6) устаревание и износ производственных фондов;

7) усиление фискальной нагрузки вследствие налоговой реформы 2025 года.

Таблица 1
Доля лесного комплекса в валовом региональном продукте Алтайского края за 2017–2022 годы, %*

Показатели	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1. Доля лесного комплекса в ВРП Алтайского края, %	1,83	1,92	2,06	2	1,66	1,92

*Составлено авторами по материалам Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай.

Динамика числа организаций (ед.), объема отгруженных товаров (млн руб.) и индекса промышленного производства (%) лесопереработки РФ за 2017–2022 годы*

*Составлено авторами по материалам статистических сборников сайта <https://rosstat.gov.ru>

Вышеперечисленные факторы, несомненно, приведут к модернизации администрации

на предприятиях лесопереработки, найдут отражение в текущих управленческих решениях. Опти-

мистические прогнозы развития лесопереработки Алтайского края подкрепляют данные об имеющихся запасах лесных ресурсов на Алтае, при эффективном использовании которых возможно

не только обеспечить текущие и перспективные внутренние потребности региона, но и значительно расширить экспорт в другие регионы страны и за рубеж.

Таблица 2

Результаты деятельности лесоперерабатывающих предприятий РФ за 2017–2022 годы*

Показатели	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
1. Сальдированный финансовый результат, млн руб.	2338	10742	27101	10369	206811	32 90
2. Рентабельность проданных товаров, %	6,7	13,2	6,9	11,5	33,6	8,5
3. Рентабельность активов, %	0,4	1,7	3,9	-1,4	22,0	3,2
4. Среднегодовая численность работников, тыс. чел.	198,4	216,1	214,2	199,4	194,3	197
5. Средняя заработка платы, руб./чел.	25 657	26 177	29 399	30 864	36 314	40 464
6. Принято работников, чел.	0	0	33,4	31,3	38,5	34,6
7. Выбыло работников, чел.			40,9	36,8	37,7	47
8. Стоимость основных фондов, млрд руб.	410,6	439,5	509,1	541,7	617,9	640
9. Уровень использования среднегодовой производственной мощности, %	57,1	57,2	56,6	56,1	54,8	48,3
10. Коэффиц. обновления основных фондов, %	11,4	13,4	7,4	7,4	8,9	11,7
11. Коэффиц. выбытия основных фондов, %	0,3	0,5	0,5	0,4	0,6	0,8
12. Коэффиц. износа основных фондов, %	41,5	41,6	43,3	46,9	47,6	47,3
13. Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	71,6	69,4	58,5	70,3	92,4	93
14. Среднегодовая величина оборотных активов, млн руб.	225 987	250 147	251 315	270 817	411 545	415 824
15. Коэффиц. текущей ликвидности, %	113,7	117,9	110,6	96,9	126,1	129,4
16. Коэффиц. обеспеченности собственными оборотными средствами, %	-101,5	-83,9	-110,2	-105,2	-45,5	22,7

*Составлено авторами по материалам статистических сборников сайта <https://rosstat.gov.ru>

Результаты исследования и обсуждения. Говоря об обеспеченности ресурсами, стоит отметить, что методика ее оценки является достаточно усто-

явшейся, проводится по показателям, представленным в таблице 3.

Таблица 3

Показатели оценки обеспеченности материальными ресурсами

Наименование показателя	Формула расчета	Экономическое содержание показателя
1. Обеспеченность предприятия запасами в днях	$Z_{\text{дн}} = \frac{Z_{\text{ми}}}{P_{\text{ди}}},$ где $Z_{\text{дн}}$ — запас сырья и материалов, дней; $Z_{\text{ми}}$ — запас i-го вида материала в стоимостном или натуральном выражении; $P_{\text{ди}}$ — среднедневной расход материалов	Обеспеченность потребности в материальных ресурсах на образование запасов в днях
2. Среднесуточный расход материалов	$P_{\text{ди}} = \frac{MP_i}{\Delta},$ где $P_{\text{ди}}$ — средний дневной расход i-го вида материальных ресурсов; MP_i — суммарный расход i-го вида; Δ — количество календарных периодов.	Средний расход ресурсов в натуральном или стоимостном выражении за выбранный период
3. Коэффициент обеспеченности материалами	$K_{\text{обесн.}} = \frac{\text{Поставка}_{\text{факт}}}{\text{Потребность}_{\text{план}}},$ где $\text{Поставка}_{\text{факт}}$ — стоимость фактически поставленных материальных ресурсов; $\text{Потребность}_{\text{план}}$ — плановая потребность в материалах	Характеризует исполнение плана поставок материальных ценностей

Однако большинство исследователей акцентируют внимание на необходимости уточнения методики оценки обеспеченности предприятия различными видами материалов с учетом отраслевых особенностей (табл. 4) [1, 2, 3]. А потому предприятие может принять один из двух вариантов такой оценки: инерционный (следование традиционному варианту) или инновационный (применение усовершенствованной методики) [4]. В данной статье представлен один из возможных вариантов развития методики оценки обеспеченности материальными ресурсами, основанный на применении теории безубыточности. Выбранное направление совершенствования методики анализа не случайно: результаты исследования финансово-хозяйственной деятельности лесозаготовительных предприятий региона за 2019–2024 годы свидетельствуют о нарастающей проблеме крайней нестабильности в обеспечении предприятий древесным сырьем. Очевидно, что регулярный недостаток оборотных средств дезорганизует и без того лишенный ритмичности процесс обработки стволового сырья, останавливает циркуляцию материальных и финансовых потоков [5, 6]. По данным статистики Алтайского края, доля убыточных предприятий лесопереработки в 2024 году составила 50,0%, сумма убытка превысила 290 млн руб. Отметим также, что реализация стандартных моделей управления запасами на предприятиях лесопереработки существенно ограничена факторами именно практического, отраслевого характера: нереальность

обеспечения равенства временных отрезков между смежными заказами; невыполнение поставщиками заказов на пиловочное сырье в установленные сроки; невозможность мгновенно и в полном объеме удовлетворить спрос на сырье; обусловленность и четкая зависимость затрат по исполнению заказа не только от его размера, но и вида используемого для доставки транспорта, условий перевозчика [7]. В межсезонье предприятия испытывают наибольшие сложности с удовлетворением потребности в сырье. Отсюда можно констатировать смещение критерии управления запасами к их постоянному наличию [8]. С учетом вышесказанных проблем для расчета целевого конечного остатка запасов сырья авторами введен показатель «порог сырьевой безопасности»:

$$ПСБ = БУП_{(руб.)} : P_{(p)} : K_{(e)} * P_{(c)}, \quad (1)$$

где $БУП_{(руб.)}$ — безубыточный объем продаж, д. ед.; $P_{(p)}$ — средняя цена реализации продукции, д. ед;

$K_{(e)}$ — коэффициент выхода готовой продукции из сырья, коэф.;

$P_{(c)}$ — средняя цена сырья, д. ед.

Авторская методика расчета порога сырьевой безопасности (ПСБ) предполагает, что безубыточный объем продаж корректируется на коэффициент полезного выхода продукции из сырья, рассчитанный в условиях деятельности конкретного предприятия лесопереработки.

Таблица 4

Отраслевые факторы, учтенные при разработке усовершенствованной методики оценки обеспеченности материалами

Фактор	Содержание
1. Степень и форма интеграции лесоперерабатывающих предприятий	Исследование показало положительное влияние вертикальной интеграции заготовительных и перерабатывающих предприятий на оборотный капитал. В частности, это повышает роль внутренних источников формирования оборотных средств, эффективность планирования и управления материальными запасами, взаимоувязывает объемы заготовки, вывозки и переработки сырья, способствует нивелированию сезонного фактора
2. Зависимость от транспортной инфраструктуры	Доказано существенное влияние способа доставки сырья на все стадии управления им. Грузовой автотранспорт и железнодорожные перевозки в Алтайском крае являются по факту единственно возможными, но и самыми дорогостоящими. Доля затрат на транспортировку в себестоимости продукции составляет около 7%. Планирование материальных ресурсов должно учитывать состояние транспортной инфраструктуры, постоянный выбор между ростом затрат и обеспечением равномерности заготовки
3. Сезонный характер производства	Ярко выраженная сезонная зависимость, преимущественная заготовка сырья в летний период
4. Структура затрат на производство	Высокий удельный вес материальных затрат в себестоимости продукции (более 56%), относительно короткий производственный цикл требуют поставок сырья непрерывно или с короткими интервалами
5. Структура финансово-го цикла	Создание запасов сырья связано со значительным временем нахождения средств в авансах, выданных лесозаготовителям. Предлагается в ходе расчета показателей обрачиваемости на сумму авансов уменьшать элемент «Дебиторская задолжность»
6. Риски	Лесоперерабатывающие предприятия Алтайского края испытывают влияние валютного, инфляционного, процентного рисков

Экономическое значение показателя состоит в том, что его величина характеризует стоимость запаса сырья для того, чтобы обеспечить уровень безубыточного объема продаж [8]. Так, для исследуемого предприятия при уровне постоянных издержек, равном 1 077 755,11 тыс. рублей, норме маржинальной прибыли 33,73%, планируемой в 2025 г. цене сырья 1,9839 тыс. руб./м³ и цене реализации 20,8035 тыс. руб. руб./м³. порог сырьевой безопасности равен: $31\ 954,98/20,8035/0,323*1,9839 = 943\ 447,31$ тыс. руб. Рассчитанный в динамике порог сырьевой безопасности позволяет оценить так называемую «сырьевую нагрузку» предприятия: чем выше уровень данного показателя, тем выше нагрузка на систему планирования и материально-го обеспечения [9, 10].

Особенность методики заключается и в том, что в основе расчета безубыточного объема используется план продаж, сформированный по ре-ально заключенным контрактам с покупателями

[11]. Это позволит обеспечить полное и своевре-менное выполнение обязательств перед покупате-лями, перевести контракты в разряд долгосрочных, не допустить ухода покупателей к конкурентам [12]. Далее необходимо распределить значение порога сырьевой безопасности по периодам с уче-том возможностей используемого транспорта. Следующим шагом определяются источники фи-нансирования затрат на приобретение сырья [13, 14]. Расчет порога сырьевой безопасности, сбор и мониторинг исходных данных может быть ор-ганизован в бухгалтерской компьютерной про-грамме «1С: Бухгалтерия предприятия» в фор-ме оперативных отчетов, аналитических записок [15, 16].

Заключение. Внедрение предложенной ме-тодики увеличивает нагрузку на менеджмент пред-приятия, ее применение на предприятиях с большой долей запасов в оборотном капитале полностью оправдано.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Никулин Р.Ю. Методики анализа обеспеченности и эффективности использования материальных ресурсов предприятия // Стратегии бизнеса. 2022. №1. С. 22–26.
2. Пасичник Н.В. Методика анализа обеспеченности коммерческой организации материальными ре-сурсами и ее совершенствование на основе логистического подхода // Вестник Приднестровского уни-верситета. Серия: Физико-математические и технические науки. Экономика и управление. 2021. №3 (69). С. 307–313.
3. Атаева Л. Б. Анализ оборотных активов организации в контексте формирования финансовой поли-тики // Вестник Академии знаний. 2021. №43 (2). С. 339–345.
4. Vorozhbit E. G., Bakhireva A. A. Economic aspects of measuring technological processes // Journal of Physics: Conference Series. 2020. Vol. 1515 (3).
5. Гарафieва Г. И. Оценка рентабельности оборотных активов на основе факторного динамического анализа // Управлeнческий учет. 2024. № 11. С. 68–76.
6. Мурина Э. В. Управлeнческий учет и контроль: материальные затраты на производство промыш-ленной продукции // Russian Journal of Management. 2023. №4. С. 186–203.
7. Перельгин А. Е. Анализ оборотных активов предприятия и их оптимизация // Студенческий вест-ник. 2024. №2–7 (288). С. 57–59.
8. Герасименко О. А. Анализ проблем управления оборотными активами организации // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. №3. С. 224–231.
9. Горбунова Н. А. Анализ влияния эффективности использования материальных запасов на величи-ну материальных затрат // Управлeнческий учет. 2021. №8–3. С. 449–459.
10. Десятникова Я. В. Анализ и оценка эффективности использования оборотных активов органи-зации // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2022. № 18. С. 17–21.
11. Полянская Н. М. Анализ оборотных активов предприятия: организационно-методические основы и практика применения // Дайджест-финансы. 2020. №3 (255). С. 333–362.
12. Филин М. В. Анализ эффективности управления оборотными активами предприятия // Матрица научного познания. 2021. №9–1. С. 135–137.
13. Халяпин А. А. Анализ оборотных активов в оценке инвестиционной привлекательности организа-ции // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. №6 (138). С. 129–139.
14. Хаустова Г. И. Роль анализа оборотных активов в анализе финансового состояния коммерческой организа-ции // Финансовый вестник. 2024. №2 (65). С. 60–66.

15. Чикалова А. Е. Оценка состояния и анализ эффективности использования оборотных активов // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 10–2 (104). С. 197–204. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2023-10-2-197-204>.

16. Шоль В. В. Развитие методики анализа материальных оборотных активов в сельскохозяйственных организациях. Курск: Университетская книга, 2021. 180 с.

REFERENCES

1. Nikulin R. Yu. Methods of analyzing the provision and efficiency of the use of material resources of the enterprise. *Business Strategies*. 2022. No. 1. Pp. 22–26.
2. Pasichnyk N. V. Methodology of analysis of provision of commercial organization with material resources and its improvement on the basis of logistic approach. *Bulletin of Transnistrian University. Series: Physical, Mathematical and Technical Sciences. Economics and management*. 2021. No. 3 (69). Pp. 307–313.
3. Ataeva L. B. Analysis of current assets of the organization in the context of financial policy formation. *Vestnik of the Academy of Knowledge*, 2021. No. 43 (2). Pp. 339–345.
4. Vorozhbit E. G., Bakhireva A. A. Economic aspects of measuring technological processes. *Journal of Physics: Conference Series*. 2020. Vol. 1515 (3).
5. Garafieva G. I. Estimation of profitability of current assets on the basis of factor dynamic analysis. *Management Accounting*. 2024. No. 11. Pp. 68–76.
6. Murina E. V. Management accounting and control: material costs of industrial production. *Russian Journal of Management*. 2023. No. 4. Pp. 186–203.
7. Perelygin A. E. Analysis of current assets of the enterprise and there. *Student Bulletin*. 2024. No. 2–7 (288). Pp. 57–59.
8. Gerasimenko O. A. Analysis of the problems of managing current assets of the organization. *Actual issues of modern economics*. 2020. No. 3. Pp. 224–231.
9. Gorbunova N. A. Analysis of the impact of the efficiency of material reserves utilization on the value of material costs. *Managerial Accounting*. 2021. No. 8–3. Pp. 449–459.
10. Desyatnikova Y. V. Analysis and assessment of the efficiency of the use of current assets of the organization. *Scientific and educational potential of youth in solving urgent problems of the XXI century*. 2022. No. 18. Pp. 17–21.
11. Polyanskaya N. M. Analysis of current assets of the enterprise: organizational and methodological foundations and practice of application. *Digest-Finance*. 2020. No. 3 (255). Pp. 333–362.
12. Filin M. V. Analysis of the effectiveness of the management of current assets of the enterprise. *Matrix of scientific knowledge*, 2021. No. 9–1. Pp. 135–137.
13. Khalyapin A. A. Analysis of current assets in assessing the investment attractiveness of the organization. *Economics and Management: Problems, Solutions*, 2023. No. 6 (138). Pp. 129–139.
14. Haustova G. I. Role of the analysis of current assets in the analysis of the financial condition of a commercial organization. *Finansovyi vestnik*. 2024. No. 2 (65). Pp. 60–66.
15. Chikalova A. E. Evaluation of the state and analysis of the efficiency of current assets utilization. *Economics and Business: Theory and Practice*. 2023. No. 10–2 (104). Pp. 197–204. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2023-10-2-197-204>.
16. Shol V. V. Development of the methodology of analysis of tangible current assets in agricultural organizations. Kursk: University Book, 2021. 180 p.

Поступила в редакцию: 28.03.2025.

Принята к печати: 17.06.2025.

КАК СИСТЕМЫ ERP УСИЛИВАЮТ СБАЛАНСИРОВАННУЮ СИСТЕМУ ПОКАЗАТЕЛЕЙ: АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Ф. Берарма, Ф. Латреш

Университет Ферхата Аббаса (Сетиф, Алжир)

Статья посвящена изучению взаимосвязи между системами управления корпоративными ресурсами (Enterprise Resource Planning — ERP) и сбалансированной системой показателей (Balanced Scorecard — BSC) с целью выявления потенциала ERP-систем в повышении эффективности реализации BSC. В условиях цифровизации экономики и усложнения процессов управления возрастает потребность в интегрированных информационных системах, способных обеспечивать своевременную и достоверную информацию для принятия стратегических управленческих решений. На этом фоне важным направлением научного поиска становится исследование влияния ERP-систем на развитие систем стратегического контроля, включая BSC.

Методологической основой исследования послужил систематический обзор литературы. В анализ включены 58 научных публикаций за период с 1990 по 2023 год, охватывающих эволюцию концепций ERP и BSC, вопросы их внедрения, взаимодействия, а также последствия для управленческого учета и контроля. Особое внимание удалено исследованиям, анализирующим интеграцию ERP и BSC в рамках стратегического управления. Обзор включает как теоретические источники, так и эмпирические данные, полученные на основе кейс-стади в компаниях различных отраслей.

Результаты исследования показывают, что эффективная интеграция ERP-систем с BSC способствует существенному повышению стратегической эффективности за счет предоставления в реальном времени комплексных и согласованных данных. Это позволяет организациям оперативно мониторить ключевые показатели эффективности, повышать точность и своевременность контроля, а также укреплять стратегическое выравнивание. Кроме того, ERP-системы обеспечивают автоматизацию сбора и обработки данных, что позволяет контролерам переходить от рутинных задач к аналитическим и консультативным функциям. Интеграция BSC в архитектуру ERP расширяет возможности применения предиктивной и прескриптивной аналитики для оценки и корректировки стратегий.

Результаты исследования показывают, что внедрение BSC вне контекста интегрированных информационных систем, таких как ERP, ограничивает её потенциал. Напротив, тесная взаимосвязь между ERP и BSC усиливает проактивный характер стратегического контроля и способствует более быстрому реагированию на внешние и внутренние изменения. Таким образом, ERP-системы не только поддерживают реализацию BSC, но и усиливают её эффективность как инструмента стратегического управления и контроля.

Полученные выводы актуальны для организаций, стремящихся к повышению эффективности системы управления на основе интеграции информационных технологий и стратегических инструментов контроля. Статья представляет интерес для исследователей и практиков в области управленческого учета, цифровой трансформации и стратегического управления, особенно в контексте региональной и отраслевой экономики.

Ключевые слова: ERP-системы, сбалансированная система показателей, информационные технологии, интеграция, управленческий контроль, эффективность.

HOW ERP SYSTEMS EMPOWER THE BALANCED SCORECARD: ANALYSIS OF SCIENTIFIC PUBLICATIONS

F. Berarma, F. Latreche

Ferhat Abbas University (Sétif, Algeria)

This study aims to explore the relationship between Enterprise Resource Planning (ERP) systems and the Balanced Scorecard (BSC), aiming for identifying the potential of ERP systems to enhance the effectiveness of BSC implementation. In the context of economic digitalization and increasing complexity of management processes, there is a growing need for integrated information systems for providing timely and reliable data for strategic decision-making. Against this backdrop, examining the impact of ERP systems on the development of strategic control tools, including the BSC, has become an important area of academic research.

The methodological basis of this study is a literature review. The analysis includes 58 scholarly publications from 1990 to 2023, covering the evolution of ERP and BSC concepts, their implementation, interaction, and implications for management accounting and control.

The results of the study show that when ERP systems are properly integrated with the BSC significantly improve strategic management performance by offering comprehensive, real-time, and aligned data. This allows organisations to track key performance indicators more quickly, ensure more accurate and timely control, and better align their actions with strategic goals. Moreover, ERP systems automate data collection and processing, allowing controllers to shift from routine tasks to analytical and advisory roles. Integrating the BSC into the ERP architecture expands the use of predictive and prescriptive analytics for strategy evaluation and adjustment.

The study argues that implementing the BSC outside the context of integrated information systems such as ERP limits its potential. However, a strong link between ERP and the BSC strengthens the proactive nature of strategic control and enables more agile responses to internal and external changes. Thus, ERP systems not only support the implementation of the BSC but also enhance its effectiveness as a tool for strategic management and control.

The findings are relevant for organizations seeking to improve management system performance through the integration of information technologies and strategic control tools. The paper is of interest to researchers and practitioners in the fields of management control, digital transformation, and strategic management, particularly in the context of regional and sectoral economies.

Keywords: ERP system, balanced scorecard, information technology, integration, management control, efficiency.

Introduction. By 2026, It is anticipated that the world will spend 3.4 trillion US dollars on digital transformation [1]. The business landscape has been drastically changed by the rapid evolution of Information Technology (IT) in recent decades [2]. In order to stay competitive, companies need to keep up with these rapid IT advancements.

The rapid progress in IT is also projected to transform many accounting tasks and practices. Innovations such as cloud accounting, cryptocurrency, and blockchain are already making a significant impact on the field and are likely to play a key role in shaping its future.

One significant effect of modern technologies on the business world is the ongoing increase in data volume and complexity. Therefore, companies are compelled to replace legacy systems with modern IT solutions to effectively manage data processing and use. Furthermore, real-time and accurate information are crucial for decision-making and survival in today's competitive market, making Information Systems (ISs) the lifeline for companies.

For instance, the evolution of Enterprise Resource Planning (ERP) Systems stands out as one of the advanced applications of modern technologies. They are among the most significant IT implementations in the corporate world, enabling companies to meet their information needs and requirements [3].

Their primary purpose is to integrate all areas and functions of an organization into a unified system, ensuring efficient and timely access to information [4]. As a result, ERP systems influence nearly every aspect of a company, acting as a central tool that provides shared data access across all business functions [5]. Additionally, ERPs enhance information production and control, making them a powerful tool for management accountants and controllers [6].

Therefore, several studies conducted to examine the relationship between ERP implementation and management accounting and control practices [2, 6, 7, 8, 9].

It is important to gain deeper insight into how ERP systems impact and support management accounting

practices and techniques, such as the Balanced Scorecard (BSC) [2]. However, the extent studies that directly explore the connection between ERP systems and the Balanced Scorecard are so little, particularly regarding how these integrated information systems impact the BSC's effectiveness. Therefore, this study aims to address this gap by conducting an extensive literature review to examine how ERP systems can support the effective operation of the Balanced Scorecard (BSC).

The remainder of this paper is structured as follows. The next section presents the research method. Then, a literature review is provided, which forms the core of our study. This review is divided into three parts: first, an overview of Enterprise Resource Planning (ERP) systems; second, an outline of the Balanced Scorecard; and finally, a discussion on the potential impact of ERP systems on the effectiveness of the Balanced Scorecard. The paper concludes with the findings, implications, and suggestions for future research.

Research Method. This study adopts a qualitative research approach, relying on a literature review to explore how ERP implementation may influence the effectiveness of the BSC. The literature review is a well-established method for synthesizing existing knowledge within a specific field. It is generally a systematic approach to collecting and integrating previous research, and can also help to provide an overview of areas in which the research is disparate and interdisciplinary [10].

While extensive research exists on ERP systems and the BSC individually, there is a relative scarcity of studies that examine the impact of ERP on the BSC. To bridge this gap, we conducted a thorough literature review, analysing a wide range of studies to develop a comprehensive understanding of the ERP-BSC relationship. Our review included 59 studies, selected based on their relevance to ERP, BSC, management accounting and controls, and ERP-BSC integration.

To ensure academic rigor, priority was given to peer-reviewed journal articles and high-quality conference proceedings, along with select industry reports. The review focused on publications from 1990 to 2023 to trace the development of ERP systems and the BSC, particularly, following the introduction of the Balanced Scorecard by Kaplan and Norton in 1992.

This approach ensured that we gathered diverse perspectives and insights to inform the research and provide a robust foundation for understanding how ERP systems influence the BSC in practice. Therefore, we hypothesis that the impact of ERP on the BSC is significant.

Literature Review:

An overview of ERP systems. The integration is the operation of combining the different parts of a system and ensuring their compatibility, as well as

the well-functioning of the whole system [11]. Enterprise Resource Planning (ERP) systems are the most common approach to information system integration, which integrate and draw data from a common database, they are fundamentally bound up with organizational processes [12].

The ERP systems are defined by several authors and from various perspectives, highlighting their role in business process optimization and information management. For instance, ERP systems are defined as module-based, customizable and integrated IT applications, that aim to optimize business processes, minimize information redundancy, and enhance information integrity [11]. Similarly, they are considered as Information Systems (ISs) that support most aspect of an organization's information needs by offering a single repository and based on best business practices [3, 13]. These definitions emphasize the functionality of ERP systems as tools for streamlining business operations through integration, and as enablers of better decision-making by ensuring data consistency and accessibility.

Between 1980 and 1990, business professionals increasingly acknowledged the importance of organizations proactively anticipating and adapting to change [14]. To achieve this, organizations began automating a substantial portion of their information, which became the key tool for gaining a competitive edge in business. Consequently, by the early 1990s, the ERP systems have been experiencing an accelerated development, striving to fulfil the information age's wildest dream of the unified and coherent IS [11, 15].

Enterprise resource planning systems are considered the generalization and extension of Manufacturing Resource Planning (MRP) systems, as they expanded the scope of the integrated software to encompass the entire organization [5, 11, 14, 16, 17].

Initially, these systems were designed for large manufacturing organizations. However, they are now increasingly being adopted by SMEs and proving to be beneficial for organizations of all types [18, 19]. Major commercial ERP systems, including SAP ERP, Oracle ERP, and Microsoft Dynamics, were developed during this period [20]. At present, SAP is the leading provider in the large enterprise systems market [18].

These systems can be introduced either through a Big Bang implementation or by gradually increasing the number of modules and entities over time [21, 22]. The Big Bang approach is the installation of ERP system of all modules across the entire organization simultaneously [23].

Additionally, an organization might adopt the core modules offered by an ERP vendor, or might combine modules from various vendors in order to create an IS that better meets its needs (Best-of-Breed approach). Otherwise, organizations might adopt special-

ized industry and complementary modules to extend the system functionality such as Customer Relationship Management (CRM) and Supply Chain Management (SCM) [18].

However, the ERP implementation process is widely regarded as a risky, costly, and challenging endeavor [3, 7, 13, 24]. To illustrate, companies may invest hundreds of millions of dollars and several years in implementing ERP solutions [25]. ERP systems are one of the most expensive IT investments [3], noting that the cost of purchasing the software is merely the “tip of the iceberg,” with total implementation costs reaching 8 to 10 times the software’s price [5]. In addition, companies may spend up to three times as much money on consultants as they do on the system itself [26].

Furthermore, despite their widespread adoption by organizations worldwide, ERP implementations often fail due to various reasons. Extensive research has documented numerous cases of such failures [13, 24, 27, 28, 29]. For instance, major organizations such as Nike, Dell, Apple, Hershey, Mobile Europe, FoxMeyer, Whirlpool, and more recently, Lidl and Revlon, have faced significant challenges in their ERP implementations [13, 17, 24, 27, 28, 30].

Therefore, ERP implementation success is challenging [16, 24], and requires careful consideration of critical success factors (CSFs) to ensure a smooth transition and realization of its benefits [8, 25, 31]. Nonetheless, when successfully implemented, ERP systems will significantly enhance organizational performance and survival by streamlining business processes, implementing best practices, boosting productivity and effectiveness, enhancing customer satisfaction, reducing inefficient spending and inventory turn-around time, and improving competitive advantage and operational excellence [17, 24, 27, 32, 33, 34].

The Balanced Scorecard BSC. By the 1990s, business people were simply swamped with information, but much of it was either outdated or reflected past performance of the organization, rather than predicting future trends, and with no clear perspective on what would happen next [14]. Further, performance measurement systems relied solely on financial accounting metrics such as Return on Investment (ROI) and Earnings per Share (EPS) [35, 36].

However, these measures were found to be misleading and provided incomplete evaluations, prompting managers and researchers to address these inadequacies [35]. This need prompted the development of a new mechanism to communicate vision and strategy while integrating both financial and operational measures in a balanced manner [36].

The Balanced Scorecard (BSC) concept was introduced in a Harvard Business Review article following a year-long research project with 12 companies considered leaders in performance measurement [35]. The

BSC introduced as a set of measures that gives top managers a fast but a comprehensive view of the business, including financial measures and complementing them with operational ones [37].

The Balanced Scorecard offers multiple interpretations of “balance” [38]. It allows organizations to align financial and non-financial measures, balance long-term and short-term objectives, and consider both external and internal perspectives. Additionally, it integrates hard and soft measures while combining historical lagging indicators with future-oriented leading indicators.

Moreover, the BSC approach benefits companies in several ways, as it helps articulate and communicate their vision and strategy. It not only empowers employees but also aligns individual, organizational, and cross-departmental initiatives toward a common goal [14, 39].

Unlike traditional measurement systems that aimed at controlling behaviours and actions, the BSC emerged as an innovative performance measurement system, serving as a communication, information, and learning tool [38, 39]. Over time, it gradually evolved into a comprehensive strategic management framework, driven by a series of academic initiatives from its creators. Its recognition as a proven management system was further reinforced by several case studies [36].

This management framework aims to turn strategy into action by deriving objectives, then converting them into a set of clear, measurable indicators—known as key performance indicators (KPIs)—that clearly communicate the company’s vision and strategic intent to the whole organization [14]. In simple terms, KPIs are a set of quantifiable metrics (rates, ratios, averages or percentages) that measures an organization’s progress towards its objectives.

The BSC’s champions broke down these performance measures into four important perspectives, reflecting the various views that can be taken of a company, and providing managers with a balanced, comprehensive picture of performance [14, 35]. These perspectives enhance managerial awareness of real-time performance, empowering managers to make more informed decisions, strengthen strategy implementation, and ultimately improve overall financial performance [40].

Several researchers argue that relying on multiple performance measures can create confusion, leading to ambiguous and often conflicting signals about a company’s values. However, managing a company is compared to an airplane, emphasizing that flying it while relying on a single instrument in the cockpit would be extremely risky [41]. Managers, much like pilots, need to process a comprehensive set of indicators to effectively navigate and manage their businesses.

Therefore, the BSC addresses four fundamental questions, each corresponding to one of its key per-

spectives: the financial perspective, the customer perspective, the internal business process perspective, and the learning and growth perspective [38, 39]. **Figure 1**

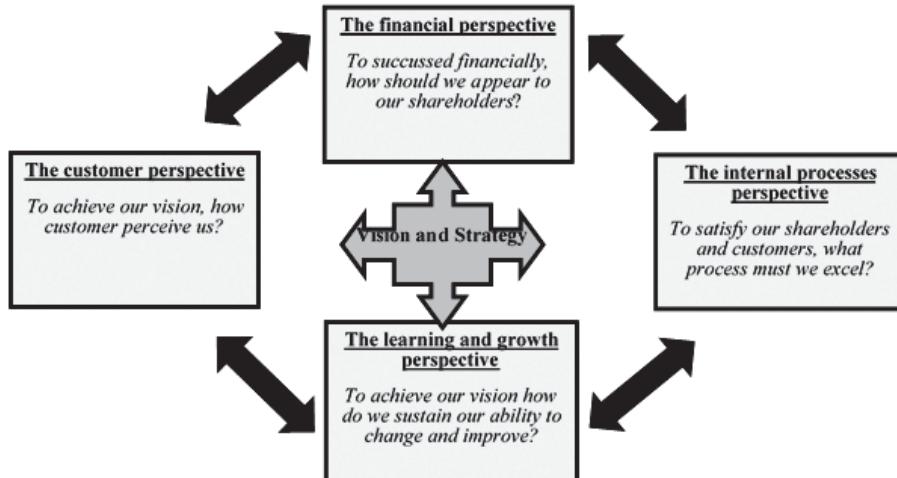

Fig. 1. Translating vision and strategy: Four perspectives. *Source: [39]

The BSC translates a company's strategy into specific objectives across four interrelated perspectives (financial, customers, internal process, and learning and growth). These objectives are then further developed into key performance indicators (KPIs), targets, and strategic initiatives [38]. The four perspectives are connected through a series of cause-and-effect relationships, involving a linkage from strategy formulation to financial outcomes [14, 38, 42]. Thus, enabling the scorecard to tell the story of a business unit's strategy through a sequence of cause-and-effect

summarizes how the BSC translates the organization's strategy into these perspectives and the critical questions they seek to answer.

relationships, expressed as a series of "if-then" statements [38, 39].

This sequence is summarized in what is known as the strategy map, illustrating that the chain of cause-and-effect relationships spans all four perspectives of the Balanced Scorecard [38]. This is further supported by best practice examples, which suggest that managers should leverage strategy maps to clearly explain the underlying business model [43]. **Figure 2** presents the strategy map concept, first introduced by Kaplan and Norton.

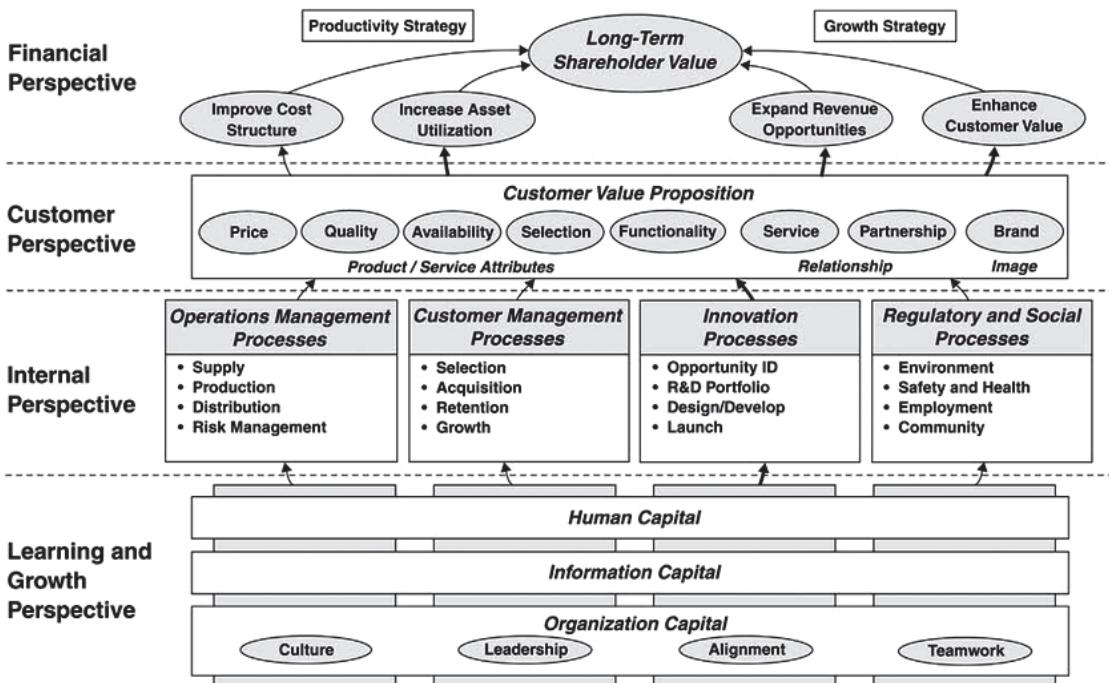

Fig. 2. The strategy map. *Source: [39]

The Balanced Scorecard serves as a strategic management framework that translates a company's vision and strategy into a cohesive set of performance metrics that can be automated and seamlessly integrated at every organisational level. This automation not only improves the BSC's role as a communication platform, enabling feedback and information sharing across the organization [14], but also represents a significant practical advancement.

With the support of specialised software, managers can more easily develop, update, and report on the BSC, reducing the complexity that arises when the framework is extended across multiple business units and departments. This technological support not only simplifies management of multiple BSCs but also helps maintain strategic alignment throughout the organisation [44].

This integration becomes even more powerful when the BSC is integrated with ERP systems, which act as a centralised source of real-time data across all business functions [4, 7, 45], a point explored in the following section.

Leveraging ERP Systems to Maximize the Effectiveness of the BSC. The relationship between ERP systems and the Balanced Scorecard has rarely been explored or explicitly discussed in the existing body of literature. Few studies have directly examined this link. These studies emphasize how ERP systems enhance the Balanced Scorecard's effectiveness by providing integrated, real-time data to support performance measurement, management, and strategic decision-making [2, 4, 45, 46].

However, several researchers examining the broader relationship between IT and management accounting have implicitly addressed this link [6, 14, 21, 47].

Early studies exploring the impact of ERP system implementation on management control (MC) suggest that the expected impact is minor [7, 48, 49]. None-

theless, modern studies claim that the implementation of ERP systems has the potential to change the management control practices significantly [6, 9, 12, 50, 51, 52].

Although ERP systems do not entirely transform management control practices [48], they have the potential to significantly improve and streamline these practices by enhancing their accuracy, timeliness, efficiency, and effectiveness [53, 54, 55, 56].

These systems are widely recognized as powerful tools for management control, as they significantly reduce routine tasks by overcoming traditional limitations in information collection, processing, and storage [21, 46, 51, 54, 57].

Automating routine and administrative tasks through ERP systems, particularly by eliminating data collection and manual entries, not only streamlines operations but also enhances data access and accelerates information flow, ultimately enabling more timely and improved management control compared to the pre-ERP era [7, 46, 52, 57]. ERP systems enhance the flexibility of the entire accounting department by facilitating faster and more efficient data collection and processing [50].

Moreover, some of the key expected benefits of ERP systems in management control include empowering the strategic vision, standardizing processes across organisational units, and enabling transparency in controlling [58]. Additionally, ERP systems facilitate the rapid updating of budget information, automatic dashboard adjustments, faster feedback processes, and the provision of flexible, forward-looking information [21, 56, 57]. Furthermore, ERP systems can enhance budgeting and reporting processes by simplifying and accelerating the exchange of data and information, reinforcing their role as a valuable management tool [8]. **Table 1** summarises the key benefits of ERP implementation on management control.

Table 1

Key benefits of ERP on MC

Benefits of ERP on MC	Authors
Eliminate the constraints of information collection, recording, and storage	[21, 48, 49, 51, 54, 57]
Improved and streamlined MC practices	[53, 54, 55, 56, 59]
Improved and automatic budgeting and reporting systems	[8, 21, 56, 57]
Improved analytics capabilities in MC	[2, 6, 51, 52, 54]
Drilling down from financial figures to non-financial information	[14, 45, 51, 56]
Shifting from the traditional role of controllers to a more strategic role	[6, 21, 48, 52, 56, 59]
Improved decision-making and overall organizational performance	[52, 54, 55, 56]

*Source: by the authors based on the literature review

Likewise, ERP systems are perceived to drive a significant shift in the role of management controllers (from traditional bean-counters to business analysts and stra-

tegic advisors), enabling them to explore data in greater depth and focus on more advanced strategic analysis and the interpretation of KPIs [21, 48, 52, 56, 59].

This transformation is largely attributed to the facilitative features of ERP systems, such as automatic report generation, which allow controllers to devote their attention from routine data collection and recording towards forward-looking tasks like forecasting and in-depth analysis [21, 56].

An ERP system can function as a comprehensive management control package that integrates both accounting and non-accounting systems [53, 58], incorporating transactional data and non-financial information, while maintaining traditional performance measures and financial data [55, 56]. The ability to drill down from financial figures to non-financial information offers granular insights and deeper explanations of performance measures, including the underlying drivers of financial revenue [55].

This capability, along with the advantage of ERP systems serving as a primary data source within an organisation, supports the development and deployment of a strategic management control system aligned with the BSC's perspectives. It also makes it easier to monitor business units and evaluate the organisational progress toward strategic goals [14, 45, 51]. **Table 2** summarizes the key studies that examine the ERP-BSC connection, along with the benefits derived from this integration.

Implementing the BSC outside ERP systems and solely relying on them as a data source may lead to several implications [2]. In contrast, they emphasize that the BSC's effectiveness can be significantly enhanced when embedded within an integrated ERP environment. This highlights the value of integrating the BSC with other IT tools, particularly ERP systems, which strengthen the BSC's role in proactive communication. By tapping into real-time data, organisations can spot problems sooner and respond to opportunities more quickly and effectively [14].

This was further supported by a multiple case study conducted on five Brazilian companies that implemented both ERP systems and the BSC [4]. The study emphasizes that for the BSC to achieve its full potential, it must be integrated within the ERP system. This integration

improves data consistency, support faster and more informed decision-making, and reinforces the BSC's role in developing, implementing, and monitoring corporate strategy. The study also identifies several advantages resulting from this integration, such as higher productivity, increased market share, greater transparency, and improved profitability. Together, these benefits enhance organisational efficiency, effectiveness, and competitiveness, ultimately supporting the BSC's core objective of translating strategy into action and aligning operational performance with strategic goals.

The ERP-BSC integration not only enhances real-time performance monitoring but also provides a valuable opportunity to embed advanced data analytics methods into performance measurement and management processes. Several researchers develop a management accounting data analytics (MADA) framework that applies descriptive, predictive, and prescriptive analytics to the four BSC's perspectives [45]. This analytical enhancement transforms ERP systems from passive data repositories into proactive, strategy-oriented management tools, empowering organizations to anticipate trends, simulate scenarios, and make more informed strategic decisions. This highlights that the true potential of ERP systems to support management control is realized when they are directly linked to strategic management tools such as the BSC, rather than being used solely for reporting purposes.

Moreover, by consolidating data from various organisational functions into a unified platform, ERP systems support the creation of comprehensive performance reports that align with perspectives of the BSC [56]. Although the study does not explicitly frame its findings through the BSC lens, it implicitly reveals how ERP systems provide the foundational infrastructure necessary for successful BSC adoption. This supports the view that integrating ERP systems with the BSC, enable organisations to monitor and evaluate strategic objectives more effectively through enhanced internal reporting, real-time data availability, and improved transparency across functional areas.

Table 2

Key Literature on ERP-BSC Integration

Authors	Focus Area	Purpose	Methodology	Key findings on ERP-BSC or IT-MC links
[14]	IT, ERP, and BSC alignment	To examine how ERP systems and the BSC align to support strategic management and performance measurement.	<i>Conceptual analysis</i>	<ul style="list-style-type: none"> • ERP provides real-time, integrated data essential for BSC; • ERP enhances BSC's role in proactive performance management; • ERP supports learning and faster adaptation through timely feedback.
[7, 48]	ERP and MC Evolution	To explore whether ERP drives changes in management accounting methods, control processes, and accountants' roles.	<i>Multiple case study (10 Finnish companies)/ Longitudinal case study (large manufacturing company)</i>	<ul style="list-style-type: none"> • ERP had minor direct impacts on management accounting techniques; • BSCs often sit outside ERP, but ERP provides critical data for them; • Shifting the accountants and controllers' role toward more analytical and business-oriented tasks.

Authors	Focus Area	Purpose	Methodology	Key findings on ERP-BSC or IT-MC links
[2]	ERP and Strategic Performance Management	To assess how integrated systems impact management accounting tasks.	Questionnaire survey (from Danish companies)	<ul style="list-style-type: none"> ERP alone supports data collection, but integrating ERP with Strategic Enterprise Management (SEM) systems (including BSC) enhances strategic management and expands the use of modern performance tools like BSC.
[4]	ERP-BSC Integration	To examine the synergies and challenges of integrating ERP and BSC in operations management.	Multiple case study (5 Brazilian companies)	<ul style="list-style-type: none"> ERP supports BSC by providing financial and management reports; ERP-BSC integration improves efficiency, control, and planning; Integration enhances competitiveness, decision speed, transparency, and profitability.
[45]	ERP-BSC-Data analytics	To propose a framework combining ERP, BSC, and advanced data analytics.	Conceptual framework	<ul style="list-style-type: none"> ERP systems combined with the BSC enable descriptive, predictive, and prescriptive analytics across BSC perspectives, transforming ERP into proactive strategic tool rather than passive data repository.
[56]	ERP-Management accounting	To examine ERP adoption motives, benefits, and challenges, and their implications on management accounting.	Qualitative case study	<ul style="list-style-type: none"> ERP provides real-time data across functions, supporting balanced performance evaluation (BSC).
[46]	Performance measurement (BSC) — ERP	To develop and implement a BSC-based performance management system supported by ERP data.	Case study	<ul style="list-style-type: none"> ERP-BSC integration improves performance monitoring and data synchronization; ERP alone can't fully detect strategic and operational issues; ERP-BSC integration enhances both operational efficiency and strategic management.

*Source: by the authors.

Conclusion. This study investigated the link between ERP systems and the Balanced Scorecard (BSC), with a focus on how ERP implementation can enhance the BSC's effectiveness in supporting strategic management and performance measurement. Although ERP systems and the BSC have been widely studied, the direct link between them remains relatively underexplored. By conducting a comprehensive literature review, this study brought together insights from both early and more recent research, emphasising that ERP systems play a key enabling role by supplying real-time, integrated data across the BSC's four perspectives.

The findings suggest that ERP systems contribute significantly to improved management control by automating data collection and reporting, streamlining information flow, and minimising manual tasks. These capabilities enhance the accuracy and timeliness of performance, allowing managers better align operational processes with strategic objectives. Moreover, the integration of ERP systems with the BSC promotes organisational transparency, supports advanced analytics, and enables management controllers to take on more strategic advisory roles rather than purely operational ones.

However, the review also highlights several challenges. In particular, when the BSC is operated outside ERP systems, its effectiveness can be weakened by fragmented data sources and delayed reporting.

Overall, the study underscores the importance of seamless ERP-BSC integration. Such integration empowers organisations to monitor performance in real-time, respond proactively to internal and external changes, and maintain continuous alignment between strategy and execution. This alignment ultimately enhances decision-making, operational efficiency, competitiveness, and the overall organisational performance.

Implications and Future Research Directions. This study provides practical insights for companies aiming to enhance their management control systems through ERP and BSC integration. Future research could further examine this relationship through empirical case studies across different sectors and company sizes, exploring the role of advanced analytics and emerging technologies in strengthening ERP-BSC integration.

REFERENCES

1. Quixy. Digital transformation. 2025. URL: <https://quixy.com/blog/top-digital-transformation-statistics-trends/#general-digital-transformation-statistics-and-trends>.
2. Rom A., Rohde C. Enterprise resource planning systems, strategic enterprise management systems and management accounting: A Danish study. *Journal of Enterprise Information Management*. 2006. Pp. 50–66.
3. Alaskari O., Pinedo-Cuenca R., Ahmad M. M. Framework for implementation of Enterprise Resource Planning (ERP) Systems in Small and Medium Enterprises. 30th International Conference on Flexible Automation and Intelligent Manufacturing (FAIM2021). 2021. Pp. 424–430.
4. Couto C. A., Vendrametto O., Costa Neto P. L., Morais M. d., Brejao A. S. ERP Systems and BSC in the Operations Management: An Analysis of Results by Companies. International Federation for Information Processing. 2016. Pp. 478–484.
5. Meyssonnier F., Pourtier F. ERP, changement organisationnel et contrôle de gestion. *Normes et Mondialisation*. 2004. URL: <https://shs.hal.science/halshs-00594030>.
6. Mawadia A., Chapellier P., Eggrickx A. ERP et profil d'activités du contrôleur de gestion: une évolution par paliers? *Management & Avenir*. 2016. Pp. 125–149.
7. Granlund M., Malmi T. Moderate Impact of ERPS on Management Accounting: a lag or permanent outcome. *Management Accounting Research*. 2002. Pp. 299–321.
8. Zouine A. Les facteurs clés de succès dans la mise en œuvre d'un ERP en contrôle de gestion: le courant structuration. *Revue Française d'Economie et de Gestion*. 2020. Pp. 209–230.
9. Rahardja U. Implementation of Enterprise Resource Planning (ERP) in Indonesia to Increase the Significant Impact of Management Control Systems. *APTISI Transactions on Management (ATM)*. 2023. Pp. 145–152.
10. Snyder H. Literature review as a research methodology: An overview and guidelines. *Journal of Business Research*. 2019. Vol 104. Pp. 333–339. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.07.039>.
11. Reix R., Fallery B., Kalika M., Rowe F. *Systèmes d'information et management* (7 ed.). Paris: Magnard-Vuibert. 2016.
12. Chapman C. S., Kihn L.-A. Information system integration, enabling control and performance. *Accounting, Organizations and Society*. 2009. Pp. 151–169.
13. Davenport T. H. Putting the Enterprise into the Enterprise System. *Harvard Business Review*. 1998. Pp. 121–131.
14. Edwards J. B. ERP, Balanced Scorecard, and IT: How do they fit together? *The Journal of Corporate Accounting and Finance*. 2001. Vol 12 (5). Pp. 3–12. <https://doi.org/10.1002/jcaf.1001>.
15. Davenport T. H. *Mission Critical: Realizing the promise of Enterprise Systems*. Boston, 2000.
16. Al-Mashari M., Al-Mudimigh A., Zairi M. Enterprise Resource Planning: A taxonomy of Critical Success Factors. *European Journal of Potential Research*. 2003. Pp. 352–364.
17. El-Baz K. A., El-Midan T. T., Ghattas M. S., AbouEleaz M. A. The Impact of Enterprise Resource Planning (ERP) Implementation on Performance of Firms: A Case to Support Production Process Improvement. *Mansoura Engineering Journal*. 2023. Pp. 1–12.
18. Gelinas J. U., Dull R. B., Wheeler P. R., Hill M. C. *Accounting Information Systems* (11 ed.). Boston, 2018.
19. Glenn G. *Enterprise Resource Planning-100 success secret*. Brisbane, 2008.
20. Richardson V. J., Chang C. J., Smith R. *Accounting Information Systems*. New York: McGraw-Hill Education. 2021.
21. Meyssonnier F., Pourtier F. Les ERP changent-ils le contrôle de gestion? *Association Francophone de Comptabilité | Comptabilité — Contrôle — Audit*. 2006. Pp. 45–64.
22. Dechow N., Granlund M., Mouritsen J. Management Control of complex organization: Relationship between management accounting and information technology. *Handbook of Management Accounting Research*. 2006. Pp. 625–640.
23. Khanna K., Arneja G. P. Choosing an Appropriate ERP Implementation Strategy. *IOSR Journal of Engineering*. 2012. Pp. 478–483.
24. Gargeya B. V., Brady C. Success and failure factors of adopting SAP in ERP system implementation. *Business Process Management Journal*. 2005. Pp. 501–516.
25. Bingi P., Sharma M. K., Godla J. K. Critical issues affecting ERP implementation. *Information Systems Management*. 1999. Pp. 7–14.
26. Nah F. F.-H., Lau J. L.-S., Kuang J. Critical factors for successful implementation of enterprise systems. *Business Process Management Journal*. 2001. Pp. 285–296.

27. Barker T., Frolick M. N. ERP Implementation failure — a case study. *Information Systems Management*. 2003. Pp. 43–49.
28. Wong A., Scarbough H., Chau P., Davison R. Critical Factors in ERP implementation. *PACIS*. 2005.
29. Chakravorty S. S., Dulaney R. E., Franza R. M. ERP implementation failures: a case study and analysis. *Int. J. Business Information System*. 2016. Pp. 462–476.
30. Salazar-Fierro F. A., Guamán-Cupacán B. R., León-Fernández C. V., Pineda-Manosalvas C. A., Reascos-Paredes I. M., Herrera-Quispe J. A. Failures in the implantation of Enterprise IT Application: Case studies and their main causes. *Revista Colombiana de Computación*. 2023. Vol 24 (02). Pp. 1–11. <https://doi.org/10.29375/25392115.4663>.
31. Holland C. P., Light B. A Critical Success Factors Model for ERP Implementation. *IEEE Software*. 1999. Pp. 30–36.
32. Seng Woo H. Critical Success Factors for Implementing ERP: the case of Chinese electronics. *Journal of Manufacturing Technology Management*. 2007. Pp. 431–442.
33. Garcia-Sánchez N., Pérez-Bernal L. E. Determination of Critical Success Factors in Implementing an ERP System: A Field Study in Mexican Enterprises. *Information Technology for Development*. 2007. Pp. 293–309.
34. Ranjan S., Jha V. K., Pal P. Literature review on ERP implementation challenges. *Int. J. Business Information Systems*. 2016. Pp. 388–402.
35. Kaplan R. S., Norton D. The Balanced Scorecard—Measures that Drives Performance. *Harvard Business Review*. 1992. Pp. 71–80.
36. Hepworth P. Weighing it up — a literature review for the balanced scorecard. *Journal of Management Development*. 1998. Pp. 559–563.
37. Kaplan R. S., Norton D. P. Transforming the Balanced Scorecard from Performance Measurement to Strategic Management: Part I. *American Accounting Association Accounting Horizon*. 2001. Pp. 87–104.
38. Drury C. T. *Management and Cost Accounting*. Boston, 2020.
39. Kaplan R. S., Norton D. P. Linking the Balanced Scorecard to Strategy. *California Management Review*. 1996. Vol. 39 (1). Pp. 53–79.
40. Tawse A., Tabesh P. Thirty years with the balanced scorecard: What we have learned. *Business Horizons*. 2023. Vol. 66 (1). Pp. 123–132.
41. Kaplan R. S., Norton D. Using the Balanced Scorecard as a Strategic Management System. *Harvard Business Review*. 1996.
42. Brown J. B., McDonnell B. The balanced score-card: short-term guest or long-term resident? *International Journal of Contemporary Hospitality Management*. 1995. Pp. 7–11.
43. Lueg R. Strategy maps: the essential link between the balanced scorecard and action. *Journal of Business Strategy*. 2015. Pp. 34–40.
44. Kumar S., Lim W. M., Sureka R. J., Bamel U. Balanced scorecard: trends, developments, and future directions. *Review of Managerial Science*. 2024. Pp. 2397–2439. <https://doi.org/10.1007/s11846-023-00700-6>.
45. Appelbaum D., Kogan A., Vasarhelyi M., Yan Z. Impact of Business Analytics and Enterprise Systems on Managerial Accounting. *International Journal of Accounting Information Systems*. 2017. Pp. 29–44.
46. Wahjudi D., Palit H. N., Ping S. Enhancing Organizational Performance Through Integrated ERP-Based Balanced Scorecard Systems: A Case Study. The 1st International Conference on Creative Design, Business and Society (1st ICCDBS). 2023. Pp. 112–123. <https://doi.org/10.18502/kss. v9i32.17430>.
47. Granlund M., Mouritsen J., Vaassen E. On the relations between modern information technology, decision making and management control. *International Journal of Accounting Information Systems*. 2013. Pp. 275–277.
48. Scapens R. W., Jazayeri M. ERP systems and management accounting change: opportunities or impacts? A research note. *European Accounting Review*. 2003. Pp. 201–233.
49. Granlund M., Mouritsen J. Special section on management control and new information technologies. *European Accounting Review*. 2003. Pp. 77–83.
50. Kanellou A., Spathis C. Accounting benefits and satisfaction in an ERP environment. *International Journal of Accounting Information Systems*. 2013. Pp. 209–234.
51. Spraakman G., Sanchez-Rodriguez C., Tuck-Riggs C. A. Data analytics by management accountants. *Qualitative Research in Accounting & Management*. 2021. Pp. 127–147.
52. Hammouch H. Enhancing Management Control Through ERP Systems: A Comprehensive Literature Review. *iRASD Journal of Management*. 2024. Pp. 125–133.
53. Granlund M. On the interface between management accounting and modern information technology — A literature review and some empirical evidence. The 30th Annual Congress of the EAA. Lisbon. 2007.

54. Rathore S. D., Oza H. S. A Study on Relationship Between ERP Implementation and Management Accounting Practices. *International Journal of Advanced Research*. 2017. Pp. 808–820.
55. Spraakman G., O'Grady W., Akroyd C. ERP systems and management accounting: new understandings through “nudging” in qualitative research. *Journal of Accounting & Organizational Change*. 2018. Pp. 120–137.
56. Weerasekara U., Gooneratne T. Enterprise resource planning (ERP) system implementation in a manufacturing firm: Rationales, benefits, challenges and management accounting ramifications. *Accounting and Management Information Systems*. 2023. Pp. 86–110.
57. Rouissi C. The influence of the Enterprise Resource Planning (ERP) on Management Controllers: A Study in the Tunisian Context. *International Journal of Business and Management*. 2020. Pp. 25–35.
58. Teittinen H., Pellinen J., Järvenpää M. ERP in action — Challenges and benefits for management control in SME context. *International Journal of Accounting Information System*. 2013. Pp. 278–296.
59. Granlund M. On the interface between accounting and modern information technology. Turku. Turku School of Economic. 2009.

Поступила в редакцию: 28.04.2025.

Принята к печати: 02.06.2025.

УДК 365.4
DOI 10.14258/epb202535

ИНДИКАТОРЫ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ КАЧЕСТВОМ НОВЫХ КВАРТИР: МОТИВЫ, ПОКАЗАТЕЛИ, ПРОБЛЕМЫ

Л.Х. Габидуллина, Т.В. Сушкова

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова (ИЭУП) (Набережные Челны, Россия)

Уровень жизни человека во многом определяется наличием жилья, его качеством и жилой средой. Семьи Российской Федерации имеют возможность улучшать свои жилищные условия разными способами (строительство собственного жилья, приобретение вторичной недвижимости, покупка жилья на этапе строительства, приобретение новой квартиры, аренда). Среди всех форм улучшения жилищных условий особый интерес представляют новые жилые комплексы, которые привлекают своей современной инфраструктурой, дизайном, чистотой, благоустройством территории. Однако не только предложение определяет спрос, но и удовлетворенность новоселов формирует отношение и их будущий интерес к новому жилью у зарекомендовавшего себя застройщика. В данной статье представлены итоги опроса удовлетворенности жителей нового жилого комплекса купленной квартирой. Исследование носило количественный анализ, инструментом опроса выступила анкета. Анализ удовлетворенности потребителей квартирой в новом жилом комплексе — актуальный вопрос на высококонкурентном рынке в силу особенностей рынка жилой недвижимости, который характеризуется дифференцированными ценами, их колебаниями, дифференцированным предложением, разнообразием банковских ипотечных программ в зависимости от условий застройщика и возможностей клиента.

Ключевые слова: новые квартиры, индекс удовлетворенности, индекс лояльности, мотивы, выраженность, ожидания, восприятие.

INDICATORS OF SATISFACTION WITH THE QUALITY OF NEW APARTMENTS: MOTIVES, INDICATORS, PROBLEMS

L. Kh. Gabilullina, T. V. Sushkova

Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasova (IEML) (Naberezhnye Chelny, Russia)

The standard of living of a person is largely determined by the availability of housing, its quality and the living environment. Families in the Russian Federation have the opportunity to improve their living conditions in various ways (building their own homes, purchasing secondary real estate, buying housing during the construction phase, purchasing a new apartment, renting). Among all forms of housing improvement, new residential complexes are of particular interest, which attract with their modern infrastructure, modern design, cleanliness, and landscaping. However, it is not only supply that determines demand, but also the satisfaction of new settlers that shapes the attitude and their future interest in new housing from a well-established developer. This article presents the results of a survey of the satisfaction of residents of a new residential complex with a purchased apartment. The study was a quantitative analysis, the survey tool was a questionnaire. Analysis of consumer satisfaction with an apartment in a new residential complex is an urgent issue in a highly competitive market, due to the peculiarities of the residential real estate market, which is characterized by differentiated prices, their fluctuations, differentiated supply, and a variety of bank mortgage programs depending on the conditions of the developer and the client's capabilities.

Keywords: new apartments, satisfaction index, loyalty index, motives, expression, expectations, perception.

Введение. Взаимосвязь между удовлетворенностью жилищными условиями и качеством жизни рассмотрена и исследована в трудах Аль Шибани Алаа Абдали [1], О. В. Жуковой [2],

Е. В. Крелиной, И. А. Саенко, В. В. Пуховой, Е. В. Кашиной [3], М. М. Старицкой [4], Й. Ким [5]. Данная проблематика является предметом исследований не только ученых, но и Правительства Российской

Федерации, подтверждением тому выступает Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года» [6]. Однако исследовательская база удовлетворенности новой жилой недвижимостью как предмета исследования мало изучена. Это и определило цель, задачи и структуру исследования.

Как показывает статистика, большинство людей приобретают жилье один раз в жизни, потому его покупка — это длительное и перспективное капиталовложение, требующее взвешенных решений. В качестве альтернативы покупки жилой недвижимости есть возможность приобрести вторичное или первичное/новое жилье. Согласно данным исследований финансового института «ДОМ. РФ», специализирующегося на развитии жилищной сферы с 1997 года, население страны в два раза чаще предпочитает покупать квартиры в новостройке, нежели на вторичном рынке [7].

Первичный и вторичный рынки недвижимости тесно связаны друг с другом, предлагая взаимозаменяемые товары [8]. Вторичная недвижимость имеет ряд преимуществ перед новостройкой: квадратный метр жилья дешевле, наличие современного ремонта (плитка в ванной, встроенный кухонный гарнитур с современной техникой, встроенная мебель в комнатах), готовая инфраструктура жилого района.

Новостройки существенно уступают вторичному жилью по одному из главных факторов, определяющих выбор жилья — стоимость. Следует предположить, что эта стоимость должна оправдываться качеством новостройки. Аналитики сертификации новостроек Urban Grade провели социологическое

исследование среди россиян, получающих квартиры. Итоги исследования были озвучены в апреле 2025 г. Оказалось, что среди опрошенных россиян 93% новоселов недовольны качеством квартир в новостройках, они столкнулись с теми или иными недочетами в квартирах, и только 7% сказали, что все в их новом жилье было идеально [9]. Аль Шибани Алаа Абдали в своей публикации утверждает, что на основании удовлетворенности жильем определяется возможность выбора оптимальных вариантов развития жилой среды [1].

С целью изучения уровня удовлетворенности клиентов проживанием в новом жилом комплексе (ЖК) «Адымнар» города Елабуга, застройщиком которой выступила строительная компания ООО «СЗ Домкор», было проведено маркетинговое исследование.

Методология исследования. Метод сбора информации — опрос. Инструмент сбора — анкета. Анкета носила структурированный характер — все респонденты отвечали на одинаковые вопросы. В анкете содержались как открытые вопросы (респондентам задавали вопрос, они отвечали в свободной форме), так и закрытые вопросы (содержали шкалы, для определения степени согласия с поставленным вопросом, а также вопросы с прописанными вариантами ответов). Было опрошено 26% проживающих в ЖК «Адымнар».

Результаты исследования. Город состоит из районов, обладающих уникальными характеристиками, формирующих соответствующий стиль и образ жизни человека, целых социальных групп [10]. Данный тезис определил одну из задач исследования — определение мотива выбора клиентами ЖК «Адымнар». Распределение ответов опрошенных представлено на рис. 1.

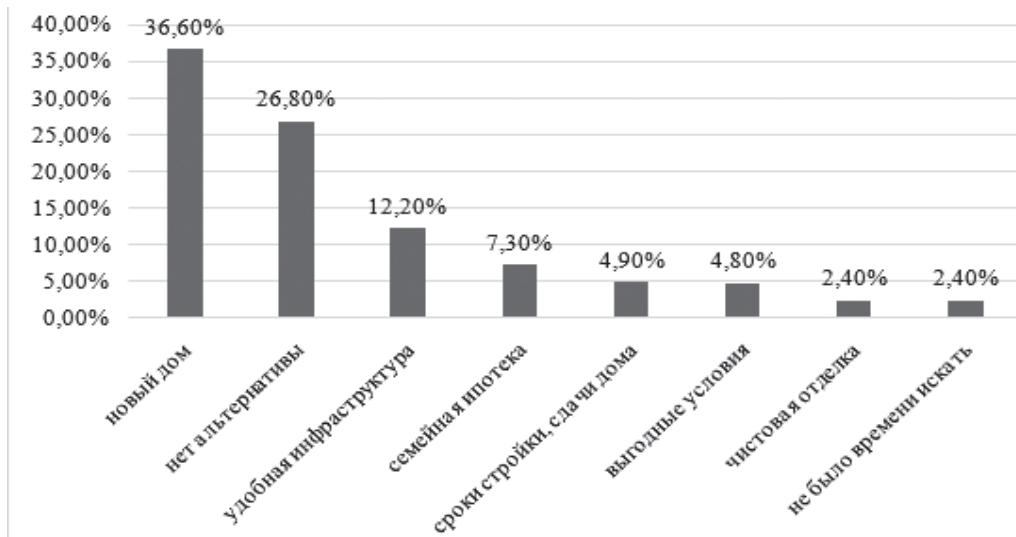

Рис. 1. Мотивы клиентов при выборе ООО «СЗ Домкор» для покупки квартиры

Итоги исследования определили, что для 36,6% опрошенных это новый жилой комплекс, не оказалось других альтернатив у 26,8% респондентов. 12,2% опрошенных жильцов выбрали ООО «С3 Домкор» из-за удобной инфраструктуры, 7,3% причиной выбора указали семейную ипотеку. Около 5% респондентов отметили сроки сдачи дома и стройки, 4,8% — выгодные условия. Наименьшее

количество опрошенных отметили в качестве мотива чистовую отделку и отсутствие времени на поиск (по 2,4% соответственно).

Далее, согласно поставленным задачам, были определены отличительные свойства объекта исследования от других ЖК, предлагаемых в Елабуге. На рисунке 2 представлено распределение ответов респондентов относительно поставленной задачи.

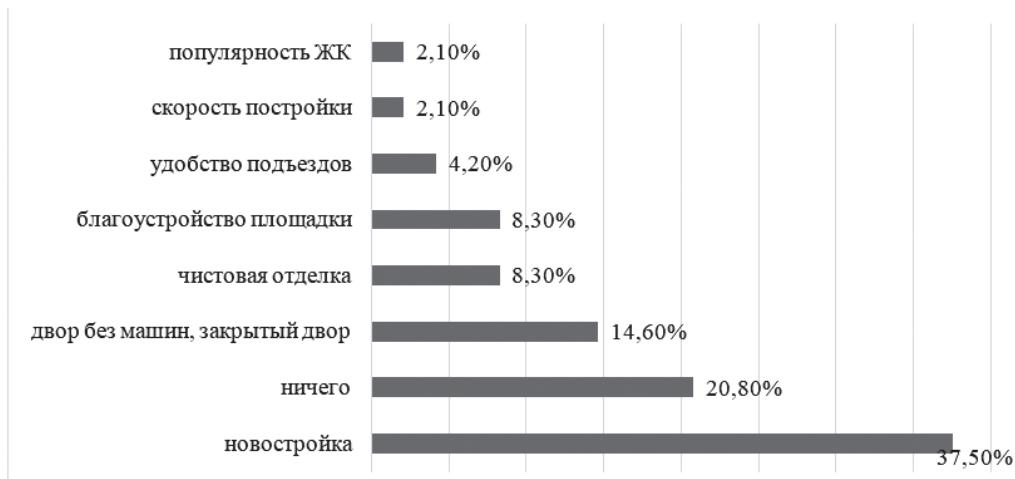

Рис. 2. Отличительные особенности «Адымнар»

Из рисунка 2 следует, что основным отличительным свойством ЖК «Адымнар» выступает его новизна (37,5%), для 20,8% опрошенных жильцов «Адымнар» ничем не отличается от остальных ЖК и других застройщиков. 14,6% респондентов отметили, что «Адымнар» — это «двор без машин». Благоустройство территории, площадки и чистовую

отделку в качестве основных особенностей анализируемого ЖК указали по 8,3% жильцов исследуемого объекта. Незначительное количество опрошенных (4,2%) отметили в качестве преимущества удобство подъездных путей. Наименьший процент респондентов отметили скорость постройки и популярность ЖК (по 2,1% соответственно).

Таблица 1

Важность и выраженность критериев выбора жилья в ЖК «Адымнар», по мнению клиентов

Критерии	Важность критерия	Выраженность критерия	Максимальное значение критерия
Удобство месторасположения дома	0,28	7,5	10
Стоимость квартиры	0,18	5,2	10
Качество строительства	0,17	3,8	10
Инфраструктура	0,16	3,6	10
Размер и планировка квартиры	0,15	7,2	10
Репутация компании застройщика	0,07	6,4	10
Итого	1		
Взвешенная оценка удовлетворенности = 5,79			
Максимальное значение удовлетворенности = 9,1			
CSI = 63,7%			

Однако выбирая будущее жилье, покупатель рассчитывает в нем прожить несколько лет, поэтому кроме мотива особое значение обретает важность критериев при определении местожительства. В анкету был включен соответствующий

закрытый вопрос; респонденты проранжировали показатели, а также была определена степень их удовлетворенности данными критериями. Соответствующие итоги представлены в таблице 1. Ее итоговые значения позволяют рассчитать уни-

версальный аналитический инструмент для измерения удовлетворенности покупателей выбранным жильем — индекс удовлетворенности клиентов (CSI). Данная метрика учитывает веса критериев и их представленность/выраженность у объекта исследования.

Согласно имеющимся данным, индекс удовлетворенности клиентов проживанием в новом жилом комплексе составил 63,7%. Интерпретация значений CSI в таблице 2.

Таблица 2
CSI — индекс удовлетворенности клиентов [11]

CSI	Степень удовлетворенности клиентов
Более 80%	Высокая степень удовлетворенности
75–80%	Средняя степень удовлетворенности
50–75%	Недостаточная степень удовлетворенности
Менее 50%	Низкая степень удовлетворенности

Таким образом, можем заключить, что удовлетворенность жильцов проживанием в новом ЖК «Адыннар» демонстрирует недостаточную ее степень. Причинно-следственной связью тому, скорее всего, выступает природа проблем, с которыми столкнулись новоселы во время проживания в ЖК «Адыннар». Из общей совокупности опрошенных 67,7% новоселов указали на ряд проблем во время проживания в новом жилом комплексе. Наиболее частые, с которыми они столкнулись, представлены на рисунке 3.

Таким образом, главной проблемой, с которой столкнулись респонденты, является качество строительства, отделочных и строительных материалов (45,5%). На втором месте — неприятный запах канализации в подъездах ЖК «Адыннар» (20,5%), 11% отметили затопление квартиры соседями как проблему, 6,8% отмечают звукоизоляцию (хорошую слышимость) и 6,7% — проблемой считают парковку.

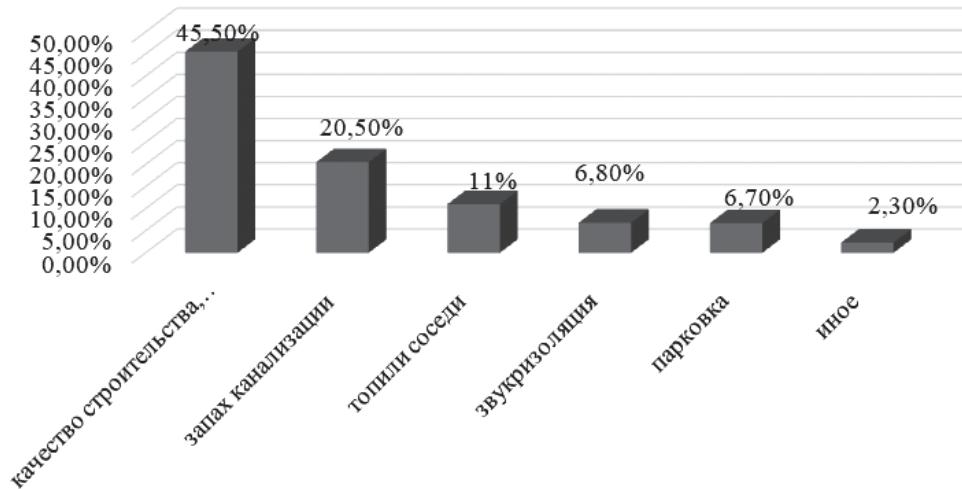

Рис. 3. Проблемы, с которыми столкнулись новоселы ЖК «Адыннар»

Основные проблемы, которые вошли в категорию «Качество строительства, отделочных и строительных материалов»:

- продувает потолок;
- сквозит из окон;
- продувает, протекает балкон;
- протекают трубы;
- трещины в стенах;
- провода, электрика;
- сантехника, трубы.

Учитывая совокупность жильцов, столкнувшихся с проблемами проживания в новостройке, можно предположить, что они обратились в управляющую компанию (УК) или в компанию-застройщика, для их устранения. Распределение ответов по данному вопросу представлено на рисунке 4.

Данные рисунка позволяют заключить, что больше половины новоселов (58%) не обращались ни в УК, ни к застройщику, проблемы были решены собственными силами жильцов. Треть опрошенных (32%) обращались, и их проблема была решена. Проблемы 10% респондентов не были решены.

Согласно принципам маркетинга и методологии оценки качества услуг, понятие удовлетворенности следует оценивать с точки зрения ожидаемого и реального восприятия. Потому проводить оценку качества жилья новоселом стоит не сразу, а спустя некоторое время. В соответствии с методологией исследования важно не упустить время прихода реальной удовлетворенности, так как с течением времени оценка удовлетворенности может снижаться и количество технических недоче-

тов строительства и отделки жилья будет больше. В связи с этим одной из задач исследования являлось определение степени соответствия ожида-

ний и реальности покупателей квартир у ООО «СЗ Домкор». Результаты исследования представлены на рисунке 5.

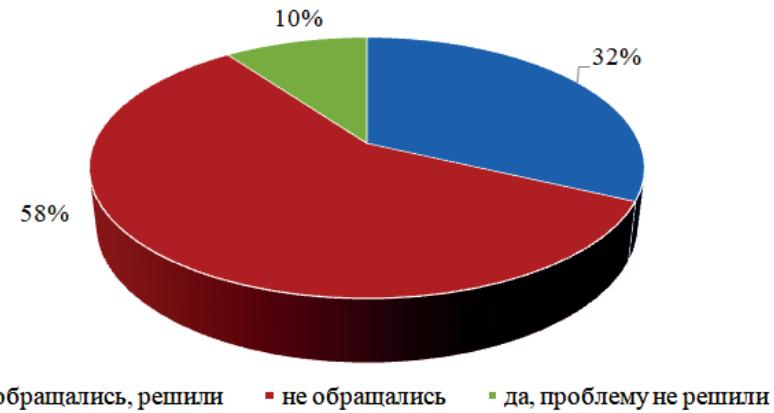

Рис. 4. Обращения жильцов с проблемами в управляющую компанию или ООО «СЗ Домкор»

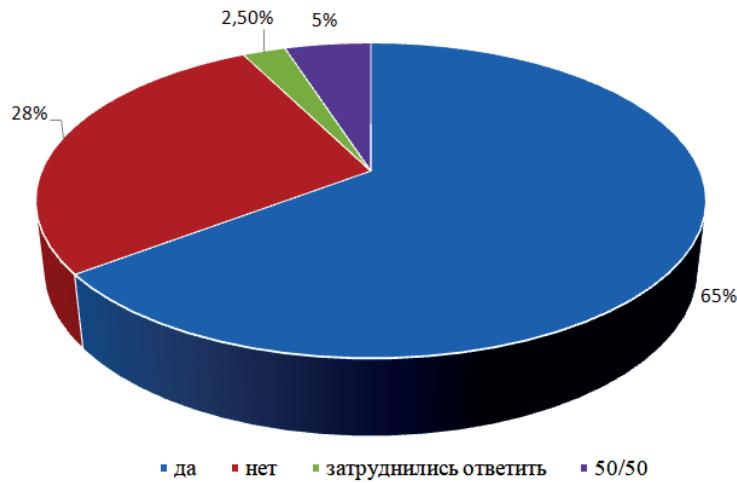

Рис. 5. Ответы респондентов относительно соответствия квартиры ожиданиям, заявленным в рекламе

Рисунок 5 демонстрирует соответствие информационных каналов ожиданиям клиентов, мнение таковых составляет 65%. Треть опрошенных (28%) указали, что заявления застройщика в средствах рекламы (буклеты, брошюры, презентации) не соответствовали действительности, оставшиеся 5% согласились с соответствием только наполовину.

Оценка качества квартир в целом представляет интерес для компаний-застройщика, так как этот показатель представляет собой совокупное/комплексное впечатление, которое состоит из качества отделки жилья, качества обслуживания (скорость реакции на жалобы и устранение проблем), качества предложения (стоимость жилья, условия оплаты и пр.).

В связи с этим в анкету был включен ключевой вопрос: «Насколько Вы удовлетворены квартирой от ООО «СЗ ООО „СЗ Домкор”»?», для оценки использовалась 5-балльная шкала. Результаты оценки степени удовлетворенности квартирой представлены на рисунке 6.

Из рисунка 6 следует, что значительная часть (36,7%) опрошенных удовлетворены квартирой на отлично (56). 16,3% — хорошо (46), удовлетворительно (36) оценивают квартиру от ООО «СЗ ООО „СЗ Домкор”» 32,7% жильцов. В совокупности 18,2% от всех опрошенных не удовлетворены квартирой, в которой они проживают (1 и 26). Таким образом, средний балл уровня удовлетворенности составил 3,8.

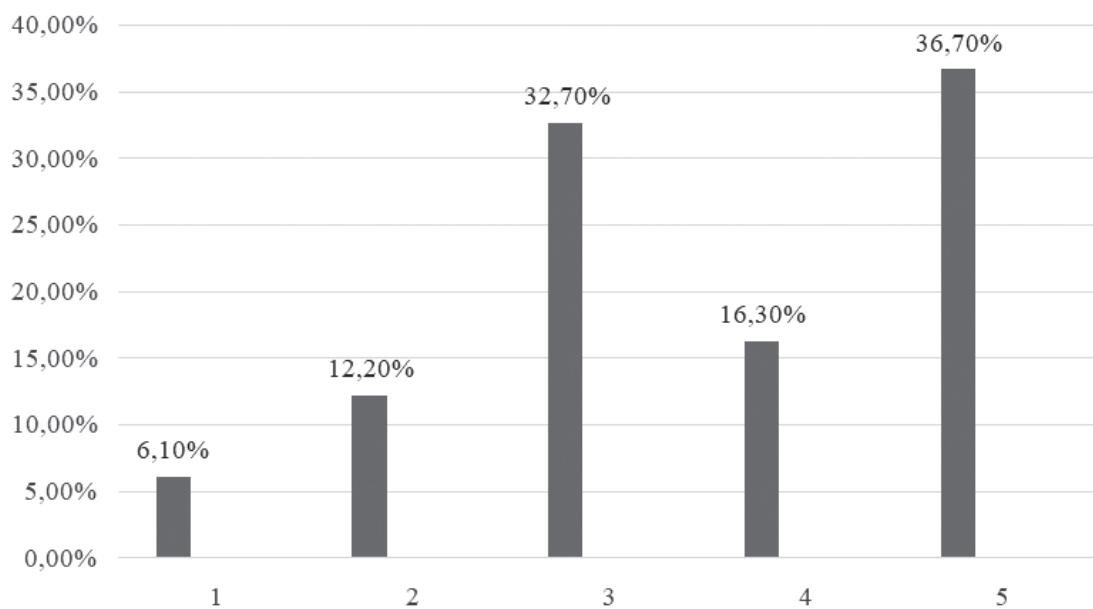

Рис. 6. Степень удовлетворенности жильцов квартирой ООО «СЗ ООО „СЗ Домкор”»

Рынок жилья, как и любой другой, состоит из деятельности конкурентов, на анализируемом рынке это конкуренты-застройщики, предлагающие новое и вторичное жилье. Каждый вид жилья имеет свои преимущества и недостатки, однако для компаний-застройщиков немаловажной выступает лояльность клиентов к деятельности компаний. Именно данный показатель дает неко-

торые гарантии того, что новосел посоветует компанию друзьям, знакомым, родственникам, возможно, в будущем при намерении сменить жилье клиент обратится в строительную компанию, услугами которой он уже пользовался. Актуальность данного вопроса не вызывает сомнений в данном исследовании. Итоги по соответствующему закрытому вопросу представлены на рисунке 7.

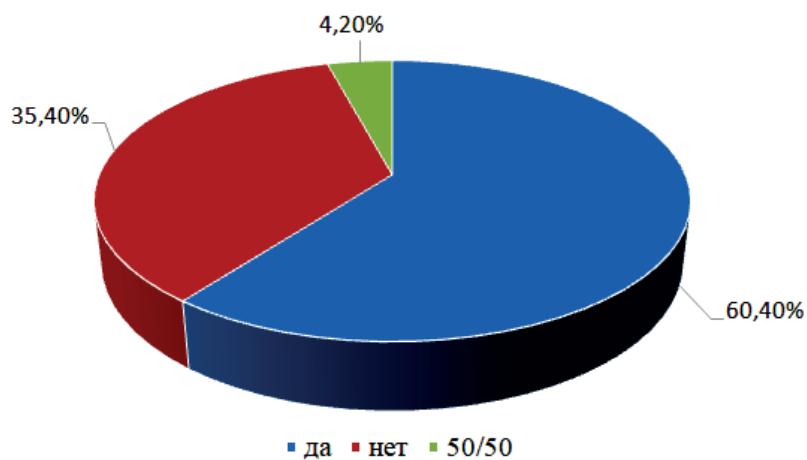

Рис. 7. Готовность порекомендовать ООО «СЗ Домкор» своим друзьям, знакомым, родственникам

Рисунок 7 демонстрирует готовность 60,4% респондентов порекомендовать ООО «СЗ Домкор» своим друзьям, знакомым, родственникам. Чуть больше трети опрошенных (35,4%) не будут рекомендовать и 4,1% — заняли нейтральную позицию. Используя упрощенный вариант формулы лояльности клиентов к организации, можно определить

уровень лояльности клиентов (NLS), которая представляет собой разность значений между готовыми и неготовыми клиентами рекомендовать застройщику. В нашем случае уровень лояльности клиентов к компании-застройщику составляет 25%. Можно утверждать, что данный показатель далек от идеальных значений.

Заключительный вопрос анкеты носил открытый характер и был направлен на сбор информации о предложениях и рекомендация для работы и об-

служивания ЖК «Адымнар». Итоги по данному аспекту представлены на рисунке 8.

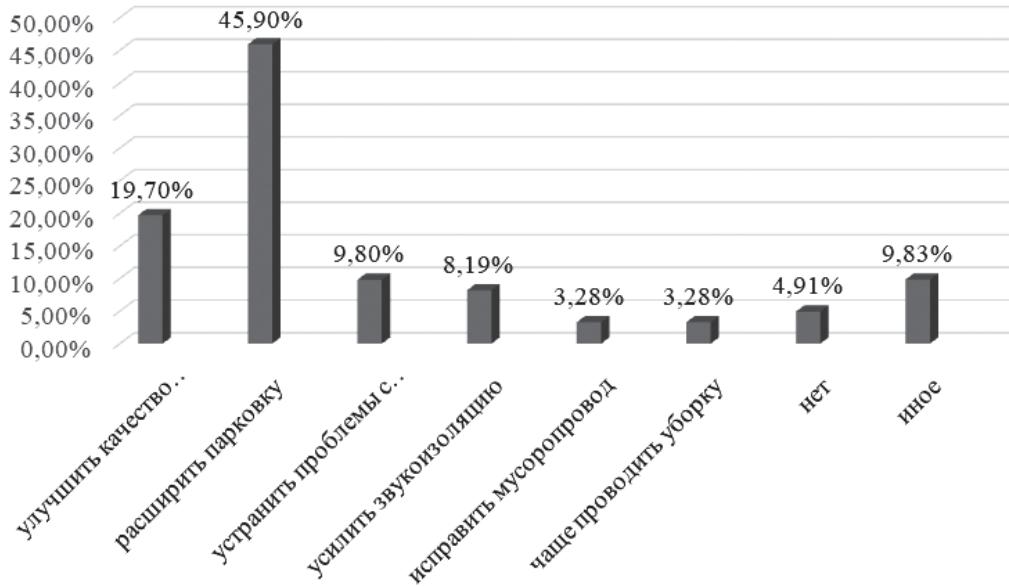

Рис. 8. Предложения и рекомендации опрошенных для совершенствования деятельности ООО «СЗ Домкор»

Из рисунка 8 следует, что большая часть опрошенных (45,9%) рекомендует расширить парковку, 19,7% отметили необходимость улучшения качества отделки, строительства и т. п. Далее по популярности рекомендаций (9,8%) выступает устранение проблемы с канализацией (неприятный запах); для 8,2% актуальным является решение проблемы с шумоизоляцией; 3,2% просят устранить проблемы с мусоропроводом и повысить частоту уборки помещений и территории. В ответ «иное» вошло многообразие предложений в качестве единичных: расширение территории, реконструкция детской площадки, ограждение территории, посадка цветов, кустов, снижение стоимости жилья.

Выводы. Особенностью рынка недвижимости выступает его неоднородность в виде следующих показателей: цель покупки (обмена), стоимость квадратного метра жилья на первичном и вторичном рынке, район проживания, его инфраструктура и др. Совокупность этих индикаторов

определяет удовлетворенность клиента выбранной для проживания недвижимостью. Удовлетворенность новоселов качеством жилья — это комплексный, собирательный, детерминированный показатель. Жители нового ЖК «Адымнар» Елабуги подтвердили общую статистику социологического исследования, проведенного аналитиками сертификации новостроек Urban Grade, о низкой удовлетворенности качеством квартир в новостройках. Основными доминирующими аспектами низкой удовлетворенности выступили качество строительства, отделочных и строительных материалов, неприятный запах канализации в подъездах, затопление квартиры соседями. При этом только треть опрошенных обратились с жалобами в строительную компанию для устранения проблем, оставшиеся справились собственными силами. Средний балл удовлетворенности новым жильем ЖК «Адымнар» города Елабуги составил 3,8 балла, индекс удовлетворенности клиентов (CSI) составил 63,7% из возможных 100%.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аль Шибани Алаа Абдали. Связь жилой архитектурной среды с критерием удовлетворенности жильем и социально приемлемым жильем в Ираке // Инновации и инвестиции. 2018. № 7. С 171–177.
2. Жукова О. В. Анализ состояния и тенденции развития сегментов рынка жилой недвижимости // Финансовый менеджмент. 2022. № 6. С. 62–69.

3. Крелина Е. В., Саенко И. А., Пухова В. В., Кашина Е. В. Исследование удовлетворенности населения жилищными условиями как основа для развития жилищного строительства (на примере крупного сибирского города) // Инновации и инвестиции. 2021. № 10. С. 110–120.
4. Старикова М. М. Жилищное неравенство в городах как форма социального расслоения: критерии выделения жилищных классов и страт // Урбанистика. 2018. № 3, С. 71–98. <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2018.3.27955>.
5. Kim J. H. Amenity valuing differentiation in residential location choice among income groups: A state preference approach // International Journal of Urban Sciences. 2006. No. 10 (1). Pp. 41–57.
6. Распоряжение Правительства РФ от 31.10.2022 № 3268-р от 21.10.2024 «Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430333/ (дата обращения: 10.05.2025).
7. ДОМ. РФ. Жилье и ипотека. Социологический опрос российских семей 2024. URL: [https://dom.rf/upload/iblock/9b6/5wm1vi2f80kn500let30rognrkwgrxvy.pdf/](https://dom.rf/upload/iblock/9b6/5wm1vi2f80kn500let30rognrkwgrxvy.pdf) (дата обращения: 06.05.2025).
8. Петрова Е. Е., Бикезина Т. В., Арапов С. В. Экономика недвижимости: учебное пособие. СПб., 2023. С. 308.
9. Большинство россиян выразили недовольство качеством квартир в новостройках. URL: <https://iz.ru/1864293/2025-04-03/bolsinstvo-rossian-vyrazili-nedovolstvo-kacestvom-kvartir-v-novostroikah/> (дата обращения: 07.05.2025).
10. Ашихмина В. М., Давыдкина Л. В. Удовлетворенность качеством жилой среды и в окраинных районах-новостройках (на примере г. Самара) // Вестник магистратуры. 2019. № 11–3 (98). С. 34–36.
11. Примеры исследований на рынке жилой недвижимости. URL: <https://scanmarket.ru/markets-detail/zhilaya-nedvizhimost/> (дата обращения: 10.05.2025).

REFERENCES

1. Al Shibani Ala Abdali. The relationship of the residential architectural environment with the criterion of housing satisfaction and socially acceptable housing in Iraq. Innovations and investment. No. 7. Pp. 171–177.
2. Zhukova O. V. Analysis of the state and development trends of residential real estate market segments. Financial management. 2022. No. 6. Pp. 62–69.
3. Krelina E. V., Saenko I. A., Pukhova V. V., Kashina E. V. Study of population satisfaction with housing conditions as a basis for the development of housing construction (on the example of a large Siberian city). Innovations and investments. 2021. No. 10. Pp. 110–120.
4. Starikova M. M. Housing inequality in cities as a form of social stratification: criteria for distinction of housing classes and strata. Urban Studies, 2018. No. 3, Pp. 71–98. <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2018.3.27955>.
5. Kim J. H. Amenity valuing differentiation in residential location choice among income groups: A state preference approach. International Journal of Urban Sciences. 2006. No. 10 (1). Pp. 41–57.
6. Decree of the Government of the Russian Federation dated 31.10.2022 No. 3268-r dated 21.10.2024 “On approval of the Strategy for the Development of the construction industry and Housing and communal services of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2035”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430333/ (date of access: 10.05.2025).
7. DOM. RF. Housing and mortgages. Sociological survey of Russian families in 2024. URL: [https://dom.rf/upload/iblock/9b6/5wm1vi2f80kn500let30rognrkwgrxvy.pdf/](https://dom.rf/upload/iblock/9b6/5wm1vi2f80kn500let30rognrkwgrxvy.pdf) (date of access: 06.05.2025).
8. Petrova E. E., Bikezina T. V., Arapov S. V. Economics of real estate: textbook. St. Petersburg, 2023. 308 p.
9. The majority of Russians expressed dissatisfaction with the quality of apartments in new buildings. URL: <https://iz.ru/1864293/2025-04-03/bolsinstvo-rossian-vyrazili-nedovolstvo-kacestvom-kvartir-v-novostroikah/> (date of access: 07.05.2025).
10. Ashikhmina V. M., Davydchina L. V. Satisfaction with the quality of the residential environment and in suburban areas-new buildings (on the example of Samara). Bulletin of Magistracy. 2019. No. 11–3 (98). Pp. 34–36.
11. Examples of research in the residential real estate market. URL: <https://scanmarket.ru/markets-detail/zhilaya-nedvizhimost/> (date of access: 10.05.2025).

Поступила в редакцию: 28.05.2025.

Принята к печати: 29.07.2025.

УДК 338.27
DOI 10.14258/epb202536

СТРАТЕГИЯ ОРГАНИЗАЦИИ: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РАЗРАБОТКЕ

Ю. В. Горбунов¹, А. Ю. Горбунова¹, Ю. И. Раствор²

¹Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

²Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Россия)

Проблематика исследования связана с возрастающей актуальностью и сложностью разработки стратегий развития современными организациями. Радикальные и непредсказуемые изменения, происходящие как внутри национальных экономик, так и на уровне разных государств и их объединений, затрудняют или вовсе делают невозможным генерирование достоверных долгосрочных прогнозов. А именно они, согласно популярным методикам, являются основой разработки организационных стратегий. Вместе с тем без грамотно выстроенной перспективы невозможно успешное развитие компаний. В статье авторами исследуется категория «стратегия», которая сопоставляется с понятием «стратегическое планирование», рассматриваются инструменты стратегического управления, подходы к разработке организационной стратегии.

С помощью методов экономического и финансового анализа изучается динамика наиболее значимых внешних и внутренних факторов, влияющих на развитие ПАО «Горно-металлургическая компания «Норильский никель», анализируются методы разработки стратегии, применяемые менеджментом этой компании. Исследование показало, что руководство ПАО «Норильский никель» было вынуждено отказаться от использования рационального подхода в стратегическом менеджменте в пользу логического инкрементализма.

Ключевые слова: стратегия, стратегическое планирование, стратегическое управление, неопределенность, рациональные подходы, логический инкрементализм.

THE ORGANIZATION'S STRATEGY: METHODOLOGICAL APPROACHES TO DEVELOPMENT

Ю. В. Горбунов¹, А. Ю. Горбунова¹, Ю. И. Раствор²

¹Altai State University (Barnaul, Russia)

²St. Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russia)

The research issue is related to the increasing relevance and complexity of developing development strategies for modern organizations. Radical and unpredictable changes occurring both within national economies and at the level of different states and their associations make it difficult or impossible to generate reliable long-term forecasts. Namely, they are, according to popular methods, the basis for the development of organizational strategies. At the same time, successful development of companies is impossible without a well-structured perspective. In the article, the authors explore the category of “strategy”, which is compared with the concept of “strategic planning”, consider the tools of strategic management, approaches to the development of organizational strategy.

Using the methods of economic and financial analysis, the dynamics of the most significant external and internal factors affecting the development of Public Joint Stock Company “Mining and Metallurgical Company “Norilsk nickel” is studied, and the methods of strategy development applied by the management of this company are analyzed. The study showed that the management of PJSC MMC Norilsk Nickel was forced to abandon the use of a rational approach in strategic management in favor of logical incrementalism.

Keywords: strategy, strategic planning, strategic management, uncertainty, rational approach, logical incrementalism.

Введение. Проведенное исследование выявило проблему несоответствия применяемых популярных методик разработки организационных стратегий современным условиям и, как следствие, выбор компаниями ошибочных перспективных направлений развития.

Актуальность разработки стратегий современными организациями усиливается в связи с нарастающей неопределенностью среды ведения бизнеса и ее усложнением. Еще в конце XX века менеджеры начали описывать изменения внешней и внутренней среды хозяйствования как непрерывные, турбулентные, непредсказуемые [1, 2]. Современный век к этим эпитетам добавил такие как хаос; изменения, вызванные «мощью ускорения», разнонаправленностью сил. Процесс усложнения экономических, общественных, политических отношений продолжается. Он дополняется глобальными научно-техническими прорывами, которые создают для организаций как неожиданные возможности, так и непредвиденные угрозы. Усиливаются и экологические проблемы, которые также необходимо решать современным компаниям. Поэтому управление организацией из сложной задачи, которой оно было всегда, превращается в сверхсложную [3, 4].

Руководить в таких условиях без «видения будущего» невозможно. Даже если это видение не точное, неполное, приблизительное, быстроменяющееся, без него современным организациям нельзя развиваться. Именно созданная стратегия обеспече-

чивает видение будущего, уменьшает неопределенность, освещает возможные пути развития компаний. Этим определяется усиление значимости стратегии для хозяйствующих субъектов.

Целью данной статьи является получение знаний относительно новых методических подходов к разработке организационных стратегий в современных условиях.

В ходе исследования использовались методы экономико-статистического, финансового анализа; графический метод как средство иллюстрации изучаемых процессов; табличный метод — для агрегирования данных; применялся принцип диалектического единства теории и практики в контексте современности.

Результаты исследования и обсуждения. Как известно, толковый словарь толкует термин «стратегия» как «общий план ведения войны, боевых операций», отмечая его греческое происхождение от stratos — войско и ago — веду [5]. С середины XX века это понятие стало применяться в менеджменте. Цель его использования — возможность предвидения будущего и обеспечение правильной реакции организации на грядущие перемены.

Несмотря на более чем полувековое применение данного понятия в теории и практике управления организациями, его однозначного толкования научное сообщество не выработало. Наиболее распространенные определения понятия стратегии приведены в таблице 1.

Таблица 1

Наиболее распространенные определения понятия «стратегия»

Определение стратегии	Автор
Стратегия представляет собой детальный всесторонний комплексный план, предназначенный для того, чтобы обеспечить осуществление миссии организации и достижение ее целей	М. Х. Мескон [6, с. 225]
Бизнес-стратегия — это план, которого должна придерживаться организация, чтобы достичь конкретной цели	А. Андреева [7]
Стратегия — это согласованная собственниками и руководителями организации система долгосрочных целей ее развития и путей их достижения (мероприятий, проектов и программ)	Р. Н. Шамгунов [8]
Набор правил для принятия решений, которыми организация руководствуется в своей деятельности	И. Ансофф [9, с. 68]
Стратегия — это обязательство действовать определенным образом; таким, а не другим. Стратегия организации — это указание о том, как перевести организацию оттуда, где она находится сейчас, туда, где она хочет находиться; это средство достижения желаемых результатов	А. А. Томпсон [10, с. 11]
Стратегия означает общую программу, а также распределение приоритетов и ресурсов в интересах достижения масштабных целей	Г. Кунц [11, с. 301]
Стратегия — это общее направление, на котором следует искать пути достижения целей. И если даже его нельзя указать точно, то, как правило, все же полезнее иметь не вполне четко определенное направление, чем никакого	У. Кинг [12, с. 69–70]
Под стратегией понимается доминирующая линия поведения, главное направление осуществления миссии организации, достижения ее целей	Е. Дихтель [13, с. 215]
Стратегия — долгосрочная задача поведения организации в быстроменяющейся среде, а следование этой задаче и ее решение позволяет достичь стоящих перед организацией целей	О. С. Виханский [14, с. 62]
Стратегия — доминирующая линия поведения, главное направление осуществления миссии организации, достижения ее целей. Это важный ориентир в процессе принятия стратегических плановых решений	Е. П. Голубков [15, с. 29]

Как видно из таблицы 1, большинство ученых, рассматривающих понятие стратегии, сходятся в том, что стратегия должна иметь определенные характеристики. Во-первых, она должна разрабатываться до начала реализации каких-либо действий, процессов; во-вторых, быть целенаправленной, то есть результатом ее осуществления должно быть достижение какой-либо цели или продвижение по заданному целевому направлению; в-третьих, реализация стратегии должна быть обеспечена ресурсами, она не должна превращаться в эфемерную, ничем не обеспеченную несбыточную мечту. Но, вместе с тем, есть и значительные расхождения в понимании того, что такая стратегия организации. Эти расхождения, по нашему мнению, вызваны, во-первых, сложностью самого изучаемого явления, во-вторых, различными условиями, в которых находятся хозяйствующие субъекты, разрабатывающие стратегии, и задачами, которые они решают.

На первый взгляд, рассмотрение понятия «стратегия» в том или ином смысловом ключе кажется чисто теоретическим вопросом, не свойственным практическому менеджменту. Но в действительности, от того, что закладывается в понятие стратегии организации, зависит методика ее разработки, осуществления и, как следствие, успешность развития компании.

Если под стратегией понимать план, программу действий, пути достижения целей, то методика стратегического управления будет включать в себя следующие этапы: стратегический анализ, разработка и выбор стратегии, реализация стратегии, стратегический контроль. Методы и подходы, используемые при реализации каждого этапа, приведены в таблице 2.

Большинству руководителей организаций хотелось бы иметь четкий алгоритм разработки и реализации стратегии, снять неопределенность будущего, увидеть ясный план действий. В этом свете хотелось бы согласиться с утверждением, что «документ с наименованием «Стратегия», не содержащий качественных и количественных целей развития организации и конкретных путей достижения стратегических целей, стратегией не является»¹. Но, к сожалению, на практике чаще всего реализуется понятие стратегии как общее направление деятельности, доминирующую линию поведения компании. При этом управленцев нет возможности поставить четкие цели развития организации, тем более найти ясные способы их достижения.

Таблица 2
Этапы и методы стратегического управления

Этапы	Методы и подходы
Стратегический анализ	PESTEL-анализ
	Методы отраслевого и конкурентного анализа
	SWOT-анализ
	Портфельный анализ
	Управленческое обследование
	Методы прогнозирования
Разработка и выбор стратегии	Нормативный подход
	Ситуационный подход
	Аналитические методы
	Экспертные методы
	Эвристические методы
Реализация стратегии	Методы разработки политик
	Методы планирования
	Методы управления изменениями
	Проектное управление
	Бюджетирование
Стратегический контроль	Методы стратегического анализа
	Методы оргдиагностики
	План-факторный анализ
	Анализ разрывов (GAP)
	Методы оценки эффективности

Источник: составлено авторами на основе информации — Стандарт «Система стратегического управления SSM4». URL: <https://strategs.ru/standarts/ccm13/> (дата обращения: 12.04.2025).

В этой связи интересно проследить развитие стратегии Публичного акционерного общества «Горно-металлургическая компания «Норильский никель». Это крупнейшая горнодобывающая и металлургическая компания, занимающая ведущие места на мировых металлургических рынках: первое место по продаже палладия (40% мировых продаж), второе место по продаже никеля (16% мировых продаж), четвертое место по продаже платины (11% мировых продаж), тринадцатое место по продаже меди (2% мировых продаж)².

Опираясь на имеющиеся богатые природные ресурсы, современные технологии, сильную фи-

¹ Шамгунов Р. Н. Система стратегического управления. URL: https://www.pmssoft.ru/pdf/Systema_strategicheskogo_upravleniya_CFIN.pdf (дата обращения: 12.04.2025).

² Официальный сайт ПАО «Горно-металлургическая компания «Норильский никель». URL: <https://nornickel.ru/company/about/> (дата обращения: 12.04.2025).

нансовую позицию, благоприятные тенденции на мировом рынке металлов, корпорация в 2013 г. обновила свою стратегию и перешла к стратегии «агрессивного роста», основанной на активизации добычи руды и увеличении выплавки металлов на трех основных производственных площадках: Кольском полуострове, в Норильском промышленном районе и в Забайкальском крае. «Эта простая стратегия оказалась настолько жизненной, что нам удается сейчас удерживать самые высокие в отрасли темпы модернизации. То есть у нас более 20 процентов основных фондов ежегодно обновляется. Это выше, чем у наших конкурентов», — отмечал глава ПАО «Норильский никель» В. О. Потанин в 2015 году³.

Реализация этой стратегии предполагала ежегодное вложение в модернизацию производства около двух миллиардов долларов и эти средства были у компании, так как до 2023 года ПАО «Норильский никель» был мировым лидером по производству и продажи никеля.

На фоне благоприятной, хорошо прогнозируемой ситуации можно было использовать методику разработки стратегии как процесса постановки

перспективных целей, разработки проектов, программ, планов по их достижению, корректировки последних по мере необходимости.

Таким образом, с позиции методического подхода к разработке стратегии последняя рассматривалась как система перспективных, четко заданных целей, планов и программ действий по их достижению.

С ухудшением экономической ситуации, усилением хаотичности изменений внешней среды компании пришлось отказаться не только от стратегии «агрессивного роста», но и от предыдущей методики ее разработки.

Неопределенность, в частности, выявляется непредсказуемой динамикой цен на металлы на мировом рынке. На рисунке 1 продемонстрировано, как стабильный рост цен на никель в течение восьми лет начиная с 2015 года завершился резким падением более чем на 56% в 2023 году и это падение продолжилось в 2024 году. Такой обвал цен объясняется выходом на мировой рынок индонезийского дешевого никеля, который потеснил металл ПАО «Норильский никель», хотя и уступает ему по качеству⁴.

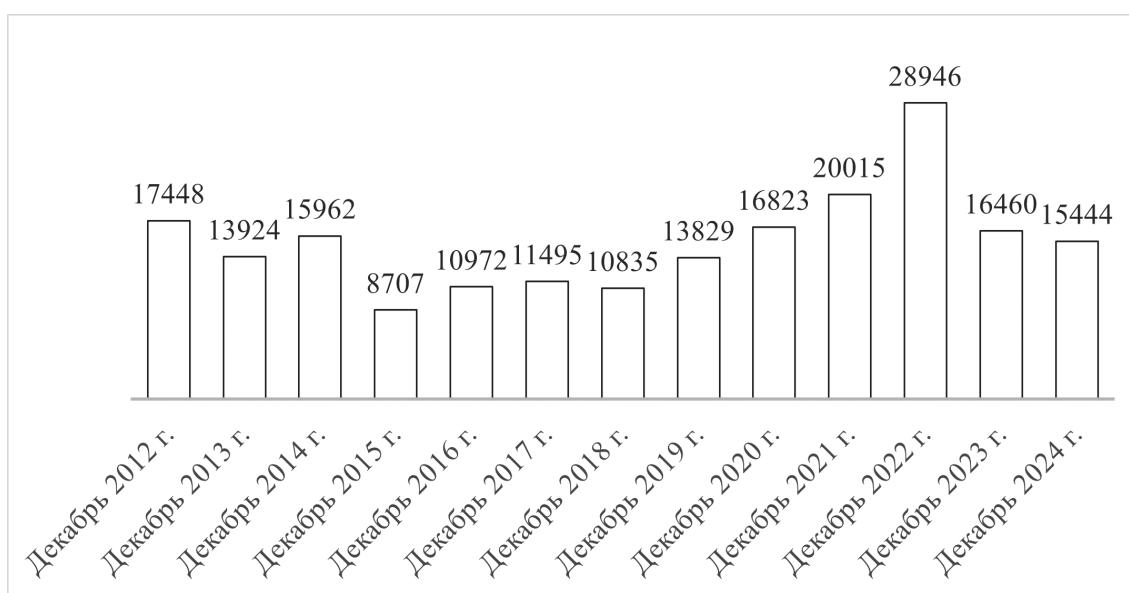

Рис. 1. Цена на никель на международных товарных рынках в номинальных долларах США за тонну⁵

Цены на медь также нестабильны и подвержены многим факторам влияния (рис. 2).

³ Строим новый Норильск. URL: https://nornickel.ru/upload/iblock/5bc/tekst_prezentacii_strategii_russ_1_.pdf (дата обращения: 12.04.2025).

⁴ Бурдис А. Тигр против медведя: выдержит ли Россия конкуренцию с индонезийскими никелем и углем. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/507946-tigr-protiv-medvedya-vyderzit-li-rossiya-konkurenciu-s-indonezijskimi-nikelem-i-uglem/> (дата обращения: 12.04.2025).

⁵ Разнообразие Времен. Статистический отчет. Цена на никель. URL: <https://diverCitytimes.com/commodity/nickel-price/> (дата обращения: 12.04.2025).

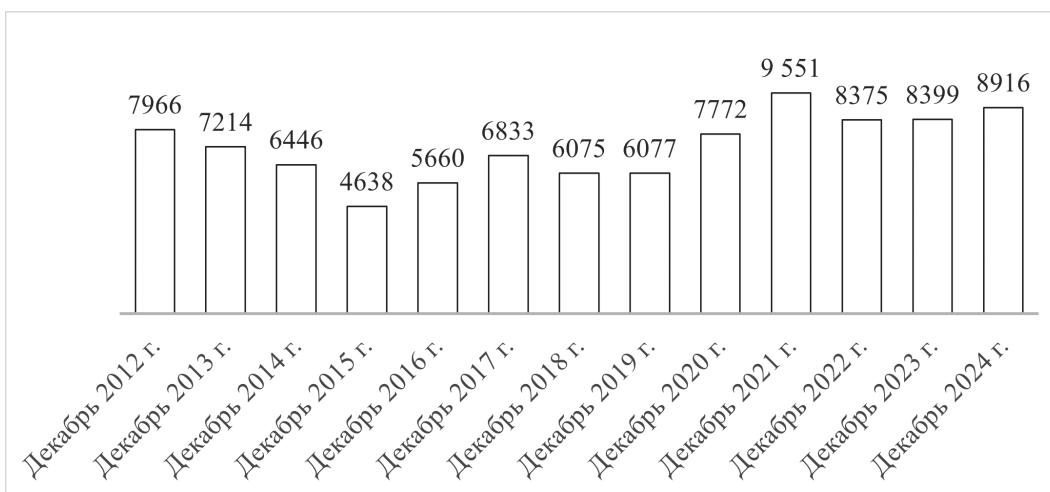

Рис. 2. Цена на медь на международных товарных рынках в номинальных долларах США за тонну⁶

Снижение цен на медь с 2012 по 2016 год объясняется замедлением экономического роста Китая — крупнейшего потребителя меди. С 2017 по 2021 год цена незначительно колебалась, но начиная с 2021 года она начинает заметно увеличиваться и достигает в 2021 году 9,5 тыс. долл. за тонну. В последующие годы цена держит-

ся на уровне 8,3–8,9 тыс. долл. за тонну. Это происходит на фоне постковидного роста деловой активности и быстрого развития рынков электромобилей, при производстве которых активно используется медь.

Цена на платину в последние годы также снижается (рис. 3).

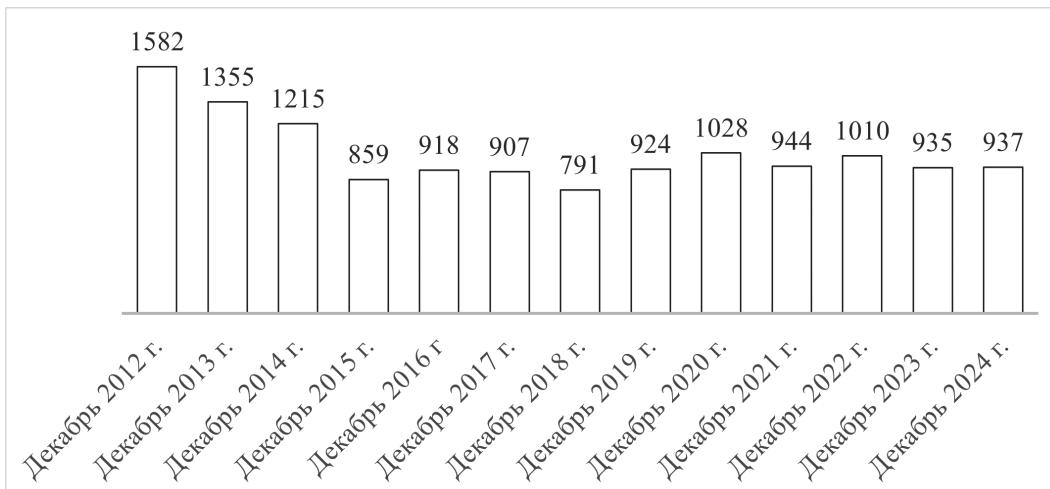

Рис. 3. Цена на платину на международных товарных рынках в номинальных долларах США за тройскую унцию⁷

С 2012 по 2024 год цена на платину упала почти на 60% — с 1,5 до 0,9 тыс. долл. за тройскую унцию. Платина, как известно, — один из самых дефицитных и дорогих металлов в мире. Но применяется он не только в ювелирной промышленности, эта сфера потребляет примерно одну четверть производимого металла. Главные потребители пла-

тины — это автомобильная, нефтеперерабатывающая, химическая, электротехническая промышленность. Причем основными покупателями платины являются производители автомобилей. Они обеспечивают примерно 40% спроса на этот металл, который используется при производстве катализаторов в двигателях внутреннего сгорания. В по-

⁶ Разнообразие Времен. Статистический отчет. Цена на медь. URL: <https://diverCitytimes.com/commodity/copper-price/> (дата обращения: 12.04.2025).

⁷ Разнообразие Времен. Статистический отчет. Цена на платину. URL: <https://diverCitytimes.com/commodity/platinum-price/> (дата обращения: 12.04.2025).

следнее десятилетие происходит активная замена бензиновых автомобилей гибридными машинами и электромобилями. Этому способствует стремительное развитие технологий в этой сфере и постоянно увеличивающийся интерес общества к экологически чистым видам транспорта как средству оздоровления окружающей среды. Именно сокращение спроса со стороны автомобильного производства определило значительное падение цены платины на мировых рынках.

ПАО «Норильский никель» большую часть произведенных металлов продает за рубеж, поэтому непредсказуемые скачки мировых цен определяют соответствующее изменение стратегии организации, ориентируя ее на производство более маржинальной продукции и сокращение выработки менее доходной. При этом разработать реалистичный

стратегический производственный план не представляется возможным. Поэтому методически стратегия начинает рассматриваться как направление развития организации, а не план, предусматривающий сроки, заданные количественные величины, исполнителей, ресурсы и т. д.

Следующий фактор, усиливающий неопределенность, — это стремительное изменение геополитической ситуации. Введенные западными странами санкции против России вынудили Лондонскую и Чикагскую товарные биржи отказаться от сотрудничества с ПАО «Норильский никель». Корпорации пришлось менять стратегию относительно рынков сбыта своей продукции. На рисунках 4–7 показана динамика величины выручки, получаемой на различных территориальных рынках.

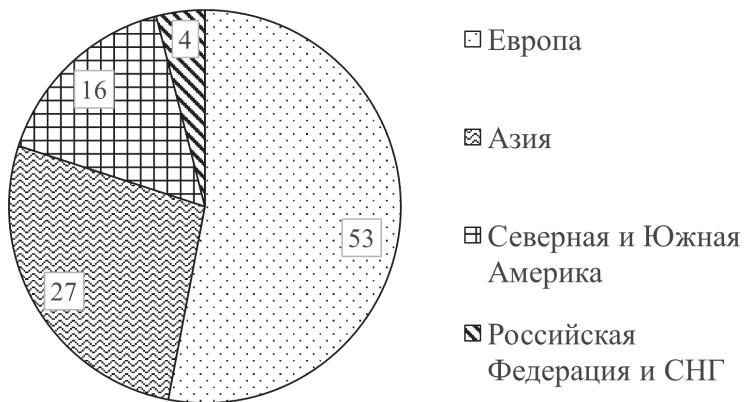

Рис. 4. Выручка ПАО «Горно-металлургическая компания «Норильский никель» от реализации металлов конечным покупателям (по местонахождению конечных покупателей). 2021 год, %⁸

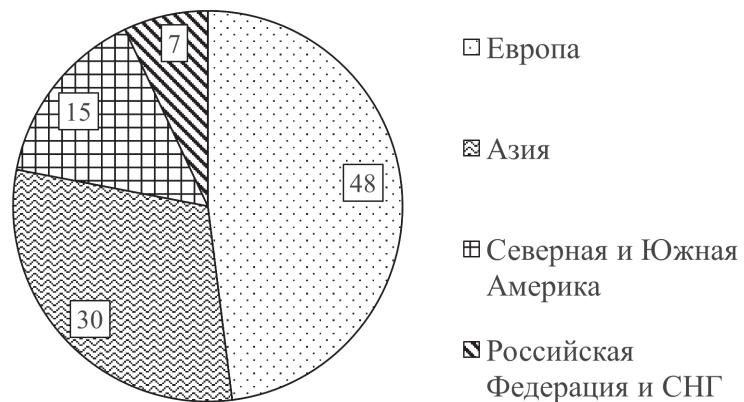

Рис. 5. Выручка ПАО «Горно-металлургическая компания «Норильский никель» от реализации металлов конечным покупателям (по местонахождению конечных покупателей). 2022 год, %⁸

⁸ Горно-металлургическая компания «Норильский никель» Консолидированная финансовая отчетность за годы, завершившиеся 31 декабря 2022 и 2021. URL: https://hornickel.ru/upload/iblock/40f/359uv6i37hmlbh7juuy8eb4lzdmt2t1qt/ifrs_rus_rub_consolidation_reporting.pdf (дата обращения: 12.04.2025).

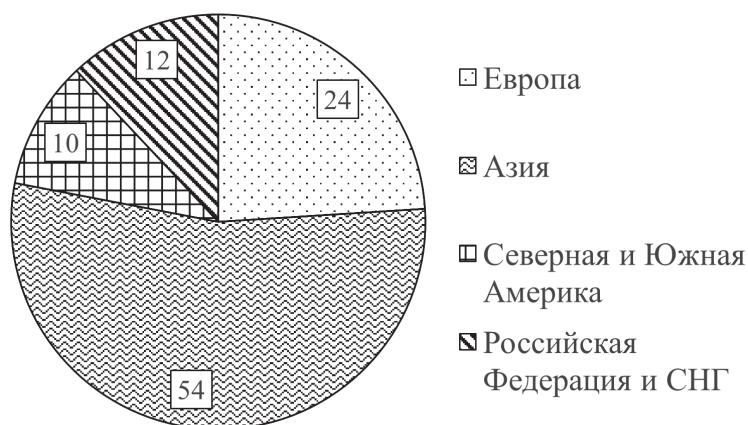

Рис. 6. Выручка ПАО «Горно-металлургическая компания «Норильский никель» от реализации металлов конечным покупателям (по местонахождению конечных покупателей). 2023 год, %⁹

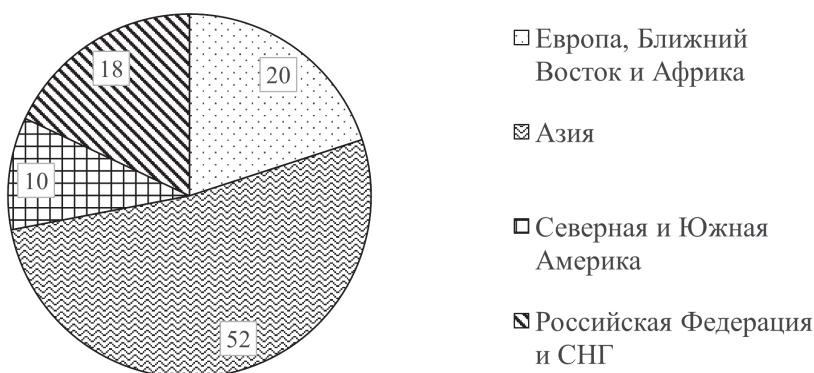

Рис. 7. Выручка ПАО «Горно-металлургическая компания «Норильский никель» от реализации металлов конечным покупателям (по местонахождению конечных покупателей). 2024 год, %¹⁰

До 2022 года основными потребителями металлов ПАО «Норильский никель» были европейские страны, покупавшие более половины всей продукции, 15–16% уходило на рынки Северной Америки. На азиатские страны приходилось менее одной трети производимых металлов. Внутренний рынок потреблял всего 4% продукции. Со странами Ближнего Востока и Африки компания вовсе не торговала. Изменение геополитической ситуации заставило пересмотреть стратегию корпорации и переориентировать свой сбыт. В 2023–2024 годах в азиатские страны было продано более половины всей продукции. Главным ее потребителем, как и ожидалось, стала мощно развивающаяся экономика Китайской Народной Республики. В 2024 году корпорация начала осваивать и качественно новые для себя и весьма перспективные

рынки стран Ближнего Востока и Африки. Начиная с 2022 года растет спрос на металлы корпорации внутри страны. Активное импортозамещение, значительное развитие военно-промышленного сектора определили увеличение спроса отечественной промышленности на продукцию ПАО «Норильский никель» более чем в четыре раза. Доля продаж на российском рынке за три последние года увеличилась с 4 до 18%.

Неустойчивость геополитической ситуации не позволяет компании разработать стратегию сбыта продукции, опираясь на методики стратегического планирования.

Существенные изменения отразились на финансовом положении компании. В таблице 3 приведены основные финансовые показатели деятельности организации.

⁹ Горно-металлургическая компания «Норильский никель» Консолидированная финансовая отчетность за годы, закончившиеся 31 декабря 2023, 2022 и 2021. URL: https://nornickel.ru/upload/iblock/40f/359uv6i37hmlbh7juuy8eb4lzdmt2t1qt/ifr_s_rus_rub_consolidation_reporting.pdf (дата обращения: 12.04.2025).

¹⁰ Официальный сайт ПАО «Горно-металлургическая компания «Норильский никель». Финансовая отчетность. URL: <https://nornickel.ru/investors/disclosure/financials/> (дата обращения: 12.04.2025).

Таблица 3

Финансовые показатели деятельности ПАО «Горно-металлургическая компания «Норильский никель», млн российских рублей

Показатели	Годы							
	2013	2014	2015	2018	2021	2022	2023	2024
Выручка	366176	456013	506140	728915	1316948	1184477	1231711	1166169
Выручка от реализации металлов	331734	418617	466029	685508	1261805	1130546	1171938	1102703
Выручка от прочей реализации	34442	37396	40111	44407	55143	53931	59773	63466
Себестоимость реализованных металлов	176592	184611	192900	283837	372728	425875	541807	580302
Себестоимость прочей реализации	30616	33389	36203	38816	54862	55627	60494	60807
Валовая прибыль	158968	238013	277037	406262	889358	702975	629410	525060
Прибыль от операционной деятельности	78028	182339	195988	337888	703909	546046	474510	332064
Прибыль до налогообложения	41514	118753	134639	240633	681621	538083	310666	223424
Расходы по налогу на прибыль	17968	25353	30583	52858	168742	108740	58897	54447
Прибыль за год	23546	93400	104056	187775	512879	429343	251769	168977

Источник: составлено авторами по данным — Официальный сайт ПАО «Горно-металлургическая компания «Норильский никель». Финансовая отчетность. URL: <https://nornickel.ru/investors/disclosure/financials/> (дата обращения: 12.04.2025).

До 2022 года предприятие стабильно развивалось, показывая ежегодный прирост выручки и прибыль от 10 до 20%, что сопровождалось умеренным ростом себестоимости продукции. Но начиная с 2022 года финансовые показатели ухудшились. Как наглядно видно на рисунке 8, вы-

ручка в 2024 году по сравнению с 2021 сократилась на 150779 млн руб., или более чем на 11%. При этом себестоимость росла большими темпами, что определило уменьшение прибыли на 512879 млн руб., или 67%.

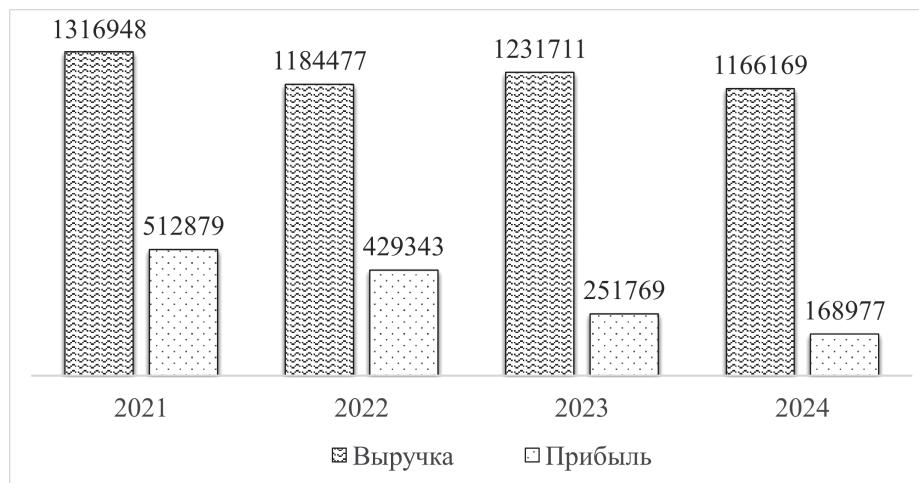

Рис. 8. Изменение выручки и прибыли ПАО «Горно-металлургическая компания «Норильский никель», млн российских рублей¹¹

Воздействие на российскую экономику извне через систему санкций привело к отказу западных партнеров от сотрудничества с компанией, распаду

сложившихся цепочек создания стоимости, удлинению и удорожанию логистических путей.

¹¹ Официальный сайт ПАО «Горно-металлургическая компания «Норильский никель». Финансовая отчетность. URL: <https://nornickel.ru/investors/disclosure/financials/> (дата обращения: 12.04.2025).

Проблемы возникли и с привлечением заемного капитала. ПАО «Норильский никель» до 2022 года получал относительно недорогие кредиты на Западе. После введения санкций эти кредиты пришлось рефинансировать в рубли в России на фоне высокой ставки Центробанка, что значительно повысило стоимость их обслуживания.

Все эти факторы привели к необходимости увеличения оборотного капитала, величина которого на пике в 2024 году достигала 4 млрд долл. вместо 1 млрд долл., как это было раньше. 2024 год стал первым, когда компания, ссылаясь на тяжелое финансовое положение, не выплатила дивиденды своим акционерам¹².

Новые реалии заставили ПАО «Норильский никель» пересмотреть реализуемую стратегию, преобразовать методику ее разработки и осуществления. Значительные и непредсказуемые изменения ведения бизнеса предопределили переход от понимания стратегии как перспективного плана, программы действий с заданными целями, этапами, распределенными ресурсами, к определению стратегии как общего направления развития организации, выбору основных перспективных линий деятельности. При этом изменились и методические подходы к ее разработке и осуществлению. Компания отказалась от применения рационального подхода в стратегическом менеджменте в пользу логического инкрементализма. Методология инкрементализма подробно рассматривается такими авторами как А. Т. Зуб, М. В. Локтионов [16, 17]. Мы посвятили ряд работ этой проблеме [18, 19].

В 2024 году ПАО «Норильский никель» отказался от стратегии «агрессивного роста», и перешел к «стратегии умеренного роста», которая предполагает увеличение производства металлов на 20–30% в год, пересмотр структуры выпускаемой продукции в пользу более маржинальной, снижение ежегодных инвестиций до 215 млрд руб.^{13,14}.

Отдельным стратегическим направлением развития стала борьба за снижение себестоимости, в 2024 году удалось ее уменьшить на 3%, в том числе снизить транспортные расходы за счет оптимизации логистических маршрутов на 25%, или на 54 млн долл¹⁵. В 2025 году это стратегическое направление сохраняется.

С целью развития спроса на свои металлы компания активизировалась в направлении разработки новых решений на основе палладия. Создан Центр палладиевых технологий, в котором уже разрабатывается более 25 научно-технологических проектов, к 2030 году их число планируется довести до 100. Менеджеры ПАО «Норильский никель» видят перспективное применение палладия в производстве солнечных панелей, водородных топливных элементов, электропроводящих компонентов в устройствах электроники, в создании экранов, основанных на использовании органических светоизлучающих диодов, в производстве стекловолокна. Механизмом реализации этих бизнес-идей должны стать межотраслевые проекты, участниками которых будут не только промышленные предприятия различных секторов, но и представители научного сообщества и государства¹⁶.

Перспективным направлением развития для компании является более тесное сотрудничество с азиатскими странами, в частности с Китаем. Начиная с 2024 года, компания ведет переговоры с представителями КНР по поводу строительства там завода по переработке медного концентрата. Открытие такого производства позволило бы приблизить выплавку меди к крупному ее потребителю — индустрии Китая, выстроить новые цепочки создания стоимости, получить новые компетенции, в частности в батарейных материалах, что впоследствии может позволить производить аккумуляторы на основе лития на территории России¹⁷. Но эти и иные перспективные линии являются именно направлениями развития, а не стратегическими планами с присущими им характеристиками. Пока не снята неопределенность, нет возможности четко определиться с целями, сроками, необходимыми ресурсами, исполнителями и т. д. На основе стратегических направлений развития могут быть созданы планы их реализации, но только тогда, когда сложится благоприятная для этого ситуация. Сама же стратегия не предусматривает такой конкретики.

Заключение. Методические подходы к разработке организационных стратегий меняются. Предприятия, попадающие в сложную, непредсказуемую, высокодинамичную ситуацию, вы-

¹² Потанин посоветовал акционерам «Норникеля» «потерпеть с дивидендами». URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/675c61469a794772ad3a5226?from=copy/> (дата обращения: 12.04.2025).

¹³ Совет директоров «Норникеля» утвердил бюджет на 2025 год. URL: <https://nornickel.ru/news-and-media/press-releases-and-news/sovet-direktorov-nornikelya-utverdil-byudzhet-na-2025-god/> (дата обращения: 12.04.2025).

¹⁴ «Норникель» доработал стратегию кооперации с Китаем. URL: <https://www.interfax.ru/business/997715/> (дата обращения: 12.04.2025).

¹⁵ Официальный сайт ПАО «Горно-металлургическая компания «Норильский никель». Финансовая отчетность. URL: <https://nornickel.ru/investors/disclosure/financials/> (дата обращения: 12.04.2025).

¹⁶ «Норникель» презентовал палладиевый центр на Форуме будущих технологий. URL: <https://nornickel.ru/news-and-media/press-releases-and-news/nornikel-prezentoval-palladievyy-tsentr-na-forume-budushchikh-tehnologiy/> (дата обращения: 12.04.2025).

¹⁷ «Норникель» доработал стратегию кооперации с Китаем// URL: <https://www.interfax.ru/> (дата обращения: 12.04.2025).

нуждены переходить от методики, основанной на рациональном подходе, направленной на создание стратегических планов, к методике, основанной на логическом инкрементализме. Последний позволяет применять к процессу разработки стратегии эволюционно-фрагментарную, корректирующую модель, придающую необходимую стратегическую гибкость современным организациям.

В качестве перспективных направлений будущих исследований мы видим совершенствование методики логического инкрементализма на этапе генерирования стратегии и «состыковка» ее с методикой рационального подхода на последующих этапах управления организацией, когда неопределенность во многом снята и появляется возможность составлять планы организационного развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с англ. М., 2002. 557 с.
2. Эйзенхардт К., Сулл Д. Стратегия как свод простых правил. Новые подходы к стратегии бизнеса: пер. с англ. М., 2007. 246 с.
3. Глинский В.В., Фрейдина Е. В., Серга Л. К. Конвергенция сложности адаптации социально-экономических систем // Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2023. №3. С. 98–123. <https://doi.org/10.47711/2076-3182-2023-3-98-123>.
4. Романов В.А. Сложность инновационных трансформаций // Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности. 2011. С. 341–351.
5. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/o gegova/234406/> (дата обращения: 12.04.2025).
6. Мескон М.Х. Основы менеджмента. М., 1992. С. 672.
7. Андреева А. Стратегия развития бизнеса: что это и как правильно составить // Электронный журнал ПАО «Совкомбанк». URL: <https://journal.sovcombank.ru/> (дата обращения: 12.04.2025).
8. Шамгунов Р. Н. Система стратегического управления. URL: <https://www.cfin.ru/management/controlling/sms.shtml/> (дата обращения: 12.04.2025).
9. Ансофф И. Стратегическое управление. М., 1989. С. 520.
10. Томпсон А.А. Стратегический менеджмент: учебник для вузов. М., 1998. 576 с.
11. Кунц Г. Управление. Системный и ситуационный анализ управленческих функций. Т. 1 М., 1981. 496 с.
12. Кинг У. Стратегическое планирование и хозяйственная политика М., 1982. 400 с.
13. Дихтель Е. Практический маркетинг. М., 1995. 256 с.
14. Виханский О. С. Стратегическое управление. М., 1998. 296 с.
15. Голубков Е. П. Стратегический менеджмент: учебник и практикум для вузов. М., 2025. 278 с.
16. Зуб А. Т., Локтионов М. В. Стратегический менеджмент. Системный подход. М., 2011. 848 с.
17. Зуб А. Т. Организационные изменения в нелинейном мире // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 60. С. 71–93.
18. Раствор Ю. И., Раствор М. А. Стратегическое управление современной организацией: эффект синергии // Управленческие науки. 2018. Т. 8. №3. С. 20–31.
19. Горбунова А. Ю. Логический инкрементализм как метод управления современными организациями // Дискуссия. 2016. №4. С. 19–25.

REFERENCES

1. Toffler E. The shock of the future: translated from English. Moscow, 2002. 557 p.
2. Eisenhardt K., Sull D. Strategy as a set of simple rules. New approaches to Business strategy: translated from English. Moscow, 2007. 246 p.
3. Glinsky V. V., Freidina E. V., Serga L. K. Convergence of the complexity of adaptation of socio-economic systems. Scientific works. Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 3. Pp. 98–123. <https://doi.org/10.47711/2076-3182-2023-3-98-123>.
4. Romanov V. A. The complexity of innovative transformations. Synergetic paradigm. The synergetics of innovative complexity. 2011. Pp. 341–351.
5. Ozhegov's explanatory Dictionary. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/o gegova/234406/> (date of access: 12.04.2025).

6. Mescon M. H. *Fundamentals of management*. Moscow, 1992. p. 672.
7. Andreeva A. *Business development strategy: what is it and how to make it up correctly*. Electronic magazine of Sovcombank PJSC. URL: <https://journal.sovcombank.ru/> (date of access: 12.04.2025).
8. Shamgunov R. N. *Strategic management system*. URL: <https://www.cfin.ru/management/controlling/sms.shtml> (date of access: 12.04.2025).
9. Ansoff I. *Strategic management*. Moscow, 1989. p. 520.
10. Thompson A. A. *Strategic management: textbook for universities*. Moscow, 1998. 576 p.
11. Kunts G. *Management. System and situational analysis of managerial functions*. Vol. 1. Moscow, 1981. 496 p.
12. King U. *Strategic planning and economic policy*. Moscow, 1982. 400 p.
13. Dichtl E. *Practical marketing*. Moscow, 1995. 256 p.
14. Vikhansky O. S. *Strategic management*. Moscow, 1998. 296 p.
15. Golubkov E. P. *Strategic management: textbook and practical course for universities*. Moscow, 2025. 278 p.
16. Zub A. T., Loktionov M. V. *Strategic management. A systematic approach*. Moscow, 2011. 848 p.
17. Zub A. T. *Organizational changes in the nonlinear world. Public administration*. Electronic bulletin. 2017. No. 60. Pp. 71–93.
18. Rastova Yu. I., Rastov M. A. *Strategic management of a modern organization: the synergy effect. Management sciences*. 2018. Vol. 8. No. 3. Pp. 20–31.
19. Gorbunova A. Y. *Logical incrementalism as a management method of modern organizations. Discussion*. 2016. No. 4. Pp. 19–25.

Поступила в редакцию: 05.05.2025.

Принята к печати: 08.07.2025.

УДК 314.15 (470.5)
DOI 10.14258/epb202537

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

С. В. Данилова

Нижневартовский государственный университет (Нижневартовск, Россия)

Миграционные процессы населения оказывают существенное влияние на эффективность реализации демографической политики, которая в настоящее время направлена на воспроизведение населения в условиях демографического старения, чем и обусловлена актуальность настоящего исследования, целью которого является формирование современного механизма управления миграционными процессами в Уральском федеральном округе (УрФО). Совокупность миграционных потоков при влиянии сопутствующих социальных факторов (уровень адаптации мигрантов, образование, здоровье, вовлеченность в процессы социокультурной интеграции) существенно воздействует на демографические процессы. До статочно сложно оценить уровень непосредственного (изолированного) влияния миграции на демографические показатели территории, но через экспертную оценку возможно сформировать общий механизм управления демографическими процессами в контексте миграционной политики. В статье структурированы отдельные нормативные акты, оказывающие непосредственное воздействие на миграционные процессы, проанализированы некоторые показатели, с помощью которых принято оценивать миграционные потоки. В итоге автором разработан современный механизм реализации миграционной политики УрФО в условиях необходимости целенаправленного воздействия управления на процесс воспроизведения населения и сформулирован вывод о важности разработки единого, комплексного подхода в управлении миграционными потоками, что должно существенно повысить результативность не только миграционной, но и в целом демографической политики.

Ключевые слова: миграционная политика, миграция, демографическая политика, стратегия развития, переселение граждан.

IMPLEMENTATION OF REGIONAL MIGRATION POLICY FOR POPULATION REPRODUCTION BASED ON MATERIALS FROM THE URAL FEDERAL DISTRICT

S. V. Danilova

Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russia)

The migration processes of the territories have an impact on the indicators of the implementation of demographic policy, which is currently aimed at reproducing the population in the context of demographic aging, which determines the relevance of this study. The purpose of the study is to form a modern mechanism for managing migration processes in the Ural Federal District. The totality of migration flows, under the influence of accompanying social factors (the level of adaptation of migrants, education, health, involvement in the processes of socio-cultural integration) significantly affect demographic processes. It is quite difficult to assess the level of the direct (isolated) impact of migration on the demographic indicators of the territory, but through expert assessment it is possible to form a common mechanism for managing demographic processes, in particular, and migration policy in general (as part of demographic policy). The article evaluates individual regulations that have a direct impact on migration processes, analyzes some indicators that are used to assess migration flows. As a result, the author developed a modern mechanism for implementing migration policy in the Ural Federal District

in the context of population reproduction management and concluded that it is necessary to develop a unified, integrated approach to managing migration flows, which should significantly increase the effectiveness of not only migration, but also demographic policy in general.

Keywords: migration policy, migration, demographic policy, Development strategy, resettlement of citizens.

Введение. В последние годы в российском обществе все более обостряются проблемные аспекты, связанные с миграционными потоками, что происходит также в большинстве государств, традиционно привлекательных для миграции [1, с. 304], в США, Германии, ОАЭ [2, с. 81; 3, с. 216]. Учитывая, что миграционная политика включена в состав общей демографической политики государства, которая находится под постоянным контролем федеральных органов власти, данный процесс требует продуманного механизма управления [4, с. 42]. Существует мнение, что слабое управление миграционной политикой приводит к росту этнической преступности [5, с. 71]. Однако в условиях демографического старения и депопуляции населения миграция является одним из факторов, способствующих минимизации негативных демографических тенденций [6, с. 863]. Следует понимать, что миграционная политика в РФ направлена на внешние миграционные процессы, а внутренняя межрегиональная миграция в целом хорошо управляема. Управление межрегиональной миграцией в России сосредоточено на труднодоступных регионах, а в некоторых случаях — со слаборазвитой инфраструктурой, для повышения привлекательности территорий для трудовых мигрантов [7, с. 211]. Внешняя миграционная политика сочетает в себе многочисленные аспекты, которые направлены на социальную и трудовую адаптацию мигрантов [8, с. 121; 9, с. 54]. В настоящее время миграционная политика в РФ реализуется на основании Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы и при поддержке Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом. Концепция направлена на стимулирование принятия решения репатриантов к возвращению для проживания в Россию [10, с. 99]. Следует обратить внимание, что в национальных проектах, реализуемых в РФ с 2025 года, не выделено отдельных программ, направленных на решение проблем в сфере миграционной политики.

В связи с запросом общества происходит существенное повышение сложности регулирования миграционных процессов, что обусловило постепенный переход к трансформации миграционной политики. В докладе Совета при Президенте РФ

по развитию гражданского общества и правам человека «Миграционная политика и национальные цели развития России» отмечено, что «миграционная политика непосредственно затрагивает как минимум, 5 из 7 национальных целей развития нашей страны». Миграционная политика в том числе должна обеспечивать «сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержку семьи» [11].

Учитывая важность миграционной политики для развития общества и демографических процессов, субъекты федерации с учетом вышеуказанных документов разрабатывают и реализуют собственные программные документы и мероприятия, обеспечивающие единство государственной миграционной политики. Миграционная политика субъектов РФ разрабатывается с учетом внутрирегиональных потребностей, но должна соответствовать целям и задачам общегосударственной миграционной политики [12–14].

Цель исследования — разработка современного механизма реализации региональной миграционной политики с учетом потребности государства в воспроизводстве населения на материалах УрФО.

Методы и материалы исследования. Основными статистическими индикаторами, в самом общем виде характеризующими миграционные потоки территорий, является численность выбывшего населения и прибывших для постоянного проживания на территории. Исследуемые индикаторы собраны на сайте Федеральной службы государственной статистики, в разделе «Информационно-аналитические материалы», а также сайте «ЕМИС государственная статистика. Официальные статистические показатели». Информация о нормативных актах, регулирующих миграционные процессы, получена с официальных сайтов министерств и ведомств, а также с официальных сайтов субъектов РФ, включаемых в состав УрФО. С учетом полученного материала и наличия потребности в его интерпретации в настоящем исследовании применялись традиционные методы, такие как статистический анализ и сравнение.

Результаты и обсуждение. Субъекты РФ в составе УрФО в рамках содействия реализации общегосударственной демографической политики разрабатывают комплексные документы, направленные в целом на регулирование миграционно-

демографических процессов. Обратим внимание, что в настоящем исследовании реализация миграционной политики рассматривается только с точки зрения миграционных потоков, а не через оценку интеграции мигрантов в русскую культуру, общество, их вовлеченность в образование, здравоохранение, правопорядок и т. п.

В УрФО не разработано единого общего документа, отражающего комплексную реализацию миграционной политики с учетом потребности в воспроизводстве населения, однако в Стратегии социально-экономического развития Уральского федерального округа выделен раздел «Миграционная политика», в котором обозначены основные (планируемые) к достижению цели и задачи в области миграционных процессов. Согласно указанному документу, в настоящее время миграционная политика УрФО реализуется в области развития трудовых ресурсов через привлечение для постоянного проживания на территорию округа требуемых квалифицированных специалистов как за счет внутрирегиональной миграции, так и через международные миграционные процессы.

Каждый субъект в составе УрФО сформировал индивидуальную стратегию социально-экономического развития. В стратегических документах отражены основные ориентиры миграционной политики данных территорий:

- в Стратегии социально-экономического развития Курганской области на период до 2030 года обозначена значительная миграционная убыль населения, которая усиливается в связи с отсутствием проработанной системы адаптации мигрантов для проживания в области. Миграционную политику предлагается реализовывать, в том числе и через повышение качества жизни населения области, доступности качественных социально-бытовых услуг;
- в Стратегии социально-экономического развития Свердловской области до 2035 года выделен раздел «Демография и миграционная политика», в котором обозначена основная задача миграционной политики как процесс привлечения иностранных граждан с одновременным формированием условий по их адаптации;
- в Стратегии социально-экономического развития Тюменской области до 2030 года зафиксировано, что положительная миграция в области в основном связана с прибытием для проживания населения из соседних регионов и стран СНГ, но отмечается сокращение численности населения, проживающего в сельской местности в связи с оттоком сельского населения из-за недо-

статочного уровня и качества жизни. Миграционная политика области направлена на развитие технологических производств, роста уровня доходов населения, что повышает миграционную привлекательность территории;

- в Стратегии социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 года отмечается низкая привлекательность области для миграции в связи с существенным снижением реальных доходов населения. В качестве условий для повышения миграционного прироста населения отмечается необходимость в значительном повышении качества жизни;
- в Стратегии социально-экономического развития Ямalo-Ненецкого автономного округа на период до 2035 года выделено, что в округе выявлен миграционный отток с доминирующей причиной — образовательная миграция. Миграционная политика ЯНАО должна обеспечивать миграционный оборот за счет более длительного закрепления на рынке труда специалистов требуемого уровня подготовки и квалификации через повышение качества жизни населения;
- в Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры до 2036 года с целевыми ориентирами до 2050 года отмечена проблема миграционного оттока населения, необходимость повышения привлекательности рынка труда для иностранных работников, наличие потребности в развитии образовательной миграции, то есть миграционная политика ХМАО — Югры должна обеспечивать формирование инфраструктуры и экономической системы, способной повысить привлекательность территории для талантливых специалистов.

Следует отметить, что в исследованных стратегиях социально-экономического развития в целом не выделен комплексный раздел, посвященный миграционной политике территорий, но оценены миграционные показатели развития. Миграционная политика представлена в составе демографической политики и сложно обособляется от анализа рынка трудовых ресурсов, сложных демографических процессов областей и округов.

Остановимся подробнее на анализе отдельных миграционных показателей УрФО в целом и в частности на показателях субъектов РФ, включенных в состав УрФО. В таблице 1 представлена динамика численности выбытия населения территории.

Таблица 1

Число выбывших всего за период, тыс. человек [15, 16]

Территория	Годы							Отклонение 2023/2017	
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	абс.	отн.
РФ	4 562	4 787	4 465	4 014	3 848	4 134	3 848	-714	-15,65
УрФО	417,3	425,5	393,2	360,9	346,3	362,2	324,8	-92,5	-22,17
Курганская обл.	33,1	36,1	32,4	30,5	30,1	29,5	26,0	-7,1	-21,42
Свердловская обл.	120,3	122,0	108,5	102,7	94,6	99,5	88,3	-31,9	-26,55
ХМАО — Югра	80,3	79,0	73,3	64,9	65,0	68,8	62,5	-17,7	-22,10
ЯНАО	37,6	37,8	34,3	28,9	27,6	28,1	24,6	-13,0	-34,67
Тюменская обл. (кроме АО)	47,8	49,7	47,3	45,5	41,9	46,2	41,8	-6,1	-12,67
Челябинская обл.	98,2	100,9	97,5	88,3	87,0	90,0	81,6	-16,7	-16,95

Динамика численности выбывшего населения свидетельствует о постепенном сокращении числа выбытий. В целом по стране интенсивность миграции сокращается, то есть происходит постепенное уменьшение количества выезжающих из страны. В УрФО численность выезжающих снижается, что соответствует общей тенденции по стране, но темпы снижения числа выбытий более низкие, чем в целом по РФ. При анализе количества выбытий в разрезе субъектов можно отметить, что по всем территориям в составе УрФО аналогичная ситуация (сокращение количества выезжающих).

В общем объеме выбывающего населения из УрФО более 50% занимают Свердловская и Че-

лябинская области, что свидетельствует о недостаточной результативности миграционной политики данных территорий, наличии потребности в оптимизации мероприятий, направленных на повышение привлекательности данных регионов в части рынка труда, комфорта проживания, доступности социально-бытовых услуг.

Обратным процессом выбытия населения является переезд для работы и проживания в исследуемый регион (трудовая, образовательная и т. д. миграция). В таблице 2 представлена динамика числа прибывающего населения для постоянного проживания и/или выполнения трудовых обязанностей (релоканты), получение образования.

Таблица 2

Число прибывающих всего за период, тыс. человек [15, 16]

Территория	Годы							Отклонение 2023/2017	
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	абс.	отн.
РФ	4 774	4 912	4 750	4 121	4 277	4 196	4 051	-722	-15,13
УрФО	417,6	419,3	413,4	372,5	376,3	363,8	352,3	-65,3	-15,6
Курганская обл.	27,9	29,6	29,8	28,9	26,4	25,1	23,8	-4,1	-14,8
Свердловская обл.	120,5	120,7	114,8	106,4	102,7	94,4	89,5	-31,0	-25,7
ХМАО — Югра	76,2	75,6	73,5	70,4	74,4	77,4	83,6	7,4	9,7
ЯНАО	35,2	36,1	33,0	27,9	29,2	25,4	24,3	-10,9	-30,9
Тюменская обл. (кроме АО)	63,4	65,4	62,9	51,6	53,7	51,4	47,5	-15,9	-25,1
Челябинская обл.	94,4	91,9	99,3	87,4	90,0	90,1	83,6	-10,8	-11,5

Количество прибывающих для проживания и работы в целом на территорию РФ сокращается и темпы снижения соответствуют показателям выбытия населения, то есть сокращение миграционных потоков происходит в двух направлениях. По УрФО происходит аналогичная динамика — снижается численность прибывающего населения. В структуре УрФО (по субъектам) во всех регионах снижается численность при-

езжающего населения (кроме ХМАО — Югры) и темпы сокращения находятся в пределах общероссийских показателей. Следует отметить, что численность прибывающего населения — это показатель, положительно характеризующий миграционные процессы, который (при эффективном управлении и регулировании) должен положительно влиять на демографическую ситуацию на конкретной территории.

ЯНАО, Курганская и Тюменская области в общем объеме прибывающего населения занимают примерно 30%, а оставшийся объем (около 70%) приходится на другие субъекты в составе УрФО. Соответственно, наибольшей популярностью у мигрантов пользуются Свердловская и Челябинская области, ХМАО — Югра. Следует обратить внимание, что в последние отчетные периоды большей популярностью для мигрантов стала пользоваться ХМАО — Югра (удельный вес региона в общем объеме растет, также увеличивается число прибывающих в абсолютном выражении).

При оценке результатов миграционной политики следует учитывать соотношение показателей прибывшего и выбывшего населения. В общем объеме прибывающего населения наибольший интерес представляют собой мигранты с требуемым уровнем образования и квалификацией в целях развития рынка труда территорий, а также мигранты, получающие образование и решившие остаться для постоянного проживания в регионе. Однако корректный расчет данных показателей сложно реализуем и возможен только при анализе анкет прибывающего населения.

В целом ситуация с миграционными процессами в УрФО стабильна (количество прибы-

вающего населения превышает численность выбывших), что свидетельствует об определенной результативности миграционной политики данного округа. По УрФО, очевидно, постепенное увеличение миграционных потоков, динамичен показатель миграционного прироста населения. В составе УрФО два региона (Курганская область и ЯНАО) стабильно характеризуются миграционной убылью населения, Челябинской области свойственна приграничность показателей убыли и прироста населения, постепенно снижается величина миграционного прироста населения и в Тюменской области. В Свердловской области миграционная убыль замещается миграционным приростом, но данная тенденция в целом сложнопрогнозируемая. Выявлено постепенное увеличение миграционного прироста населения в ХМАО — Югре, которое (в статистическом измерении) существенно положительно влияет на миграционный прирост населения УрФО.

На основании миграционного прироста (убыли) населения рассчитаны коэффициенты миграционного прироста (табл. 3), которые позволяют оценить результаты миграционной политики территории. Коэффициенты миграционного прироста информируют о количестве прибывших на 1000 человек постоянного населения.

Таблица 3

Коэффициенты миграционного прироста на 1000 человек [15, 16]

Территория	Годы						
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
РФ	1,4	0,9	1,9	0,9	2,9	0,4	1,4
УрФО	0,0	-0,5	1,6	0,8	2,4	0,1	2,2
Курганская обл.	-6,0	-7,7	-3,0	-2,1	-4,5	-5,8	-2,9
Свердловская обл.	0,05	-0,3	1,5	0,7	1,9	-1,2	0,3
ХМАО — Югра	-2,5	-2,1	0,1	3,1	5,5	5,0	12,1
ЯНАО	-4,5	-3,2	-2,4	-2,2	3,0	-5,4	-0,5
Тюменская обл. (кроме АО)	10,5	10,4	10,2	3,8	7,6	3,2	3,6
Челябинская обл.	-1,1	-2,6	0,5	-0,4	0,9	0,1	0,6

В целом по РФ коэффициент миграционного прироста населения не превышает 2, то есть на 1000 человек постоянного населения приходится менее двух человек прироста населения за счет миграционных потоков. Показатель по УрФО соответствует общероссийской тенденции. В разрезе субъектов УрФО более высокие показатели относятся к Тюменской области и ХМАО — Югре, высокая миграционная убыль в Курганской области. Соответственно, миграционная убыль Курганской области сокращает миграционный прирост населения УрФО.

Очевидной программой по реализации миграционной политики государства является Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Программа направлена на решение демографических проблем на территориях стратегического значения РФ. По данной программе происходит финансовое обеспечение добровольного переселения соотечественников с учетом демографических потребностей развития регионов. В таблице 4 представлена динамика прироста (убыли) численности участников программы.

Таблица 4

Прирост (убыль) численности участников Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественникам, проживающих за рубежом, тыс. человек [15, 16]

Территория	Годы							Отклонение 2023/2017	
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	абс.	отн.
РФ	115,77	103,34	104,00	56,73	73,56	60,55	38,32	-77,46	-66,90
УрФО	13,70	13,06	14,02	6,84	9,44	11,83	11,69	-2,01	-14,66
Курганская обл.	0,33	0,26	0,21	0,13	0,14	0,11	0,05	-0,28	-84,98
Свердловская обл.	4,79	4,15	4,16	1,67	1,82	1,13	0,40	-4,40	-91,72
ХМАО – Югра	2,37	1,19	0,89	0,70	0,99	1,20	0,63	-1,74	-73,28
ЯНАО	0,29	0,23	0,11	0,08	0,03	0,04	0,02	-0,27	-92,47
Тюменская обл. (кроме АО)	0,26	0,23	0,23	0,21	0,15	0,15	0,13	-0,13	-48,26
Челябинская обл.	5,66	6,99	8,42	4,05	6,32	9,21	10,46	4,80	84,90

В последние годы происходит существенное снижение численности переселяющихся соотечественников, как в целом по РФ, УрФО, так и в разрезе их субъектов. Количество въезжающих соотечественников снижается по всем субъектам РФ в составе УрФО, кроме Челябинской области. За счет достаточно высоких показателей в Челябинской области сформировались более высокие результаты реализации программы в целом по УрФО, но показатели реализации программы снижаются.

С точки зрения оценки качества миграционных процессов следует исследовать возрастной состав прибывающих и выбывающих мигрантов. Возрастной состав дает возможность оценить перспективы развития рынка труда, так как количество приезжающего (выбывающего) трудоспособного населения позволяет управлять дефицитом кадров и, соответственно, развивать экономические процессы отдельных отраслей.

Основной объем прибывших приходится на трудоспособный возраст, что должно положи-

тельно воздействовать на развитие рынка труда регионов, снижать потребности в трудовых ресурсах. Однако при отсутствии статистики относительно отрасли работы и снижении дефицита кадров в данных отраслях сложно оценить степень влияния миграции на рынок труда. Остальные мигранты — это в большей степени члены их семей (дети, родители), а также мигранты, прибывающие в РФ, с целью получить образование, а не стать в ближайшем будущем участниками рынка труда. Достаточно высокая доля прибывающего трудоспособного населения (даже при снижении общей численности входящих миграционных потоков) свидетельствует об определенном интересе для работы и проживания на территории УрФО, что требует оптимизации мероприятий, проводимых в рамках миграционной политики, в целях повышения результативности демографической политики.

На рисунке 1 наглядно в динамике представлен входящий миграционный поток в сравнении с долей въезжающего трудоспособного населения.

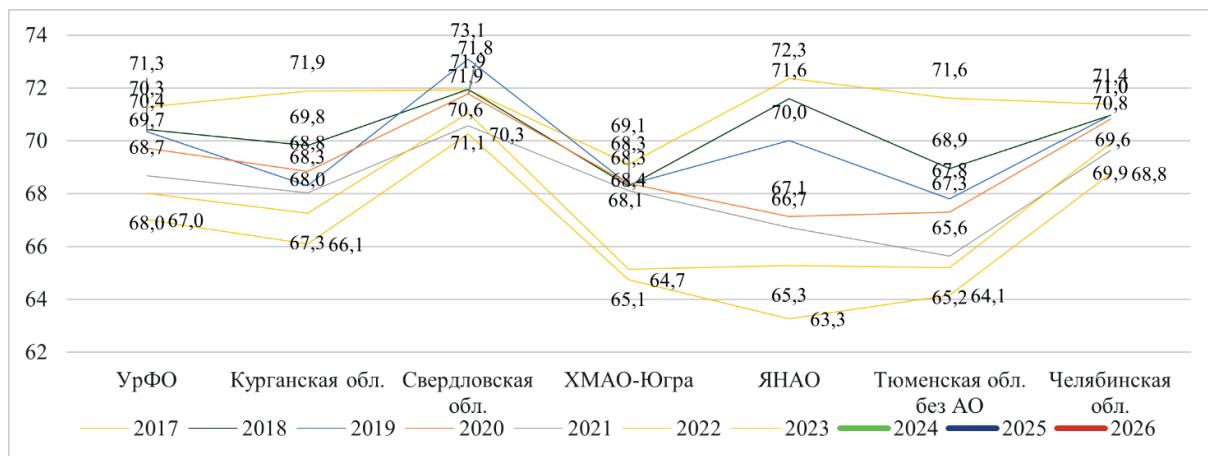

Рис. 1. Доля трудоспособного населения (%) в общей численности прибывающего населения в УрФО, тыс. человек [15, 16]

Следует обратить внимание, что постепенно (незначительными темпами) и при условии снижения входящих миграционных потоков происходит сокращение въезжающего на территорию УрФО трудоспособного населения. Данная ситуация в отсроченной перспективе может оказаться отрицательное воздействие на все демографические процессы в регионе, так как в целом въезжающее трудоспособное население — это население фертильного возраста, которое потенциально может оказать влияние не только на рынок труда, но и на естественное воспроизводство населения.

Выбывающая миграция негативно влияет на демографическую ситуацию, развитие экономики региона, стабильность рынка труда. Особое значение имеет численность выбывающего населения

трудоспособного возраста. При анализе возрастного состава выбывающего населения выявлены тенденции к постепенному снижению численности выбывших трудоспособного возраста, что соответствует общей тенденции РФ и УрФО по снижению исходящих миграционных потоков. Доля выбывающего населения трудоспособного возраста в среднем не превышает 70% (кроме Свердловской области). Соответственно, выбывающее население данного возраста должно компенсироваться прибывающим населением аналогичной возрастной группы.

На рисунке 2 наглядно в динамике представлен исходящий миграционный поток в сравнении с долей выезжающего населения трудоспособного возраста.

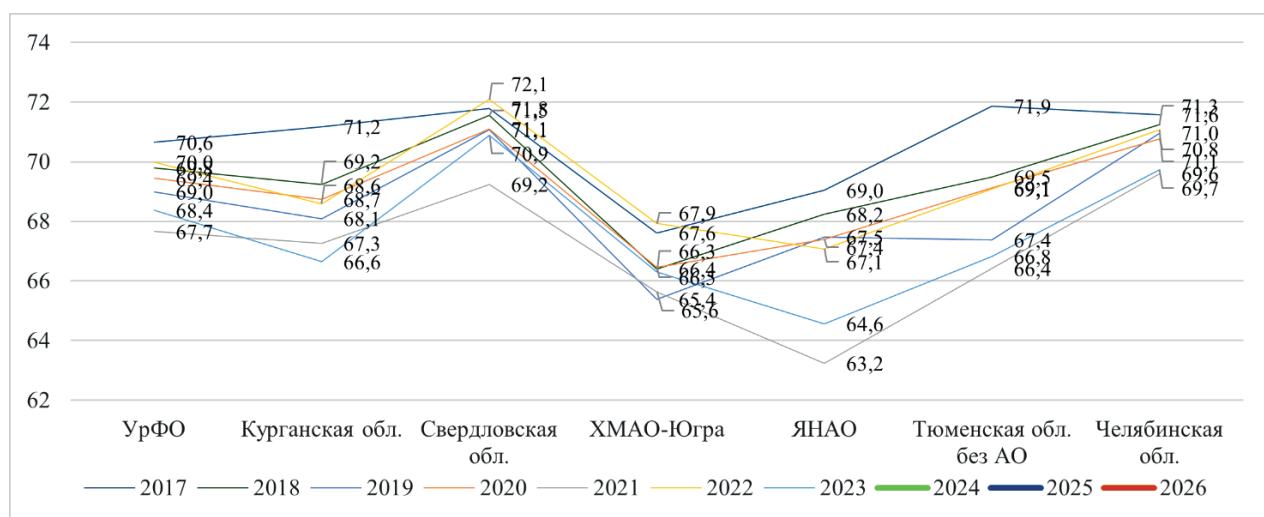

Рис. 2. Доля трудоспособного населения (%) в общей численности выбывшего населения в УрФО, тыс. человек [15, 16]

В среднем население трудоспособного возраста в меньшей степени выезжает из ЯНАО и ХМАО — Югры, а стабильно выше данные показатели в Свердловской и Челябинской областях. Основным фактором, влияющим на миграционный прирост (убыль) населения УрФО, является изменение миграционных потоков лиц трудоспособного возраста, так как именно данная группа населения преобладает в миграционных потоках. От переезда на новое место жительства и работы трудоспособного населения зависит и переезд населения младше и старше трудоспособного возраста (членов семьи трудовых мигрантов).

Как отмечалось ранее, в УрФО не разработано единого документа, отражающего комплексную реализацию миграционной политики, но выделено, что отдельные ее аспекты заложены в стратегиях социально-экономического развития УрФО и входящих в его состав субъектов РФ. Отсутствие

единого комплексного подхода в реализации миграционной политики оказывает сдерживающее воздействие на соответствующие процессы, снижает в целом качество миграционной политики в разрезе территории.

В целях сохранения российской самоидентичности при одновременном повышении качества миграционной политики на территории УрФО его субъекты разработали и утвердили Концепции (Стратегии) реализации миграционной политики. Целями указанных программных документов стало регулирование отдельных сегментов миграционной политики субъектов в составе УрФО:

- в Стратегии государственной национальной политики в Курганской области на период до 2025 года отмечена необходимость формирования системы социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов, а в государственной программе Курганской

- области «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов, проживающих в Курганской области» сформулирована задача, требующая решения по созданию условий для социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Курганской области и их интеграции в российское общество;
- в Концепции реализации государственной национальной политики Российской Федерации на территории Свердловской области до 2025 года выделена аналогичная Курганской области необходимость социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов, а в комплексной программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России, проживающих в Свердловской области», одной из задач обозначено повышение толерантности к представителям другой национальности;
 - в государственной программе Тюменской области «Реализация государственной национальной политики» одной из целей выделено обеспечение успешной социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество;
 - в государственной программе Челябинской области «Реализация государственной национальной политики в Челябинской области» отмечена потребность в обеспечении успешной социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество, а также в увеличении доли граждан, не испытывающих негативного отношения к иностранным гражданам;
 - в Концепции государственной национальной политики Ямало-Ненецкого автономного округа поставлена цель по социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан, находящихся на территории автономного округа, а в государственной программе Ямало-Ненецкого автономного округа «Развитие международной, внешнеэкономической и межрегиональной деятельности на 2014–2024 годы» одной из задач было оказание содействию добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников на территории ЯНАО;
 - в Стратегии реализации государственной национальной политики Российской Федерации в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре на период до 2025 года от-

мечены идентичные цели и задачи, выделенные в стратегиях и концепциях вышеуказанных территорий УрФО.

Соответственно, в стратегиях и концепциях сформулированы в целом идентичные цели и задачи в области миграционной политики, решение которых направлено на повышение интеграции мигрантов в российское общество.

Одним документом, непосредственно реализующим миграционную политику территорий, являются программы по содействию добровольному переселению граждан. Государственные программы разработаны и реализуются во всех субъектах РФ (кроме ЯНАО), относящихся к УрФО. Сопутствующей программой в миграционной политике является программа «Сотрудничество», по которой предоставляются социальные выплаты на жилье гражданам, выезжающим из ЯНАО и ХМАО — Югры для проживания на юге Тюменской области. Отдельные регионы ХМАО — Югры и ЯНАО попадают под действие федеральной программы по переселению из районов Крайнего Севера, что также относится к миграционной политике УрФО.

Среди субъектов УрФО, более детализированно разработавших миграционную политику, можно отметить Свердловскую область, в которой в программе демографического развития Свердловской области на период до 2025 года выделен отдельный раздел «миграционная политика». В данном разделе обозначены цель миграционной политики, принципы ее реализации, решаемые задачи и ограниченный перечень мероприятий. В Курганской области разработана концепция, направленная на регулирование миграционных процессов, а в ХАМО — Югре сформирован план мероприятий по реализации государственной миграционной политики.

На рисунке 3 представлен современный механизм реализации миграционной политики в УрФО, в том числе регулирующий как рынок труда, так и воспроизводство населения. Обратим внимание, что исследуемые субъекты РФ изолированно реализуют миграционную политику на своей территории. В Свердловской, Курганской и Тюменской областях созданы комиссии, группы, советы по управлению отсроченными последствиями результатов переселения иностранных граждан в регионы. В Курганской области и ХАМО — Югре функционирует комиссия по работе с соотечественниками.

А в Челябинской области и ЯНАО основные функции по реализации миграционной политики возложены, соответственно, на Правительство Челябинской области и Департамент внешних связей ЯНАО. Данные комиссии, группы, советы отвечают за управление внешней (входящей) для территории миграций.

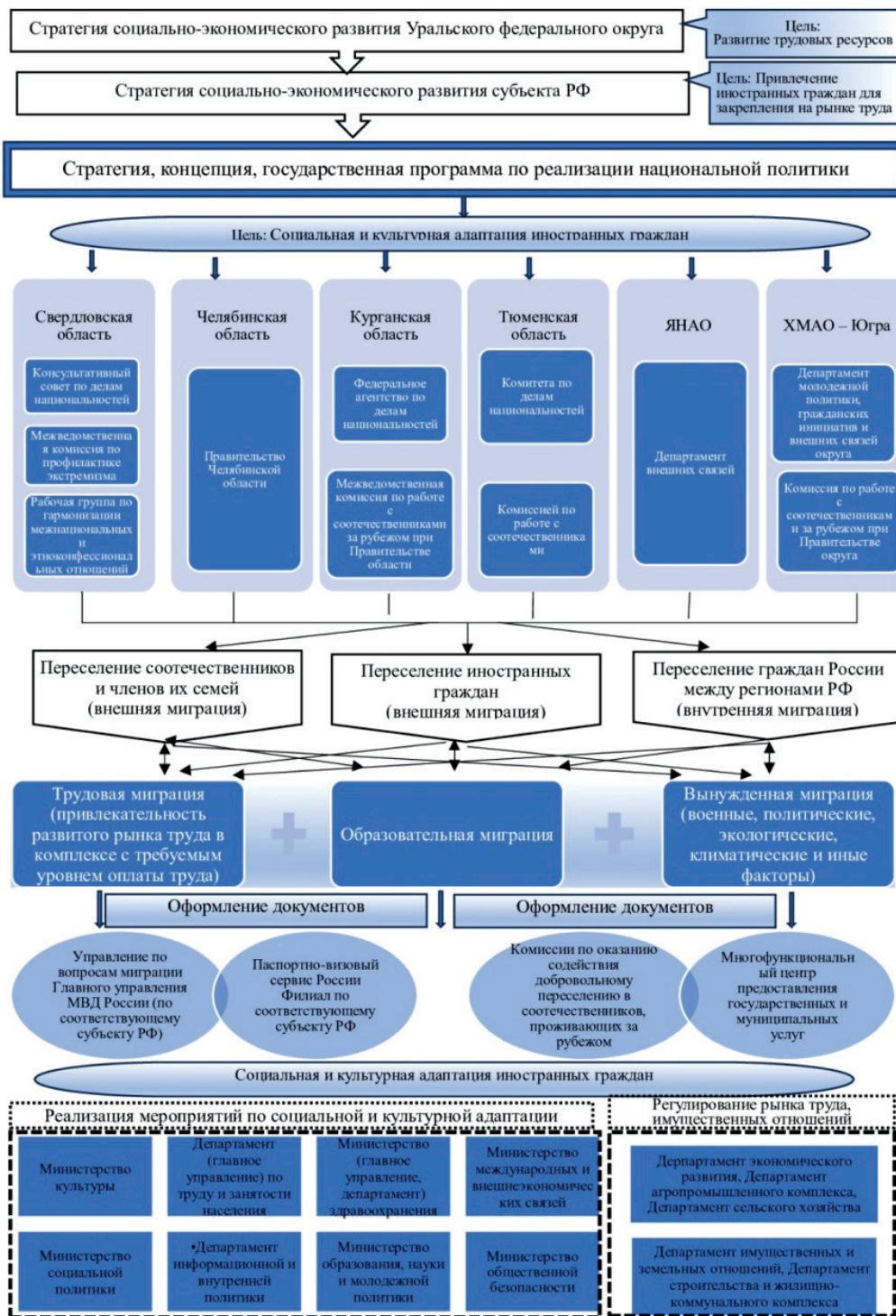

Рис. 3. Современный механизм реализации миграционной политики УрФО (составлено автором в процессе исследования)

С учетом вида миграции, гражданства мигрантов в УрФО переселяющиеся имеют возможность оформить документы, связанные с переездом через Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ). Если гражданин относится к категории «соотечественник», то оформление документов начинают

после обращения в комиссии по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом соответствующей территории.

Важные функции в части реализации миграционной политики возложены на отдельные министерства и департаменты субъектов УрФО. Данные

подразделения являются исполнителями основных мероприятий, связанных с социальной адаптацией въезжающих мигрантов, их погружение в культуру и традиции народов России, соблюдение их прав и гарантий на социальную защиту, медицинскую помощь, образование, обеспечение получения ими достоверной информации об историческом, экономическом, культурном и социальном развитии общества.

Заключение. Миграционная политика в составе демографической политики УрФО является регулирующим инструментом, направленным прежде всего на формирование эффективной структуры на рынке труда, развитие отдельных отраслей экономики территорий, что необходимо в условиях управления воспроизводством населения. В целях оптимизации демографической политики органам власти следует разработать комплексный (единий) механизм управления миграционными потоками в целом для всего УрФО.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федорова И. В., Ушаков М. А., Гуликян А. А., Клокова Д. С. Миграционная политика Российской Федерации: проблемы, тенденции, перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 1. С. 304–308. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-1-304-308>.
2. Kudeyárova N. Y. Política de estados Unidos con respecto a los migrantes latinoamericanos: derechos humanos vs seguridad // Iberoamerica. 2023. No. 1. Pp. 78–101. <https://doi.org/10.37656/s20768400-2023-1-04>.
3. Aleshkovski I. A. Globalization of international migration: Social challenges and policy implication // RUDN Journal of Sociology. 2017. Vol. 17. No. 2. Pp. 213–224. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-2-213-224>.
4. Данилова С. В., Шульгин О. В. Прогнозирование и моделирование демографических процессов: теоретический аспект // Фундаментальные исследования. 2022. № 3. С. 42–46.
5. Мухаев Р. Т. Миграционная политика Российской Федерации в поисках новой парадигмы // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2024. № 3. С. 67–90. <https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-3-67-90>.
6. Топилин А. В., Воробьева О. Д. Демографическая ситуация и особенности формирования трудовых ресурсов в России // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 9. С. 856–864. <https://doi.org/10.31857/S0869587321090097>.
7. Евдокимов Д. Ю., Плескачев Ю. А., Пономарев Ю. Ю. Эффекты межрегиональной миграции: детерминанты, межотраслевые связи и экономические эффекты // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2024. Т. 59. № 3. С. 191–214. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-3-9>.
8. Корсаков К. В., Серова А. В. Национальная политика России по регулированию отношений в сфере внешней трудовой миграции // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 2. С. 106–126. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_106.
9. Красинец Е. С., Шевцова Т. В. Трудовая иммиграция и рынок труда в современной России: проблемы взаимодействия // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 4. С. 52–62. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.4.5>.
10. Шагалкина М. В., Телов В. В., Латуха М. О., Панибратов А. Ю. Решение репатриантов о возвращении в Россию: определяющие факторы // Российский журнал менеджмента. 2021. Т. 19. № 1. С. 97–116. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2021.104>.
11. Фадеев В. А., Кабанов К. В. и др. Миграционная политика и национальные цели развития России: общественно-экспертный доклад. М., 2024. URL: <https://www.president-sovet.ru/upload/medialibrary/84b/znb5t8c3ce1ym2qaa0ymb0vm58qlyd1c.pdf> (дата обращения: 21.03.2025).
12. Леденева В. Ю. Трансформация миграционных процессов в субъектах Уральского федерального округа и их влияние на демографическую и этнокультурную безопасность региона // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10. № 4. С. 125–130. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-4-125-130>.
13. Mukhina I., Ostaev G., Sokolov V., Markovina E. Migration processes in rural areas as an indicator of economic security // Amazonia Investiga. 2020. Vol. 9. No. 28. Pp. 330–337.
14. Рязанцев С. В., Моисеева Е. М. Миграция в контексте демографического развития российского Дальнего Востока // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92. № 2. С. 150–161. <https://doi.org/10.31857/S0869587321030075>.

15. Информационно-аналитические материалы. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 11.03.2025).

16. ЕМИС государственная статистика. Официальные статистические показатели. URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 14.03.2025).

REFERENCES

1. Fedorova I. V., Ushakov M. A., Gulikyan A. A., Klokova D. S. Migration policy of the Russian Federation: problems, trends, development prospects. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1. Pp. 304–308. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-1-304-308>.
2. Kudéyárova N. Y. Política de estados Unidos con respecto a los migrantes latinoamericanos: derechos humanos vs seguridad. Iberoamerica. 2023. No. 1. Pp. 78–101. <https://doi.org/10.37656/s20768400-2023-1-04>.
3. Aleshkovski I. A. Globalization of international migration: Social challenges and policy implication. RUDN Journal of Sociology. 2017. Vol. 17. No. 2. Pp. 213–224. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-2-213-224>.
4. Danilova S. V., Shulgin O. V. Forecasting and modeling of demographic processes: a theoretical aspect. Fundamental research. 2022. No. 3. Pp. 42–46.
5. Mukhaev R. T. Migration policy of the Russian Federation in search of a new paradigm. Bulletin of the Moscow University. Episode 12: Political Science. 2024. No. 3. Pp. 67–90. <https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-3-67-90>.
6. Topilin A. V., Vorobyeva O. D. Demographic situation and peculiarities of labor resources formation in Russia. Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2021. Vol. 91. No. 9. Pp. 856–864. <https://doi.org/10.31857/S0869587321090097>.
7. Evdokimov D. Yu., Pleskachev Yu. A., Ponomarev Yu. Y. Effects of interregional migration: determinants, intersectoral relations and economic effects. Bulletin of the Moscow University. Series 6: Economics. 2024. Vol. 59. No. 3. Pp. 191–214. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-3-9>.
8. Korsakov K. V., Serova A. V. Russia's national policy on regulating relations in the field of external labor migration. Discourse-Pi. 2023. Vol. 20. No. 2. Pp. 106–126. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_106.
9. Krasinets E. S., Shevtsova T. V. Labor immigration and the labor market in modern Russia: problems of interaction. Population. 2023. Vol. 26. No. 4. Pp. 52–62. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.4.5>.
10. Shagalkina M. V., Telov V. V., Latukha M. O., Panibratov A. Yu. The decision of repatriates to return to Russia: determining factors. Russian Journal of Management. 2021. Vol. 19. No. 1. Pp. 97–116. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2021.104>.
11. Fadeev V. A., Kabanov K. V. et al. Migration policy and national development goals of Russia: a public expert report. Moscow, 2024. URL: <https://www.president-sovet.ru/upload/medialibrary/84b/znb5t8c3ce1ym2qaa0ymb0vm58qlyd1c.pdf> (date of access: 21.03.2025).
12. Ledeneva V. Y. Transformation of migration processes in the subjects of the Ural Federal District and their impact on the demographic and ethnocultural security of the region. Humanities. Bulletin of the Financial University. 2020. Vol. 10. No. 4. Pp. 125–130. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-4-125-130>.
13. Mukhina I., Ostaev G., Sokolov V., Markovina E. Migration processes in rural areas as an indicator of economic security. Amazonia Investiga. 2020. Vol. 9. No. 28. Pp. 330–337.
14. Ryazantsev S. V., Moiseeva E. M. Migration in the context of demographic development of the Russian Far East. Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 92. No. 2. Pp. 150–161. <https://doi.org/10.31857/S0869587321030075>.
15. Information and analytical materials. Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (date of access: 11.03.2025).
16. EMIS state statistics. Official statistical indicators. URL: <https://www.fedstat.ru/> (date of access: 14.03.2025).

УДК 332.122 (571.150)
DOI 10.14258/epb202538

СБАЛАНСИРОВАННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА: РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ И ОЦЕНКА (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

А. П. Девятайкин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье рассматривается проблема сбалансированного развития регионов на примере Алтайского края. В результате анализа научной литературы выделены основные подходы к определению сбалансированного регионального социально-экономического развития. Разработана методика оценки уровня сбалансированности на основе системы показателей, которые включают в себя экономические, социальные и экологические индикаторы. Для оценки сбалансированности развития региона произведен расчет ключевых индексов, таких как индекс экономического развития, индекс социального развития и индекс экологического развития. Расчет сбалансированности регионального развития предложено выполнять, опираясь на использование соответствующего интегративного показателя. Кроме того, выделены критерии интерпретации данного показателя для дальнейшей оценки. На основе предложенной методики произведена оценка сбалансированности регионального развития Алтайского края, определены диспропорции, а также выделены основные рекомендации по корректировке региональной политики для достижения высокой сбалансированности развития Алтайского края.

Ключевые слова: сбалансированное развитие, региональная экономика, устойчивое развитие, Алтайский край, методика оценки.

BALANCED DEVELOPMENT OF THE REGION: METHODOLOGY DEVELOPMENT AND EVALUATION (USING THE EXAMPLE OF THE ALTAI TERRITORY)

A. P. Devyataykin

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article considers the problem of balanced development of regions using the example of Altai Krai. As a result of on the analysis of scientific literature, the main approaches to determining balanced regional socio-economic development are identified. A methodology for assessing the level of balance based on a system of indicators that include economic, social and environmental indicators was developed. To assess the balance of regional development, key indices were calculated, such as: economic development index, social development index and environmental development index. It is proposed to calculate the balance of regional development based on use of the corresponding integral indicator. In addition, the criteria for interpreting this indicator for further assessment are identified. Based on the proposed methodology, an assessment of the balance of regional development of Altai Krai was made, disproportions were identified, and the main recommendations for adjusting regional policy to achieve a highly balanced development of Altai Krai were identified.

Keywords: balanced development, regional economy, sustainable development, Altai Territory, assessment methodology.

Введение. Изучение и использование термина «сбалансированное развитие региона» начало широко применяться в научной литературе со второй половины XX века. Существует

множество научных подходов к определению сбалансированного регионального социально-экономического развития (рис.) [1]:

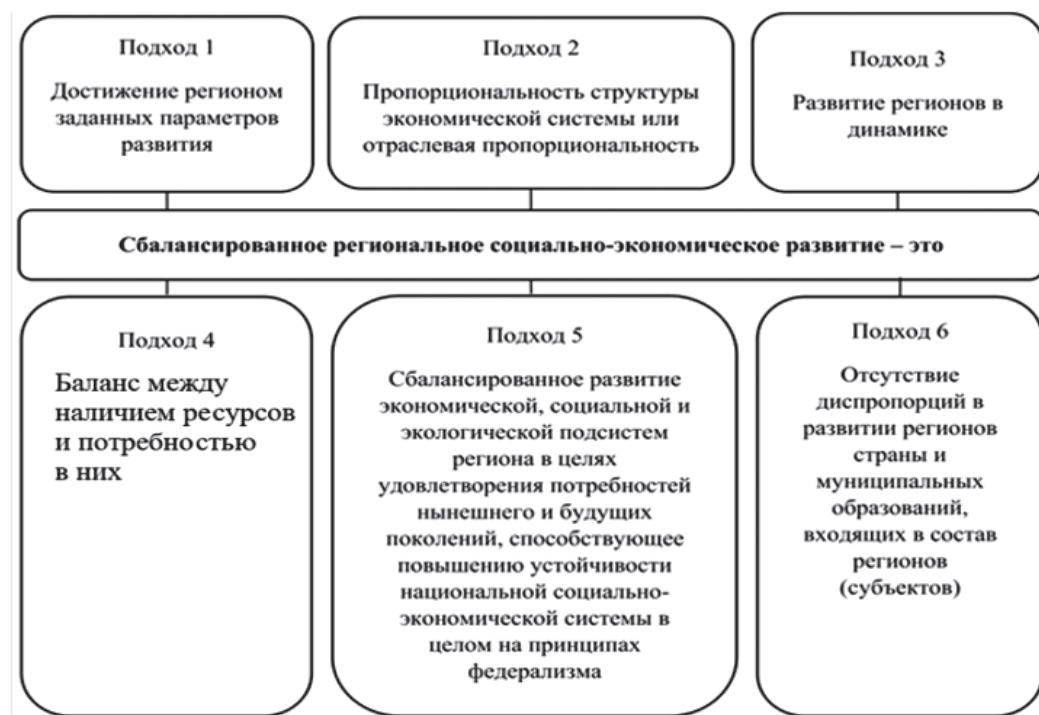

Рис. 1. Некоторые подходы к определению сбалансированного регионального социально-экономического развития

В данной статье акцент сделан на пятом подходе к определению сбалансированного регионального социально-экономического развития как комплекса экономической, социальной и экологической подсистем, который формирует условия для устойчивого развития [2].

На наш взгляд, самое емкое определение сбалансированности регионального развития в рамках данного подхода сформулировали А. М. Бакирова, А. Ю. Буланов, М. А. Гервасьев в монографии «Факторы устойчивого развития регионов России» [3], в которой утверждается о том, что сбалансированное развитие экономической, социальной и экологической подсистем региона на основе гармоничного сочетания интересов человека и общества способствует повышению устойчивости национальной социально-экономической системы в целом [4]. Исследователи отмечают, что устойчивый рост экономики страны может быть сбалансированным только в рамках «триады» — общество как социум, экология и устойчивая экономика [5]. Данное определение разделяет понятия сбалансированности и устойчивости, показывая, что сбалансированность является ключом к устойчивости развития регионов и страны в целом и исключает смешение этих двух терминов. Кроме того, выбор данного подхода в качестве основы при разработке методики оценки уровня сбалансированности развития региона обусловлен тем, что он коррелирует с подходом, используемым

законодательными органами при разработке стратегических документов регионального развития [6]:

- Стратегия социально-экономического развития субъекта РФ;
- Прогноз социально-экономического развития субъекта РФ;
- Государственная программа развития субъекта РФ;
- Схема территориального планирования субъекта РФ.

Результаты исследования. Для Российской Федерации вопрос сбалансированного развития ее субъектов особенно важен, поскольку в настоящее время существует тенденция неравномерного развития регионов: между севером и югом страны, между ее западными и восточными регионами, между центрами и периферией [7]. Необходимо достижение устойчивого развития регионов, что предполагает баланс между экономическим ростом, социальным благополучием и экологической стабильностью [8].

Алтайский край, как субъект Российской Федерации, обладает значительным природно-ресурсным и агропромышленным потенциалом, но при этом демонстрирует неравномерность развития, что требует разработки методики по определению сбалансированности развития региона и интерпретации данных, полученных на основе анализа системы показателей.

В соответствии с рассматриваемым подходом, о котором говорилось ранее, под сбалансированным развитием региона понимается комплексная динамика трех основных сфер: экономической, социальной, экологической [9]. Для создания мето-

дики оценки уровня сбалансированности развития региона для каждой сферы выбрана следующая система показателей с обоснованием данного выбора (табл. 1):

Система показателей для методики оценки уровня сбалансированности развития региона

Показатель	Обоснование выбора
1.1. ВРП на душу населения (тыс. руб.)	Основной индикатор экономического роста
1.2. Инвестиции в основной капитал (% ВРП)	Отражает инвестиционную активность
1.3. Внешнеторговый оборот (млн долл.)	Показывает уровень открытости экономики
2.1. Средняя зарплата (тыс. руб.)	Сравнительный уровень жизни
2.2. Уровень безработицы (%)	Ситуация на рынке труда
2.3. Среднегодовая численность населения (тыс. чел.)	Привлекательность региона для населения
3.1. Выбросы загрязняющих веществ	Антропогенная нагрузка
3.2. Сброс загрязненных сточных вод (млн куб. м.)	Антропогенная нагрузка
3.3. Расходы на охрану окружающей среды (тыс. руб.)	Природоохранные мероприятия, улучшение экологии

Для оценки сбалансированности развития региона необходимо рассчитать три ключевых индекса:

- Индекс экономического развития (E) — отражает уровень экономической активности, инвестиционной привлекательности и промышленного потенциала региона;
- Индекс социального развития (S) — отражает сравнительный уровень жизни, социальное неравенство и привлекательность региона;

— Индекс экологического развития (Ec) — характеризует состояние окружающей среды и устойчивость природопользования.

Каждый индекс формируется на основе набора статистических показателей, представленных в таблице 1, с нахождением нормализованного значения для **приведения их к единому виду**, то есть приведению к шкале 0–1.

Рассмотрим статистические значения по данной системе показателей для Алтайского края (табл. 2) [10]:

Статистические значения к выбранной системе показателей

Показатель	Значение	Max	Min	Норм. значение	Примечание
Экономическая сфера (E)					
1.1. ВРП на душу населения (тыс. руб.)	370,4	1074,4	267,8	0,13	Данные для расчета максимального и минимального значения взяты среди субъектов Сибирского Федерального округа на основании статистических данных
1.2. Инвестиции в основной капитал (тыс. руб.)	145,9	833,7	17,3	0,16	
1.3. Внешнеторговый оборот (млн долл.)	1829,1	16 152,5	91,6	0,11	
Социальная сфера (S)					
2.1. Средняя заработная плата (тыс. руб.)	31,1	41,8	23,0	0,43	
2.2. Уровень безработицы (%)	3,7	2,7	9,8	0,86	
2.3. Среднегодовая численность населения (тыс. чел.)	2143,0	2850,9	210,8	0,73	
Экологическая сфера (Ec)					
3.1. Выбросы загрязняющих веществ (тыс. тонн)	195,0	2632,0	8,0	0,93	
3.2. Сброс загрязненных сточных вод (млн куб. м.)	13,0	447,0	0,3	0,97	
3.3. Расходы на охрану окружающей среды (млн руб.)	3 433,0	95 932,0	701,0	0,03	

На основе полученных данных можно рассчитать индекс экономического развития (E), индекс

социального развития (S), индекс экологического развития (Ec):

$$E = \frac{ВРП на душу населения + Инвестиции в осн. капитал + Внешнеторговый оборот}{3} = \\ = \frac{0,13 + 0,16 + 0,11}{3} = 0,13$$

$$S = \frac{Ср. заработная плата + Ур. безработицы + Среднегод. численность населения}{3} = \\ = \frac{0,43 + 0,86 + 0,73}{3} = 0,67$$

$$Ec = \frac{Выбросы загряз. веществ + Сброс загряз. сточных вод + Расходы на охрану окружающей среды}{3} = \\ = \frac{0,93 + 0,97 + 0,3}{3} = 0,64$$

Для расчета сбалансированности регионального развития предлагается использовать показатель сбалансированности (CPP), рассчитываемый по формуле

$$CPP = \frac{E + S + Ec}{3} \times 100\%,$$

где E, S, Ec — индексы экономического, социального и экологического развития региона.

Введем критерии интерпретации показателя сбалансированности регионального развития для дальнейшей оценки. С этой целью можно применить шкалу оценки на основе терцилей, то есть разделения ранжированных данных на три равные части. В соответствии с данной шкалой выделим следующие диапазоны:

- >67% — высокая сбалансированность;
- 34–66% — умеренная сбалансированность;
- <33% — наличие дисбаланса.

На основании полученных индексов экономического, социального и экологического развития показатель сбалансированности регионального развития будет иметь следующее значение:

$$CPP = \frac{E + S + Ec}{3} \times 100\% = \\ = \frac{0,13 + 0,67 + 0,64}{3} \times 100\% = 48\%$$

Согласно предложенным критериям интерпретации показателя, в Алтайском крае наблюдается умеренная сбалансированность в развитии региона. К основным проблемам можно отнести низкий уровень экономического развития: ВРП на душу населения составляет лишь 13% от максимального значения по СФО; инвестиции в основной капитал — 16% от максимума; внешнеторговый оборо-

рот — 11% от лидеров округа. При этом социальная сфера демонстрирует относительную стабильность благодаря низкому уровню безработицы и сохранению численности населения. Однако средняя зарплата остается ниже среднего уровня по СФО. В сфере экологии наблюдаются хорошие показатели по снижению выбросов и сбросу сточных вод, при этом зафиксированы низкие расходы на охрану окружающей среды, что ставит под угрозу долгосрочную устойчивость данной сферы.

Заключение. На основании результатов оценки сбалансированности развития Алтайского края, полученных по разработанной методике, можно выделить следующие рекомендации по корректировке региональной политики для достижения высокой сбалансированности в развитии региона.

Стимулирование экономического роста можно получить за счет увеличения инвестиций в основной капитал путем разработки программ привлечения частных и государственных инвестиций в ключевые отрасли региона, такие как агропромышленный комплекс, перерабатывающая промышленность и туризм. Инвестиции в основной капитал, в свою очередь, будут способствовать внедрению инновационных технологий в производство, за счет чего будут увеличиваться объемы производства и, как следствие, произойдет рост ВРП в целом. Необходимо также наращивание внешнеторгового оборота путем поддержки экспортно-ориентированных предприятий и упрощения таможенных процедур. Кроме того, развитие в данной сфере можно достичь за счет расширения географии экспортных поставок.

В социальной сфере необходимы положительные изменения таких показателей как уровень безработицы в регионе за счет создания новых

рабочих мест, развития программ переквалификации и поддержки предпринимательства в малых городах и сельской местности региона.

Необходимо также проводить работу над имиджем и привлекательностью региона для обеспечения сохранения высококвалифицированной рабочей силы внутри субъекта РФ. Этого можно добиться путем развития городской инфраструктуры (транспорт, общественные пространства), а также за счет качественных улучшений в сферах здравоохранения (наличие современного оборудования и квалифицированных врачей) и образования (внедрение перспективных программ обучения). Механизмом снижения миграции в другие регионы РФ населения в возрасте до 35 лет могут быть улучшение жилищных условий и внедрение различных социальных льгот для молодых специалистов и семей.

С точки зрения развития экологической устойчивости региона следует использовать следующие инструменты:

- внедрение экологических стандартов для предприятий, а также обеспечение повышенного контроля за выбросами и сбросами загрязняющих веществ для снижения антропогенной нагрузки;
- увеличение расходов на охрану окружающей среды: финансирование природоохранных программ, восстановление лесов и водных ресурсов, развитие экотуризма.

Помимо вышеперечисленных рекомендаций по корректировке региональной политики для достижения большей сбалансированности в развитии экономики Алтайского края следует регулярно проводить мониторинг показателей сбалансированности регионального развития в экономической, социальной и экологической сферах в контексте региональной политики. Реализация этих мер позволит Алтайскому краю перейти от умеренной к высокой сбалансированности развития, обеспечив долгосрочную устойчивость региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белова Е. В. Анализ теоретических подходов к определению сущности сбалансированного регионального социально-экономического развития // Региональная экономика: теория и практика. 2025. Т. 23. № 2. С. 96–108.
2. Гамидуллаева Л. А., Грошева Е. С., Белоградова О. А., Шевченко Д. Н. Сбалансированное развитие территории: подходы к определению и оценке // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2022. № 3. С. 25–41.
3. Бакирова А. М., Буланов А. Ю., Гервасьев М. А. и др. Факторы устойчивого развития регионов России: монография. Новосибирск, 2010. 276 с.
4. Вертакова Ю. В., Логинов И. С. Сбалансированное развитие региона: обзор по методологии Scoping review // π -Economy. 2024. Т. 17. № 2. С. 44–66.
5. Хмелева Г. А., Семенычев В. К., Коробецкая А. А. Устойчивость и сбалансированность в контексте пространственного развития страны. Самара, 2022. С. 1–20.
6. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации».
7. Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И., Шелудков А. В. Полимасштабный подход к выявлению пространственного неравенства в России как стимула и тормоза развития // Известия РАН. Серия географическая. 2022. Т. 86. № 3. С. 289–309.
8. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. М., 2003. 496 с.
9. Дохолян С. В. Сбалансированное развитие экономики региона: теоретический аспект // Региональные проблемы преобразования экономики, 2022.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023. М., 2023. 1126 с.

REFERENCES

1. Belova E. V. Analysis of theoretical approaches to determining the essence of balanced regional socio-economic development. Regional economics: theory and practice. 2025. Vol. 23. No. 2. Pp. 96–108.
2. Gamidullayeva L. A., Grosheva E. S., Belogradova O. A., Shevchenko D. N. Balanced development of the territory: approaches to definition and assessment. Models, systems, networks in economics, technology, nature and society. 2022. No. 3. Pp. 25–41.

3. Bakirova A. M., Bulanov A. Yu., Gervasyev M. A. and others. Factors of sustainable development of Russian regions: a monograph. Novosibirsk, 2010. 276 p.
4. Vertakova Yu. V., Loginov I. S. Balanced development of the region: a review of the Scoping review methodology. Pi-Economy. 2024. Vol. 17. No. 2. Pp. 44–66.
5. Khmeleva G. A., Semenychev V. K., Korobetskaya A. A. Sustainability and balance in the context of spatial development of the country. Samara, 2022. Pp. 1–20.
6. Federal Law No. 172-FZ of 06/28/2014 (as amended on 07/13/2024) “On Strategic Planning in the Russian Federation”.
7. Nefedova T. G., Treivish A. I., Sheludkov A. V. A multi-scale approach to identifying spatial inequality in Russia as an incentive and brake on development. News of the Russian Academy of Sciences. Geographical series. 2022. Vol. 86. No. 3. Pp. 289–309.
8. Granberg A. G. Fundamentals of Regional Economics. Moscow, 2003. 496 p.
9. Doholyan S. V. Balanced development of the regional economy: a theoretical aspect. Regional problems of economic transformation, 2022.
10. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2023: P32 Statistical collection. Moscow, 2023. 1126 p.

Поступила в редакцию: 19.06.2025.

Принята к печати: 23.07.2025.

УДК 338.47
DOI 10.14258/epb202539

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРУЗОПЕРЕВОЗОК: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ТРАНСПОРТНОГО КОРИДОРА

А. Д. Джой

Фонд управления капитализацией «Кристалл Роста» (Москва, Россия)

В 2022–2024 гг. перевозки между Китаем и Россией приобретают решающее значение для российской логистики, что требует масштабной модернизации и адаптации российской инфраструктуры к постоянно растущим объемам товарооборота. Основной задачей данного исследования является выделение ключевых факторов, определяющих выбор способов транзита Китай — РФ, а также систематизация актуальных данных о состоянии логистической инфраструктуры и ее перспективах развития. Автором были использованы статистические данные Росстата по грузовым перевозкам за период 2000–2024 гг., отчеты Министерства Транспорта РФ и Министерства экономического развития РФ. Особое внимание удалено эволюции автоперевозок и деятельности автоперевозчиков, существующим инфраструктурным ограничениям на железнодорожном транспорте и необходимости ускоренной цифровизации логистических процессов в автомобильном секторе. В результате исследования выявлены причины перемены тренда выбора способа грузоперевозок и установлено, что модернизация логистических маршрутов и расширение пропускной способности пограничных переходов являются ключевыми условиями для обеспечения устойчивого роста грузоперевозок. Выводы работы подчеркивают значительный потенциал мультимодальных перевозок в российско-китайском направлении, если будут реализованы меры по модернизации инфраструктуры и цифровизации процессов. Дальнейшее развитие данного направления, по мнению автора, будет способствовать повышению экономической эффективности грузоперевозок и стабилизации товарооборота между странами.

Ключевые слова: мультимодальные перевозки, транспортная инфраструктура, автомобильные перевозки, логистика, международная торговля, цифровизация.

CARGO TRANSPORTATION TRANSFORMATION: TRENDS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN-CHINESE TRANSPORT CORRIDOR

A. D. Dzhoi

Capitalization Management Fund “Crystal fund” (Moscow Russia)

In 2022–2024, transportation between China and Russia is becoming crucial for Russian logistics, which requires large-scale modernization and adaptation of Russian infrastructure to the ever-growing volume of trade. The main objective of this study is to identify the key factors determining the choice of China-Russia transit methods, as well as systematize up-to-date data on the state of the logistics infrastructure and its development prospects. The author used Rosstat statistics on freight transportation for the period 2000–2024, reports from the Ministry of Transport of the Russian Federation and the Ministry of Economy of the Russian Federation. Special attention is paid to the evolution of trucking and the activities of trucking companies, the existing infrastructure constraints in rail transport and the need for accelerated digitalization of logistics processes in the automotive sector. As a result of the study, the reasons for the change in the trend of choosing the method of cargo transportation have been established and it has been established that the modernization of logistics routes and the expansion of the capacity of border crossings are key conditions for ensuring sustainable growth in cargo transportation. The conclusions of the work emphasize the significant potential of multimodal transportation in the Russian-Chinese

direction, if measures are implemented to modernize infrastructure and digitalize processes. Further development of this area, according to the author, will help to increase the economic efficiency of cargo transportation and stabilize trade turnover between the countries.

Keywords: multimodal transportation, transport infrastructure, road transportation, logistics, international trade, digitalization.

Введение. Развитие российско-китайских экономических отношений в 2024–2025 гг. набирает обороты (рис. 1). Согласно планам

обеих стран, к 2030 году товарооборот должен достичь 300 млрд долларов США [1].

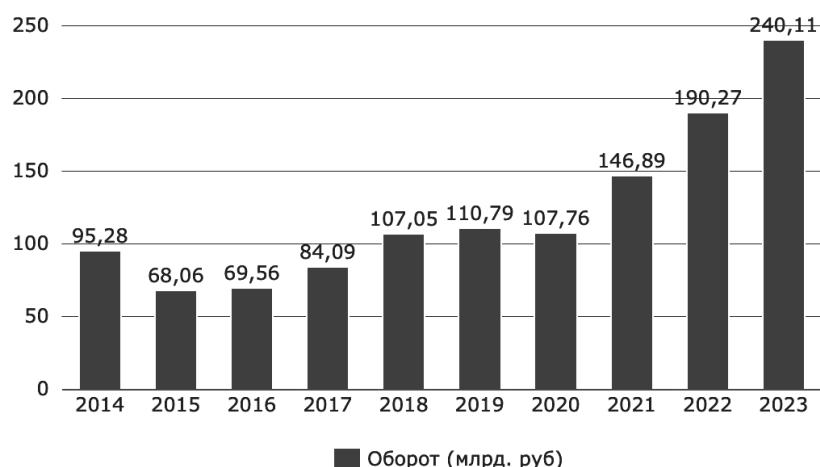

Рис. 1. Динамика китайско-российской торговли 2014–2023 гг.

По итогам первых девяти месяцев 2024 года этот показатель составил 180,35 млрд долл., что иллюстрирует растущий потенциал двусторонней торговли [2]. Если ранее для массовых грузопотоков было характерно преимущественно морское и железнодорожное сообщение, то в последние годы отмечается ускоренный рост доли автомобильного транспорта. При этом остается ряд проблем, связанных с нехваткой квалифицированных водителей, высокими затратами на топливо и низкой цифровизацией логистических операций. Актуальными становятся вопросы модернизации пунктов пропуска, развития портовой инфраструктуры и сокращения дисбалансов в грузопотоках. Все эти факторы определяют практическую ценность исследования современных тенденций в перевозках.

Материалы и методы исследования. Исследование выполнено на основании статистических данных Росстата о грузовых перевозках по видам транспорта с 2000 по 2023 год с прогнозом до 2030 года, данных и планов Минтранса России, ведомств, отвечающих за пункты пропуска на границе с Китаем.

В рамках исследования выполнен анализ таможенной статистики за 2022–2024 годы. Использовался комплексный подход: сравнительный и системный анализ объемов и структуры грузовых

перевозок между собой в морском, железнодорожном, автотранспортном и воздушном сообщении; также произведен анализ инфраструктурных проблем и законодательной базы. Для уточнения дополнительных факторов, влияющих на выбор маршрутов, уточнены опросы представителей склада перевозчиков.

Результаты и обсуждение. На основании анализа структуры перевозок в РФ за 2000–2023 год (рис. 2), очевидно, что перевозки между Китаем и Россией чаще всего организуются водным транспортом и железнодорожной дорогой [3].

Грузы, отправленные из Китая, сначала прибывают во Владивосток, Находку и другие дальневосточные порты, а после транспортируются по железной дороге в центральные регионы России [4]. Этот способ эффективен с экономической точки зрения, однако сроки доставки составляют от тридцати до сорока пяти дней. Высокоскоростную альтернативу предлагает авиадоставка, позволяющая доставить груз за неделю, однако ее стоимость нередко оказывается в десятки раз выше по сравнению с морем. Авиатранспорт ограничен по видам грузов (в частности, аккумуляторы и зарядные устройства перевозить сложнее), поэтому сохраняет нишевый характер и ориентирован в первую очередь на срочные или дорогостоящие постав-

ки. Прямые же железнодорожные перевозки между Китаем и Россией в среднем занимают около 18 дней. В 2023 году из-за увеличения грузопотока наблюдается перегруженность железнодорожных линий. В структуре оборота вагона снизилась доля времени нахождения в движении. Ухудшение

показателя оборота вагона говорит об увеличении простоев. Согласно данным ОАО «РЖД» за 2023–2024 годы, простои вагонов увеличились с 82,8 до 84,1%, что свидетельствует о постоянной нехватке пропускной способности на железных дорогах [5].

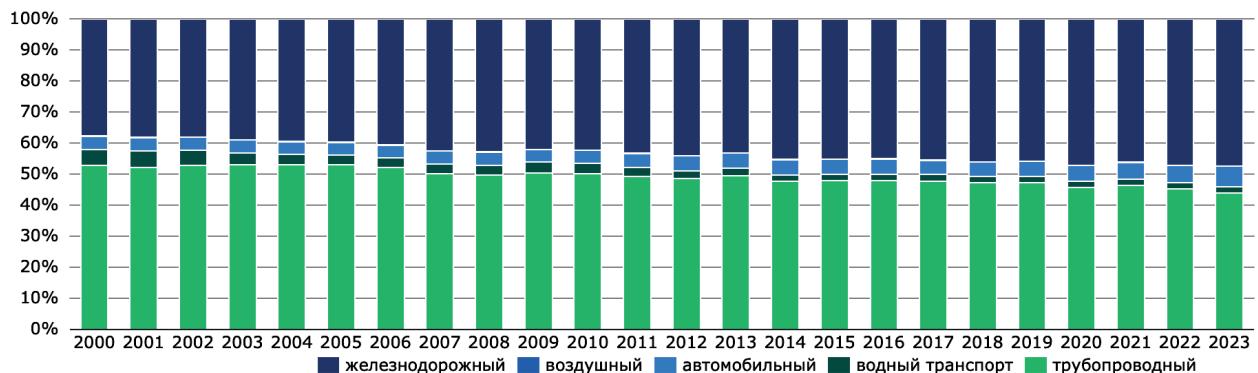

Рис. 2. Структура перевозок 2000–2023 гг.

Одной из причин является диспропорция экспорта и импорта (рис. 3 и рис. 4): из Китая поставляются высокотехнологичные товары и транспортные средства, а из России — преимущественно сырьевые ресурсы (нефть и минеральное топли-

во), что приводит к накоплению порожних контейнеров в центральном регионе РФ, перегруженности складских помещений и нехватки контейнеров на восточной границе [6].

Рис. 3. Структура импорта РФ — Китай
Источник: составлено автором.

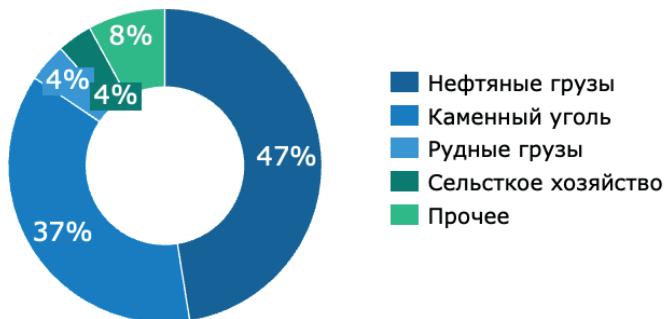

Рис. 4. Структура экспорта РФ — Китай
Источник: составлено автором.

Чрезмерная загрузка железных дорог и терминалов на востоке связывает возможности роста объемов перевозок «традиционными методами». В этом контексте с середины 2022 года наблюдается тенденция к росту доли автомобильного транспорта [7].

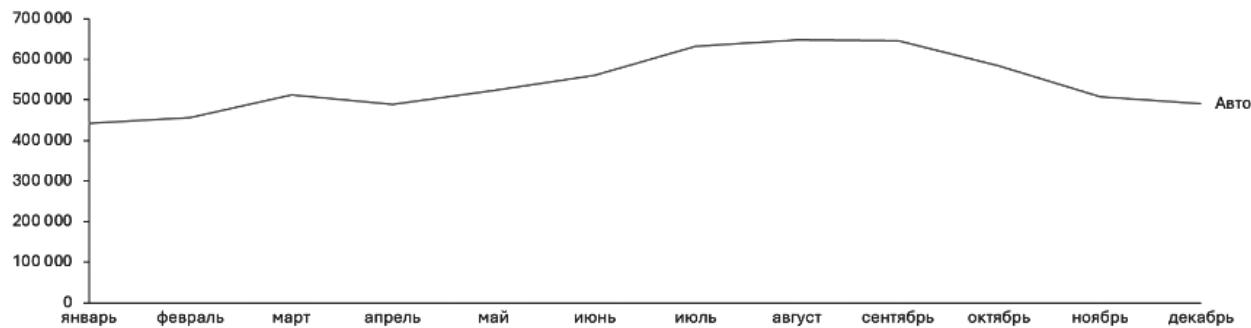

Рис. 5. Сезонность автотранспорта

Тем не менее статистические данные показывают, что общее количество автоперевозок к 2023 году достигло 9 млрд т, что на 3,1% больше по сравнению с предыдущим годом. Доля автотранспорта в общем объеме грузоперевозок увеличилась с 67,6% в 2021 году до 71,9% в 2023 году [2]. В сегменте российско-китайского сообщения автопоток также увеличился, и за 2022 год через границу прошло на 19% больше грузовых транспортных средств, чем годом ранее. Тенденция подтверждается фактами, что в первом полугодии 2024 года число рейсов российских автоперевозчиков между Россией и Китаем увеличилось в полтора раза и достигло 60 тысяч рейсов, что частично объясняется нехваткой свободных железнодорожных контейнеров и инфраструктурными ремонтами на железнодорожных путях [3].

Автотранспорт выигрывает также за счет гибкости и возможности организовывать перевозки без сложной перегрузки контейнеров, но сталкивается с рядом барьеров [5]. На фоне общей нехватки кадров в РФ особенно остро стоит вопрос для автомобильной отрасли, где требуются водители высокой квалификации. Для решения этой проблемы предлагается создание специальных программ обучения, расширение лизингового рынка и стимулирующие меры государственной поддержки. Затраты на топливо становятся все более существенными при длинных рейсах, возникает нехватка кадров водителей, а также сохраняется низкий уровень цифровизации процесса перевозки, когда лишь 1% логистических документов обрабатывается в электронном виде. В случае успешной реализации информационного обмена между Федеральной таможенной службой России и Главным таможенным управлением КНР станет возмож-

Автоперевозки не подвержены сезонности (рис. 5), они традиционно занимают первое место по абсолютному объему перевезенных грузов, однако их доля в грузообороте (тонно-километрах) остается ниже из-за преобладания сравнительно коротких и средних дистанций.

ным ускоренное прохождение грузов, сокращение числа ошибок при оформлении и более рациональное планирование перевозок, связанных с нехваткой достоверных данных о наличии контейнеров, задержками в таможенном оформлении и проблемами коммуникаций между отправителями и получателями. Уже модернизируется сопутствующая инфраструктура. По оценкам экспертов, в 2023 году 82,2% городских дорог и 53,4% региональных находились в нормативном состоянии, кроме этого, ведутся проекты по дальнейшему улучшению: растут мощности дальневосточных портов, в том числе Находки и Восточного, где строятся новые причальные комплексы и развивается хаб в бухте Суходол [8].

Предложение о модернизации инфраструктуры также подтверждается планами Минтранса РФ. До 2026 года будут обновлены 13 пунктов пропуска на российско-китайской границе и 7 пунктов — на российско-монгольской, что способно увеличить пропускную способность до ста миллионов тонн грузов в год против 34 млн в 2022 году [9]. Уже переведены на круглосуточную работу пункты Кани-Курган и Забайкальск, а в ряде других (например, Пограничном и Краскино) расширены режимы оформления. В планах также обозначено строительство полноценной четырехполосной автодороги в направлении Западного Китая к 2027 году, реконструкция портовой инфраструктуры и создание дополнительных мультимодальных коридоров, таких как «Приморье-2» [10].

Итак, учитывая динамику роста товарооборота и большие расстояния между основными пунктами отправления и доставки, мультимодальные перевозки между Россией и Китаем приобретают особую актуальность в глобальной логистической

цепочке. На сегодняшний день схема, включающая морские перевозки наряду с железнодорожными путями, остается востребованной, хотя наблюдается определенная тенденция к предоставлению услуг прямых автомобильных перевозок. Исследование показывает, что автомобильный транспорт продолжает укреплять свои позиции: в 2023 году общий объем автомобильных перевозок в России составил 9 млрд т, что составило 71,9% от общей структуры грузопотоков. Этот вывод объясняется высокой гибкостью автомобильного транспорта, сравнительно короткими логистическими циклами, а также развитием дорожной инфраструктуры и строительством объектов пограничного контроля вдоль коридора Россия — Китай. Однако необходимо развивать инфраструктуру, сопутствующую автомобильным перевозкам, и увеличивать количество действующих пунктов пропуска, расширять пропускную способность портов, создавать автомобильные коридоры и активно внедрять электронный документооборот. Одновременно существенной предпосылкой для дальнейшего роста российско-китайских грузоперевозок станет реализация задач, направленных на модернизацию 13 пограничных пунктов пропуска к 2026 году, открытие системы обмена информацией по прин-

ципу «единого окна» и строительство четырехполосных автомобильных дорог, соединяющих Дальний Восток с западными регионами России и Китая.

Заключение. В исследовании утверждается стратегический характер автомобильных перевозок в контексте российско-китайских отношений. При сбалансированном развитии, разумном распределении нагрузок между морскими портами и внедрении цифровых решений для оперативного контроля грузопотоков можно повысить эффективность логистических цепочек и закрепить устойчивую тенденцию роста взаимного товарооборота.

Будущий рост мультимодальных перевозок напрямую зависит от потенциала государственных и бизнес-структур. Координация усилий, направленных на развитие инфраструктуры, решение проблемы нехватки персонала и повышение уровня цифровизации всего транспортного комплекса позволят наращивать объемы торговли. Успешная реализация запланированных мероприятий должно значительно сократить сроки доставки и затраты на логистику, что послужит стимулом для дальнейшего расширения торговли и развития экономических отношений между Россией и Китаем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральная служба государственной статистики. Транспорт России — 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/transport> (дата обращения: 11.11.2024).
2. Евразийская экономическая комиссия. Информационные материалы о транспортных коридорах ЕАЭС. 2024. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_tamoj_infr/0i191/InfoMat_EAEU_Transport_Corridors.pdf (дата обращения: 11.11.2024).
3. Чжан Т. Тенденции развития китайско-российских отношений в сфере железнодорожного транспорта // Мир транспорта. 2023. Т. 21. № 1. С. 11–23.
4. Российско-китайский диалог: модель 2024: доклад № 94 / под ред. С. М. Гавриловой, К. В. Бабаева и др. М., 2024. 98 с.
5. Хуснуллин М. Ш. Объём автоперевозок между Россией и Китаем вырос на 70% // Russia-China Forum. 2025. 27 февр. URL: <https://russiachinaforum.com/tpost/74mvoig4i1-obem-avtoperevozok-mezhdu-rossieie-i-kita> (дата обращения: 21.01.2025).
6. Бардаль А. Б. Россия и Китай: взаимодействия в сфере наземного транспорта на современном этапе // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 2. С. 59–73. <https://doi.org/10.14530/reg.2024.2.59>.
7. Горчаков В. В. Российско-китайское сотрудничество в области транспорта // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2023. № 3. С. 11–23. <https://doi.org/10.24412/1815-0683-2023-3-11-23>.
8. Малышева Д. Б. Международный транспортный коридор «Север — Юг» и страны Центральной Азии // Ближний и Постсоветский Восток. 2024. № 4 (8). С. 7–21.
9. Рахметулина Ж. Б., Карипова А. Т. Перспективы развития сотрудничества между Россией и Китаем // Экономические отношения. 2025. Т. 15. № 2.
10. Мартышкин Р. В. Расширить узкие места: как идет логистический поворот на Восток // HSE Daily. 2023. 15 мая. URL: <https://daily.hse.ru/post/rassit-uzkie-mesta-kak-ident-logisticheskii-povorot-na-vostok> (дата обращения: 21.01.2025).

REFERENCES

1. Federal State Statistics Service. Transport of Russia — 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/transport> (date of access: 11.11.2024).
2. Eurasian Economic Commission. Information Materials on the Transport Corridors of the EAEU. 2024. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_tamoj_infr/0i191/InfoMat_EAEU_Transport_Corridors.pdf (date of access: 11.11.2024).
3. Zhang T. Trends in the Development of Chinese-Russian Relations in the Field of Railway Transport. World of Transport. 2023. Vol. 21. No. 1. Pp. 11–23.
4. Russian-Chinese Dialogue: Model 2024: Report No. 94 / ed. by S. M. Gavrilova, K. V. Babaev et al. Moscow, 2024. 98 p.
5. Khusnullin M. Sh. The Volume of Road Freight Transport between Russia and China Has Grown by 70%. Russia China Forum, 27 Feb 2025. URL: <https://russiachinaforum.com/tpost/74mvoig4i1-obem-avtoperevozok-mezhdu-rossiei-i-kita> (date of access: 21.01.2025).
6. Bardal A. B. Russia and China: Interaction in the Sphere of Land Transport at the Present Stage. Regionalistics. 2024. Vol. 11. No. 2. Pp. 59–73. <https://doi.org/10.14530/reg.2024.2.59>.
7. Gorchakov V. V. Russian-Chinese Cooperation in the Field of Transport. Customs Policy of Russia in the Far East. 2023. No. 3. Pp. 11–23. <https://doi.org/10.24412/1815-0683-2023-3-11-23>.
8. Malysheva D. B. The “North — South” International Transport Corridor and the Countries of Central Asia. Near and Post-Soviet East. 2024. No. 4 (8). Pp. 7–21.
9. Rakhmetulina Zh. B., Karipova A. T. Prospects for the Development of Cooperation between Russia and China. Economic Relations. 2025. Vol. 15. No. 2.
10. Martyshkin R. V. Clearing the Bottlenecks: How the Logistics Pivot to the East Is Progressing. HSE Daily, 15 May 2023. URL: <https://daily.hse.ru/post/rassit-uzkie-mesta-kak-idet-logisticeskii-povorot-na-vostok> (date of access: 21.01.2025).

Поступила в редакцию: 07.04.2025.

Принята к печати: 17.06.2025.

УДК 332.1 (571.1/.5)
DOI 10.14258/epb202540

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И СТРУКТУРНЫХ СДВИГОВ В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Д. А. Доценко

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье анализируется структура экономики и отраслевого роста регионов Сибирского федерального округа в 2022–2023 гг. с помощью метода анализа конкурентоспособности и структурных сдвигов (метод Shift Share Analys). Этот метод является хорошо проработанным в научной литературе, существует большое количество модификаций. Для анализа экономики регионов Сибирского федерального округа применяется одна из классических версий. В статье для этой версии метода предлагается дополнение, учитывающее отраслевую структуру экономики региона в текущем периоде. Выявлено, что с применением указанного дополнения связаны изменения в интерпретации полученных значений. Если в изначальной версии метода получаемые эффекты (MIX-эффект и DIF-эффект) сравнивались с нулем (как средним по стране пограничным значением), то с учетом дополнения пограничное значение для MIX-эффекта будет отличным от нуля. В результате проведенного анализа было выявлено, что большая часть экономик регионов округа представлены отраслями, которые преуспевают в развитии на общероссийском уровне. Однако в регионах округа наблюдаются проблемы с отраслевой конкурентоспособностью. Особенностью отраслевой структуры ряда регионов округа за 2022–2023 гг. является наличие значимой доли отраслей, испытывающих спад, что привело к падению всей региональной конкурентоспособности. Одни из наиболее значимых по доле отраслей в экономиках рассматриваемых регионов испытали спад: сельское хозяйство в Алтайском крае, добыча полезных ископаемых в Иркутской области, Красноярском крае, Республике Хакасия и Томской области.

Ключевые слова: регион, структурные сдвиги, shift share analysis, конкурентоспособность, отраслевая структура, экономический рост.

ANALYSIS OF COMPETITIVENESS AND STRUCTURAL CHANGES IN THE ECONOMY OF THE REGIONS OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT

D. A. Dotsenko

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article analyzes the structure of the economy and sectoral growth of the regions of the Siberian Federal District in 2022–2023 using the method of competitiveness analysis and structural shifts (the Shift Share Analys method). This method is well-developed in the scientific literature, and there are more modifications available. One of the classical versions is used to analyze the economy of the regions of the Siberian Federal District. The article proposes an addition for this version of the method that takes into account the sectoral structure of the region's economy in the current period. It was revealed that the application of this supplement leads to changes in the interpretation of the obtained values. In the original version of the method, the obtained effects (MIX-effect and DIF-effect) were compared with zero (as the average border value for the country), but with the addition of the supplement, the border value for the MIX-effect will be different from zero. As a result of the analysis, it was found that most of the district's economies are represented by sectors that are successful in their development at the national level. However, there are issues with sectoral competitiveness in the district's regions. A feature of the sectoral structure of a number of the district's regions in 2022–2023 is the presence of a significant share of sectors experiencing a decline, which led to a decline in the overall regional competitiveness. Some of the most significant sectors in the economies of the regions under consideration experienced a decline: agriculture in the

Altai Territory, mining in the Irkutsk Region, Krasnoyarsk Territory, the Republic of Khakassia, and the Tomsk Region.

Keywords: region, structural shifts, shift share analysis, competitiveness, industry structure, economic growth.

Введение. Актуальным вопросом на сегодняшний день является модернизация российской экономики и экономики российских регионов с позиции изменения их отраслевой структуры в пользу высокотехнологичных отраслей. При этом, как отмечает Н. Н. Михеева, недопустимым является отождествление высокотехнологичных производств с производствами с высокой добавленной стоимостью, поскольку последними являются добывающие производства [1]. С учетом сказанного при исследовании регионального экономического роста важным вопросом является отраслевая структура этого роста. Одним из методов исследования данного явления выступает метод анализа конкурентоспособности и структурных сдвигов (shift-share analysis).

Цель статьи — проведение анализа структурных сдвигов и конкурентоспособности регионов Сибирского федерального округа с помощью расчета MIX и DIF эффектов.

Для анализа экономик регионов Сибирского федерального округа в работе применен метод анализа конкурентоспособности и структурных сдвигов (или метод shift share analysis). Особенностью этого метода является возможность анализа регионального экономического роста с позиций отраслей и с позиций нескольких компонентов. В научной литературе существует большое количество модификаций рассматриваемого метода. Наиболее распространенными и часто применяемыми являются две версии: с расчетом трех компонентов (национальный, отраслевой и конкурентный) и с расчетом двух компонентов (состава и конкуренции). В данной статье предлагается дополнение к версии метода с расчетом двух компонентов. Суть дополнения состоит в использовании в расчетах отраслевой структуры экономики региона не в базисном периоде, а в отчетном (также это изменение влечет за собой некоторые особенности интерпретации получаемых эффектов). Для анализа экономик регионов Сибирского федерального округа используется указанная версия метода с дополнением. Информационной базой исследования выступают труды отечественных и зарубежных ученых, официальная статистика Росстата.

Результаты исследования и их обсуждение. В отечественной и зарубежной научной литературе большое внимание уделяется исследованию сбалансированности национального и регионального

экономического роста. Для проведения исследований такого типа применяется метод анализа структурных сдвигов и конкурентоспособности. Суть данного метода состоит в установлении некоторого эталонного явления (например, национальная экономика в целом) и в последующем сравнении исследуемого явления (например, экономика региона) с этим эталоном. Отклонение развития исследуемого явления от эталона называется сдвигом.

Анализ структурных сдвигов — достаточно проработанный метод анализа регионального роста в научной литературе. Разработка классической версии этого метода связана с такими учеными как D. Creamer, E. S. Dunn и L. D. Ashby [2, 3, 4]. В дальнейшем, как отмечает Н. Г. Джурка, этот метод критиковался за отсутствие строгих концептуальных обоснований; в ответ на такую критику появлялись новые версии этого метода, которые изменяли подход к определению эталона, включали в модель большее количество периодов (больше двух в отличие от классической версии) и т. д. [5].

В отечественной научной литературе данный метод также нашел применение. Российские ученые занимаются исследованием его эволюции (например, в [5]), разработкой и применением модификаций метода [6], а также применением этого метода для анализа экономического роста российских регионов [1, 7, 8, 9].

Рассматриваемый нами метод используется не только для анализа структуры региональной экономики, но и, например, для анализа товарной структуры внешней торговли: M. Arfaoui, M. Boulaares, S. Boudiche с помощью метода Shift Share Analysis исследовали в своей статье конкурентоспособность оливкового масла Туниса [10].

Перед применением данного метода необходимо определить показатель, характеризующий развитие отраслей в регионе. В научной литературе в качестве таких показателей чаще всего выступают валовая добавленная стоимость (например, в относительном выражении [9]) или численность занятых (например, [11]), однако может использоваться любой другой показатель, подходящий для целей конкретного исследования. Например, С. В. Арженовский и Л. Сунтура в своей работе [12] исследовали структуру региональных затрат на информационно-коммуникационные технологии и использовали в своем анализе соответствующий показатель.

В классическом варианте метода предусматривается расчет общего сдвига через три компонента: национальный, структурный и конкурентный. Для некоторого региона, экономика которого состоит из M отраслей, это может быть выражено через формулу (1).

$$R_r = \sum_{i=1}^M R_{nir} + \sum_{i=1}^M R_{sir} + \sum_{i=1}^M R_{cir}, \quad (1)$$

где R_r — совокупный сдвиг; R_{nir} — национальный компонент сдвига в регионе по i -й отрасли; R_{sir} — компонент отраслевой структуры сдвига в регионе по i -й отрасли, R_{cir} — конкурентный компонент сдвига в регионе по i -й отрасли.

Следует отметить, что для анализа структурных сдвигов могут использоваться практически любые показатели, характеризующие развитие отрасли и экономики в целом (как правило, это валовая добавленная стоимость или численность занятых). В рамках данной статьи этим показателем будет выступать валовая добавленная стоимость.

Существует несколько модификаций этого метода. Модификации призваны устраниć ограничения и условности первоначальной версии. Одна из таких модификаций предполагает расчет только лишь двух компонент, один из которых называется эффектом состава (MIX-эффект), а другой — эффектом конкуренции (DIF-эффект). В этой версии метода оценки компонент сдвига становится относительным, что упрощает интерпретацию полученных значений.

Эффект состава представляет собой взвешенную с учетом отраслевой структуры региона интегральную оценку того, состоит ли экономика региона из преуспевающих на национальном уровне отраслей. Расчет этого показателя основан на взвешивании с учетом отраслевой структуры региона разницы между темпами роста отрасли на национальном уровне и темпами роста национальной экономики. Этот эффект соответствует компоненту отраслевой структуры и рассчитывается по формуле (2).

$$MIX_r = \sum_{i=1}^M \frac{E_{ir}^{t-1}}{E_r^{t-1}} \times \left(\frac{E_{in}^t}{E_{in}^{t-1}} - \frac{E_n^t}{E_n^{t-1}} \right), \quad (2)$$

где MIX_r — эффект состава для исследуемого региона; E_r^{t-1} — валовая добавленная стоимость в исследуемом регионе в базисном периоде; E_{ir}^{t-1} — валовая добавленная стоимость в i -й отрасли региона в базисном периоде; E_n^t — валовая добавленная стоимость в национальной экономике в текущем периоде; E_n^{t-1} — валовая добавленная стоимость в национальной экономике в базисном периоде; E_{in}^t — валовая добавленная стоимость i -й отрасли страны в текущем периоде; E_{in}^{t-1} — валовая до-

бавленная стоимость i -ой отрасли страны в базисном периоде.

Эффект конкуренции представляет собой взвешенную с учетом отраслевой структуры региона интегральную оценку преуспевания отраслей на региональном уровне в сравнении с отраслями на национальном уровне. Этот эффект показывает, насколько отрасли в регионе преуспевают (или отстают) в развитии от аналогичных отраслей на уровне страны. Расчет данного показателя основан на взвешивании с учетом отраслевой структуры региона разницы между темпами роста отрасли на региональном уровне и темпами роста отрасли на национальном уровне. Этот эффект соответствует конкурентному компоненту и рассчитывается по формуле (3).

$$DIF_r = \sum_{i=1}^M \frac{E_{ir}^{t-1}}{E_r^{t-1}} \times \left(\frac{E_{ir}^t}{E_{ir}^{t-1}} - \frac{E_{in}^t}{E_{in}^{t-1}} \right), \quad (3)$$

где DIF_r — эффект конкуренции для исследуемого региона; E_{ir}^t — валовая добавленная стоимость в i -й отрасли региона в текущем периоде.

В результате расчета этих двух эффектов получаются безразмерные показатели, которые могут быть использованы для сравнения между регионами и отраслями или для получения выводов: представлена ли экономика региона преуспевающими на национальном уровне отраслями (MIX-эффект), а также являются ли отрасли в регионе более конкурентоспособными в сравнении с этими же отраслями в стране (DIF-эффект).

При интерпретации этих двух эффектов и составлении выводов авторами используется пограничное значение 0. При получении положительного эффекта структуры экономика региона в целом представлена преимущественно отраслями, которые имеют высокие темпы роста на национальном уровне (наоборот — при отрицательном эффекте). При получении положительного эффекта конкуренции экономика региона в целом представлена преимущественно отраслями, которые преуспевают в сравнении с такими же отраслями на национальном уровне (наоборот — при отрицательном эффекте). Пограничное значение принимается авторами без комментариев и в целом как интуитивно понятное, однако через простые математические преобразования это пограничное значение может быть доказано.

Для расчета пограничного значения необходимо провести расчеты эффекта структуры и эффекта конкуренции для экономики, взятой за эталон, то есть для национальной экономики. Формулы этих эффектов преобразятся соответствующим образом. Для MIX-эффекта это будет формула (4).

$$MIX_n = \sum_{i=1}^M \frac{E_{in}^{t-1}}{E_n^{t-1}} \times \left(\frac{E_{in}^t}{E_{in}^{t-1}} - \frac{E_n^t}{E_n^{t-1}} \right), \quad (4)$$

где MIX_n — эффект структуры для национальной экономики.

С помощью простых математических преобразований формула эффекта структуры для национальной экономики может быть записана следующим образом:

$$\begin{aligned} MIX_n &= \sum_{i=1}^M \frac{E_{in}^t}{E_n^{t-1}} - \sum_{i=1}^M \frac{E_{in}^{t-1} E_n^t}{E_n^{t-1} E_n^{t-1}} = \\ &= \frac{1}{E_n^{t-1}} \sum_{i=1}^M E_{in}^t - \frac{E_n^t}{E_n^{t-1}} \sum_{i=1}^M \frac{E_{in}^{t-1}}{E_n^{t-1}} \end{aligned} \quad (5)$$

Сумма валовой добавленной стоимости по отраслям национальной экономики равняется валовой добавленной стоимости по всей экономике, что отражено в формуле (6).

$$\sum_{i=1}^M E_{in}^t = E_n^t \quad (6)$$

Сумма долей всех отраслей в национальной экономике равняется 1, что отражено в формуле (7).

$$\sum_{i=1}^M \frac{E_{in}^{t-1}}{E_n^{t-1}} = 1 \quad (7)$$

С учетом формул (6) и (7) формула (5) примет вид:

$$MIX_n = \frac{E_n^t}{E_n^{t-1}} - \frac{E_n^t}{E_n^{t-1}} = 0 \quad (8)$$

Формула для расчета DIF-эффекта на национальном уровне будет иметь вид:

$$DIF_n = \sum_{i=1}^M \frac{E_{in}^{t-1}}{E_n^{t-1}} \times \left(\frac{E_{in}^t}{E_{in}^{t-1}} - \frac{E_{in}^t}{E_{in}^{t-1}} \right) = 0 \quad (9)$$

где DIF_n — эффект конкуренции для национальной экономики.

Если обратить внимание на формулы (2) и (3) и на используемые в расчетах MIX-эффекта и DIF-эффекта веса, то особенностью является использование в качестве весов отраслевой структуры

экономики региона за базисный период. Использование в расчетах базисного периода было необходимо для классического метода, так как в ином случае терялась возможность интерпретировать полученные значения. Однако при расчете MIX-эффекта и DIF-эффекта не утрачивается возможность интерпретации полученных значений при использовании отраслевой структуры региональной экономики в текущем периоде. В таком случае можно предложить модифицированные формулы для расчета двух эффектов, которые учитывали бы текущую структуру экономики региона.

$$MIX_r^t = \sum_{i=1}^M \frac{E_{ir}^t}{E_r^t} \times \left(\frac{E_{in}^t}{E_{in}^{t-1}} - \frac{E_n^t}{E_n^{t-1}} \right), \quad (10)$$

где MIX_r^t — региональный эффект структуры с учетом текущей отраслевой структуры экономики региона.

$$DIF_r^t = \sum_{i=1}^M \frac{E_{ir}^t}{E_r^t} \times \left(\frac{E_{ir}^t}{E_{ir}^{t-1}} - \frac{E_{in}^t}{E_{in}^{t-1}} \right), \quad (11)$$

где DIF_r^t — региональный эффект конкуренции с учетом текущей отраслевой структуры экономики региона.

Если пограничное значение для интерпретации нового DIF-эффекта составляет 0, что следует из формулы (9), то для MIX-эффекта это значение уже будет отличным от 0, поэтому для проведения исследования структурных сдвигов и конкурентоспособности регионов необходимо рассчитывать не только региональные MIX- и DIF-эффекты, но и национальный MIX-эффект (который можно принять в качестве среднего по стране и, соответственно, в качестве порогового значения). С учетом сказанного для более удобной интерпретации MIX-эффекта можно пересчитать региональный эффект с учетом среднего по стране следующим образом:

$$MIX_{rc}^t = MIX_r^t - MIX_n^t, \quad (12)$$

где MIX_{rc}^t — скорректированный региональный эффект структуры с учетом среднего по стране; MIX_n^t — национальный эффект структуры с учетом текущей отраслевой структуры экономики страны.

Таблица 1

Структура валовой добавленной стоимости по регионам в Сибирском федеральном округе в текущих ценах в 2022–2023 гг.

Регион	ВДС в 2022 г., млн руб.	ВДС в 2023 г., млн руб.	Доля в 2022 г., %	Доля в 2023 г., %	Изменение доли, %
Алтайский край	929614,2	1024355,4	7,17	7,34	0,17
Республика Алтай	89613	108337	0,69	0,78	0,09
Республика Тыва	107913,7	122532,5	0,83	0,88	0,05
Республика Хакасия	345846,6	378551,6	2,67	2,71	0,05
Красноярский край	3314866,6	3719646,8	25,55	26,64	1,09
Иркутская область	2347579,8	2539383,9	18,10	18,19	0,09

Окончание таблицы 1

Регион	ВДС в 2022 г., млн руб.	ВДС в 2023 г., млн руб.	Доля в 2022 г., %	Доля в 2023 г., %	Изменение доли, %
Кемеровская область	2170130,3	1883825,1	16,73	13,49	-3,24
Новосибирская область	1927143,6	2216436,2	14,86	15,87	1,02
Омская область	926750,2	1056600,3	7,14	7,57	0,42
Томская область	813183,4	912449,4	6,27	6,54	0,27
Всего по СФО	12972641,4	13962118,2	100,00	100,00	-

Источник: составлено автором на основании данных Росстата.

В соответствии с таблицей 1 Красноярский край является крупнейшим регионом с точки зрения совокупной валовой добавленной стоимости в Сибирском федеральном округе в 2022–2023 годах. Алтайский край в 2022 году занял 5-е место, а в 2023 году — 6-е (уступил Омской области). В 2023 году увеличились доли всех ре-

гионов в совокупной валовой добавленной стоимости Сибирского федерального округа, за исключением Кемеровской области, валовая добавленная стоимость которой в 2023 году сократилась в сравнении с 2022 годом (за счет чего в том числе остальные регионы смогли увеличить свою долю).

Таблица 2

Эффекты состава и конкуренции для российской экономики в разрезе отраслей за 2022–2023 гг.

Разделы ОКВЭД 2	Отрасли	Темп роста ВДС 2023/2022, в %	DIF-эф- фект*	MIX-эф- фект**	DIF-эф- фект***	MIX-эф- фект****
			III	IV	V	VI
Раздел А	Сельское хозяйство	97,68	0	-0,524	0	-0,459
Раздел В	Добыча полезных ископаемых	99,03	0	-1,671	0	-1,483
Раздел С	Обрабатывающие производства	108,20	0	-0,493	0	-0,478
Раздел D	Электроэнергия	109,94	0	-0,036	0	-0,036
Раздел Е	Водоснабжение	111,59	0	0,000	0	0,000
Раздел F	Строительство	116,44	0	0,236	0	0,247
Раздел G	Торговля	102,85	0	-1,214	0	-1,119
Раздел H	Транспортировка	117,33	0	0,374	0	0,394
Раздел I	Гостиницы и общепит	120,25	0	0,073	0	0,079
Раздел J	Информация и связь	124,88	0	0,383	0	0,429
Раздел K	Финансы и страхование	134,00	0	0,959	0	1,152
Раздел L	Операции с недвижимостью	112,82	0	0,131	0	0,133
Раздел M	Деятельность профессиональная, научная и техническая	122,11	0	0,462	0	0,505
Раздел N	Административная деятельность	120,36	0	0,190	0	0,205
Раздел O	Государственное управление	127,51	0	1,135	0	1,297
Раздел P	Образование	111,46	0	-0,004	0	-0,004
Раздел Q	Здравоохранение и социальные услуги	109,80	0	-0,057	0	-0,056
Раздел R	Культура, спорт	112,35	0	0,008	0	0,008
Разделы S, T	Прочее	117,19	0	0,045	0	0,047
Всего (сумма)		111,58	0	0,000	0	0,863

Источник: составлено автором на основании данных Росстата.

* Формула (9)

*** Аналог формулы (9) для формулы (11)

** Формула (4)

**** Аналог формулы (4) для формулы (10)

В таблице 2 представлены MIX-эффекты и DIF-эффекты, рассчитанные на основании разных

подходов: классический подход (столбцы IV и V) и подход, основанный на использовании текущей

структуры экономики (столбцы VI и VII) для российской экономики за 2022–2023 гг. В расчетах использовались значения темпов роста в процентах. Эти значения можно использовать как средние, то есть использовать их для интерпретации аналогичных показателей для экономик регионов. Так же эти расчеты подтверждают ранее описанные су-

ждения о суммарных MIX и DIF эффектах по стране: в классической версии они равны 0 — формулы (8) и (9), в измененной версии методики суммарный DIF-эффект по стране равен 0, а суммарный MIX-эффект не равен 0. В дальнейших расчетах используется вариант методики с текущей структурой экономики, то есть формулы (10) и (11).

Таблица 3

Эффекты состава и конкуренции для экономики Алтайского края в разрезе отраслей за 2022–2023 гг.

Разделы ОКВЭД 2	Отрасли	Темп роста ВДС 2023/2022, %	DIF-эффект*	MIX-эффект**
Раздел А	Сельское хозяйство	79,66	-1,606	-2,083
Раздел В	Добыча полезных ископаемых	100,04	-0,082	0,007
Раздел С	Обрабатывающие производства	116,62	-0,687	1,711
Раздел D	Электроэнергия	93,02	-0,036	-0,374
Раздел Е	Водоснабжение	120,22	0,000	0,040
Раздел F	Строительство	121,31	0,193	0,194
Раздел G	Торговля	109,41	-1,189	0,892
Раздел H	Транспортировка	115,73	0,271	-0,076
Раздел I	Гостиницы и общепит	120,16	0,078	-0,001
Раздел J	Информация и связь	107,24	0,279	-0,370
Раздел K	Финансы и страхование	98,72	0,059	-0,092
Раздел L	Операции с недвижимостью	128,36	0,171	2,157
Раздел M	Деятельность профессиональная, научная и техническая	125,22	0,303	0,090
Раздел N	Административная деятельность	116,68	0,230	-0,096
Раздел O	Государственное управление	117,67	1,295	-0,800
Раздел P	Образование	111,97	-0,006	0,026
Раздел Q	Здравоохранение и социальные услуги	109,08	-0,091	-0,037
Раздел R	Культура, спорт	142,07	0,007	0,255
Разделы S, T	Прочее	123,94	0,034	0,041
Всего (сумма)		110,19	-0,777	1,485

Источник: составлено автором на основании данных Росстата.

* Формула (11)

** Формула (10)

В соответствии с таблицей 3 в Алтайском крае за 2022–2023 гг. MIX-эффект сложился положительным, а DIF-эффект — отрицательным. Экономика Алтайского края представлена в большей степени отраслями, которые являются преуспевающими на уровне страны (MIX-эффект). Из трех крупнейших групп отраслей экономики Алтайского края на национальном уровне в 2022–2023 гг. преуспевающими были обрабатывающее производство, торговля, а сельское хозяйство на общероссийском уровне было скорее отстающим по темпам роста, что соответственным образом отразилось во вкладе этих отраслей в суммарный эффект состава.

DIF-эффект представляет собой показатель, с помощью которого можно судить об отраслевой конкурентоспособности региона. Для наглядности данные представлены на рисунке 1.

Отрицательный суммарный эффект конкуренции свидетельствует о том, что если в будущем рост отраслей в Алтайском крае будет соответствовать росту отраслей на среднероссийском уровне, то экономика Алтайского края получит выигрыш от этого в виде дополнительного экономического роста. Крупнейшие группы отраслей Алтайского края в 2022–2023 гг. продемонстрировали уровень конкурентоспособности ниже среднего по России, что отразилось в их наибольших отрицатель-

ных вкладах в суммарный эффект конкуренции для Алтайского края. Сельское хозяйство в 2022–2023 гг. является не только отстающей по темпам роста отраслью на общероссийском уровне (от-

рицательный отраслевой MIX-эффект), но и отстающей отраслью в Алтайском крае в сравнении с российским уровнем (отрицательный отраслевой DIF-эффект).

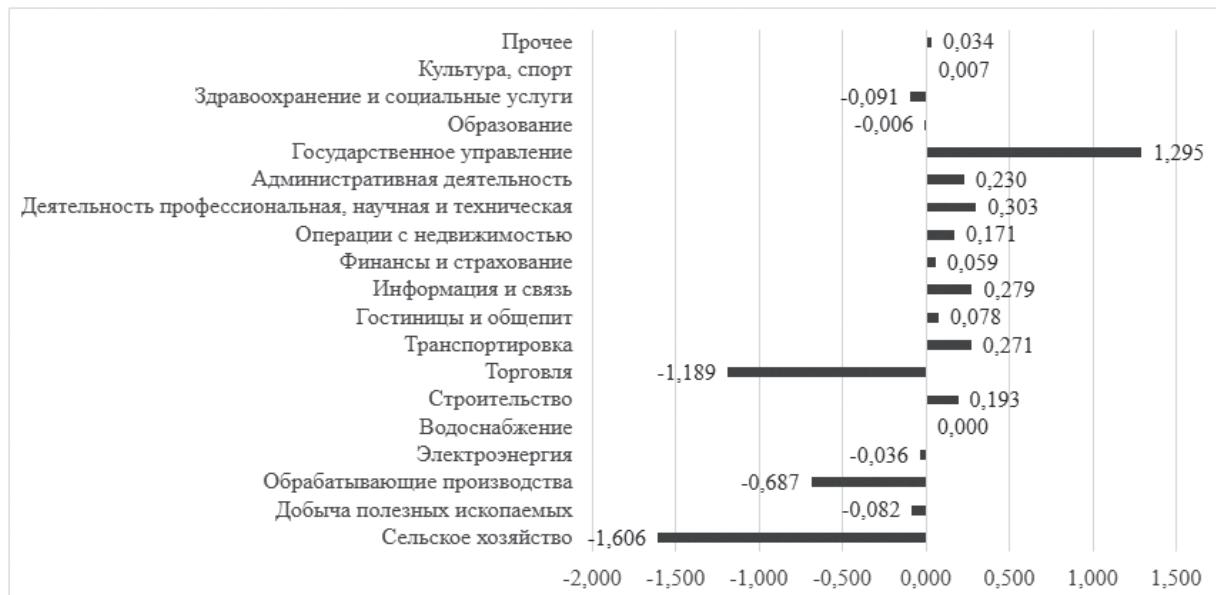

Рис. 1. Конкурентоспособность отраслей Алтайского края (DIF-эффект) за 2022–2023 гг.

Таблица 4

Суммарные эффекты состава и конкуренции для экономик регионов СФО за 2022–2023 гг.

Регион	DIF-эффект	MIX-эффект	Скорректированный MIX-эффект*
Алтайский край	-0,777	1,485	0,622
Республика Алтай	2,399	10,638	9,775
Республика Тыва	1,136	2,080	1,217
Республика Хакасия	-1,519	0,662	-0,200
Красноярский край	-2,392	3,562	2,700
Иркутская область	-2,433	-0,416	-1,279
Кемеровская область	-3,058	-12,677	-13,540
Новосибирская область	0,429	4,150	3,288
Омская область	0,278	3,208	2,345
Томская область	-1,707	3,054	2,191

Источник: составлено автором на основании данных Росстата. * Формула (12)

По эффекту состава лидером по Сибирскому федеральному округу стала Республика Алтай. В этом регионе в среднем (средневзвешенно) находится больше всего преуспевающих на общероссийском уровне отраслей: для Республики Алтай это строительство и операции с недвижимым имуществом. Аутсайдером по эффекту состава стала Кемеровская область. Экономика данного региона оказалась представлена преимущественно отраслями, отстающими в развитии, особенно это касается добычи полезных ископаемых и обрабатывающего производства. Большая часть регионов СФО

(7 из 10) в 2023 году имеют структуру экономики, состоящих из отраслей, преуспевающих в развитии на общероссийском уровне. Это позволяет сделать вывод: если развитие экономик регионов СФО будет соответствовать общероссийскому уровню, то экономический рост в этих регионах будет выше среднероссийского. Алтайский край по эффекту состава несколько проигрывает среднему по СФО значению (0,622 против 0,712 в среднем).

По эффекту конкуренции большая часть регионов СФО (6 из 10) проигрывает общероссийскому уровню, то есть отрасли регионов представлены

преимущественно отраслями, которые имеют более низкие темпы роста, чем в среднем по России. Лидером по конкурентоспособности в СФО стала Республика Алтай, но уже за счет высоких показателей конкурентоспособности по таким группам отраслей, как водоснабжение и государственное управление. Аустайдером по конкурентоспособ-

ности является Кемеровская область преимущественно из-за снижения по добыче полезных ископаемых. Спад в добыче полезных ископаемых не только затронул Кемеровскую область, но и стал основной причиной отрицательного эффекта конкуренции для Иркутской области, Красноярского края, Республики Хакасия и Томской области.

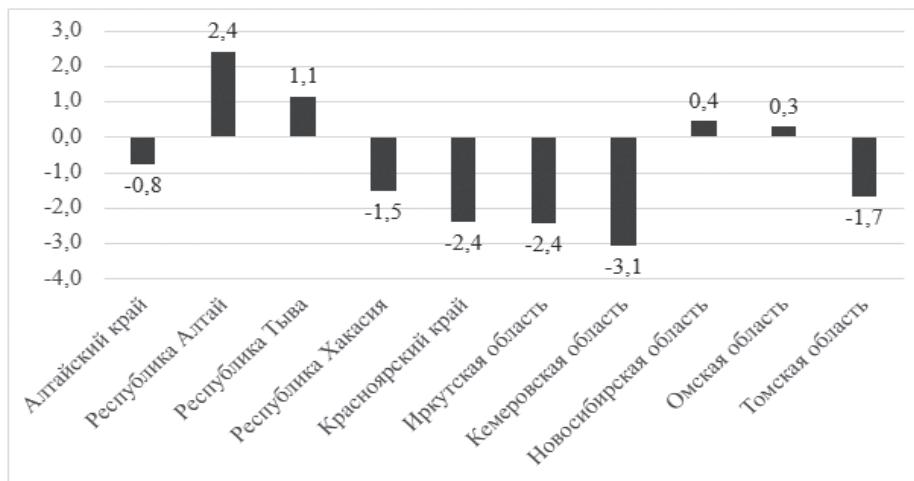

Рис. 2. Эффект конкуренции по регионам СФО за 2022–2023 гг.

Заключение. Метод анализа конкурентоспособности и структурных сдвигов через расчет MIX- и DIF-эффектов может использоваться не только с использованием базисных весов (отраслевой структуры экономики в базисном периоде), но и с использованием текущих весов (отраслевой структуры экономики в текущем периоде). Следует отметить, с использованием измененной методики необходимо также обратить внимание на особенности интерпретации полученных значений: было выявлено, что если в изначальной версии методики полученные значения MIX- и DIF-эффектов для составления выводов сравнивались с 0, то в измененной версии для DIF-эффекта пороговое значение не изменилось, а для MIX-эффекта пороговое значение может быть отличным от 0.

В ходе проведенного анализа конкурентоспособности и структурных сдвигов для регионов Сибирского федерального округа было выявлено, что большая часть экономик регионов округа представлена отраслями, которые преуспевают в развитии на общероссийском уровне, то есть если развитие экономик регионов округа с положительным

эффектом состава будет соответствовать общероссийскому уровню, то экономический рост в этих регионах будет выше среднероссийского.

В регионах округа наблюдаются проблемы с отраслевой конкурентоспособностью. Особенностью отраслевой структуры ряда регионов округа за 2022–2023 гг. является наличие значимой доли отраслей, испытывающих спад, что (из-за большой доли таких отраслей в экономиках регионов) привело к падению всей региональной конкурентоспособности (в виде интегрального показателя — эффекта конкуренции). Спад в добыче полезных ископаемых внес большой отрицательный вклад в конкурентоспособность таких регионов, как Иркутская область, Красноярский край, Республика Хакасия и Томская область, а спад в сельском хозяйстве оказал большое негативное влияние на конкурентоспособность Алтайского края.

Перспективными направлениями исследования являются исследование конкурентоспособности конкретных отраслей в разрезе регионов, а также исследование динамики показателей отраслевой конкурентоспособности и структурных сдвигов по регионам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Михеева Н. Н. Структурные факторы региональной динамики: измерение и оценка // Пространственная экономика. 2013. № 1. С. 11–32.

2. Creamer D. Shift of Manufacturing Industries. In: Industrial Location and National Resources Ed. by G. E. McLaughlin. Washington. 1943. Pp. 85–104.
3. Dunn E. S. A Statistical and Analytical Technique for Regional Analysis // Papers in Regional Science. 1960. Vol. 6. Issue 1. Pp. 97–112.
4. Ashby L. D. The Geographical Redistribution of Employment: An Examination of the Elements of Change // Survey of Current Business. 1964. Vol. 44. No. 10. Pp. 13–20.
5. Джурук Н. Г. Анализ структурных сдвигов: обзор пространственных версий // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 5. С. 5–16.
6. Котов А. В. Пространственный анализ структурных сдвигов как инструмент исследования динамики экономического развития макрорегионов России // Экономика региона. 2021. Т. 17. Вып. 3. С. 755–768.
7. Ушакова Е. О., Вдовин С. А. Анализ структурных сдвигов в экономике региона // Интерэкспо ГеоСибирь. 2019. Т. 3. № 1. С. 262–267.
8. Чистникова И. В. Сравнительно-статический подход анализа структурных сдвигов региональной экономики // Экономика. Информатика. 2022. Т. 49. № 4. С. 677–683.
9. Гринева Н. А. Методика оценки конкурентоспособности региональной экономики // Экономика. Информатика. № 13 (84). С. 15–22.
10. Arfaoui M., Boulaares M., Boudiche S. Competitiveness of tunisian olive oil exports in a changing world market: a shift share analysis // European journal of economics and management sciences. 2021. Pp. 42–51.
11. Забелина И. А., Клевакина Е. А., Денисенко И. С. Региональные структурные сдвиги в занятости населения: восточные регионы нового Шелкового пути // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 39. С. 80–98.
12. Арженовский С. В., Сунтура Л. Экономико-статистический анализ структуры региональных затрат на информационные и коммуникационные технологии // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 28 (379). С. 10–14.

REFERENCES

1. Mikheeva N. N. Structural Factors of Regional Dynamics: Measurement and Assessment. Spatial Economics. 2013. No. 1. Pp. 11–32.
2. Creamer D. Shift of Manufacturing Industries. In: Industrial Location and National Resources Ed. by G. E. McLaughlin. Washington, D. C.: U. S. Government Printing Office. 1943. Pp. 85–104.
3. Dunn E. S. A Statistical and Analytical Technique for Regional Analysis. Papers in Regional Science. 1960. Vol. 6. Issue 1. Pp. 97–112.
4. Ashby L. D. The Geographical Redistribution of Employment: An Examination of the Elements of Change. Survey of Current Business. 1964. Vol. 44. No. 10. Pp. 13–20.
5. Dzhuruk N. G. Analysis of Structural Shifts: A Review of Spatial Versions. Regionalistics. 2022. Vol. 9. No. 5. Pp. 5–16.
6. Kotov A. V. Spatial Analysis of Structural Shifts as a Tool for Studying the Dynamics of Economic Development in Russia's Macroregions. Economics of the Region. 2021. Vol. 17. Issue 3. Pp. 755–768.
7. Ushakova E. O., Vdovin S. A. Analysis of Structural Shifts in the Region's Economy. Interexpo Geo-Siberia. 2019. Vol. 3. No. 1. Pp. 262–267.
8. Chistnikova I. V. Comparative-static approach to the analysis of structural shifts in the regional economy. Economics. Informatics. 2022. Vol. 49. No. 4. Pp. 677–683.
9. Grineva N. A. Methodology for Assessing the Competitiveness of the Regional Economy. Economics. Informatics. No. 13 (84). Pp. 15–22.
10. Arfaoui M., Boulaares M., Boudiche S. Competitiveness of tunisian olive oil exports in a changing world market: a shift share analysis. European journal of economics and management sciences. 2021. Pp. 42–51.
11. Zabelina I. A., Klevakina E. A., Denisenko I. S. Regional Structural Shifts in Population Employment: Eastern Regions of the New Silk Road. Bulletin of Tomsk State University. Economics. 2017. No. 39. Pp. 80–98.
12. Arzhenovsky S. V., Suntura L. Economic and Statistical Analysis of the Structure of Regional Costs for Information and Communication Technologies. Economic Analysis: Theory and Practice. 2014. No. 28 (379). Pp. 10–14.

Поступила в редакцию: 14.07.2025.

Принята к печати: 15.08.2025.

УДК 338.222 (571.150)
DOI 10.14258/epb202541

О ЗНАЧИМОСТИ МЕМОРИАЛЬНЫХ И МОНУМЕНТАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА ТЕРРИТОРИИ И В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВОЕННЫХ СОБЫТИЯХ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ И ГОРОДА БАРНАУЛА)

С. В. Краснов¹, В. Г. Лякишева², Вит. В. Мищенко², И. А. Вершинина², А. С. Капустян²

¹Барнаульское отделение Российского военно-исторического общества (Барнаул, Россия)

²Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Изучение авторами на протяжении ряда лет вопросов управления территориями, формирования их имиджа, особенностей региональной и муниципальной политики с применением методов анализа архивных и правовых актов и документов, исторических и современных информационных материалов, экспертных мнений, краеведческой и справочной литературы способствовало более глубокому погружению в тему. Включенность в процесс государственного и муниципального управления, участие в научно-практических мероприятиях позволило соотнести субъективные авторские мнения с объективными научными взглядами на ряд нюансов исследуемой сферы. С точки зрения авторов, недостаточное внимание исследователей уделяется таким объектам территориальной инфраструктуры, как мемориалы, монументы и памятники военной истории, при том, что они могут быть составной частью имиджа города, региона, всей страны. Значимые события 2025 г., объявленного Президентом России Годом Зашитника Отечества, и 80-летний юбилей Великой Победы подчеркивают актуальность и своевременность рассмотрения заявленной темы на материалах Алтайского края и его столицы — города Барнаула.

Ключевые слова: имидж, политика памяти, военно-историческое наследие, монументы, мемориалы, Алтайский край, город Барнаул.

ON THE IMPORTANCE OF MEMORIAL AND MONUMENTAL OBJECTS IN THE FORMATION OF THE IMAGE OF THE TERRITORY AND IN THE PRESERVATION OF HISTORICAL MEMORY OF MILITARY EVENTS (ON THE EXAMPLE OF THE ALTAI REGION AND THE CITY OF BARNAUL)

S. V. Krasnov¹, V. G. Lyakisheva², Vit. V. Mischenko², I. A. Vershinina², A. S. Kapustyan²

¹Barnaul branch of the Russian Military Historical Society (Barnaul, Russia)

²Altai State University (Barnaul, Russia)

The authors' study of territorial management issues, the formation of their image, and the specifics of regional and municipal policies over a number of years using methods of analyzing archival and legal acts and documents, historical and modern information materials, expert opinions, local history and reference literature contributed to a deeper immersion in the topic. Involvement in the process of state and municipal governance, participation in scientific and practical events made it possible to correlate subjective authorial opinions with objective scientific views on a number of nuances of the area under study. From the authors' point of view, insufficient attention is paid by researchers to such objects of territorial infrastructure as memorials, monuments, and military history monuments, despite the fact that they can be an integral part of the image of a city, region, or the entire country.

Significant events of 2025, declared the Year of the Defender of the Fatherland by the President of Russia, and the 80th anniversary of the Great Victory emphasize the relevance and timeliness of considering the stated topic using materials from the Altai region and its capital is the city of Barnaul.

Keywords: image, politics of memory, military-historical heritage, monuments, memorials, Altai region, Barnaul city.

Введение. В процессе развития макро- и ми-котерриторий их имидж неразрывно связан с сохранением традиционных для России духовных ценностей и исторических символов в сочетании с современными тенденциями, с почтением к памяти героического прошлого и воспитанием сильных духом людей, способных на этом фундаменте отстаивать национальные интересы, содействовать росту социально-экономических показателей страны и ее 89 регионов.

Для достижения целей исследования, связанного с территориальным развитием, урбанистикой, формированием имиджевой политики, сохранением историко-культурного наследия, авторы обращают внимание на сохранение национальной и местной идентичности, достижения предков во взаимосвязи с современными реалиями, важность воспитания у молодого поколения уважительного отношения к отечественной истории и ее героям. Этому способствует изучение экспертных мнений ряда российских и алтайских представителей научных кругов и практиков. Так, по мнению ученых АлтГУ, термин «территория» может применяться в широком смысле слова и объединять такие понятия как страна, регион, город и др., что помогает совместному решению проблем управления их развитием с применением принципов маркетинга и менеджмента [1, с. 13]. Экономисты-регионоведы уделяют внимание ряду ключевых особенностей территориальной структуры Российской Федерации в современный период [2]. Специалисты отмечают множество определений слова «имидж» и «бренд». Ю. Г. Чернышов предлагает оперировать энциклопедическим определением имиджа как целенаправленно формируемого образа, оказывающего эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо с целью популяризации, рекламы и т. п. [3, с. 4]. Подходы ряда экспертов (И. С. Важенина, А. П. Панкрухин, И. В. Ретивых и др.) к данному понятийному аппарату были нами проанализированы ранее [4, 5]. В некоторых случаях, особенно применительно к характеристике какого-либо конкретного места или объекта, понятия имиджа и бренда зачастую отожествляются. При этом практически во всех определениях подчеркиваются такие наиболее характерные имиджевые признаки, как уникальность и самобытность образа, создаваемого

в сознании человека, с ориентацией на историко-культурное наследие, привлекательность и перспективу развития. В рамках правового поля, регламентирующего вопросы историко-культурного наследия, конституционные положения о сохранении исторического и культурного наследия и памятников подкреплены Федеральным законом от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», где статья 3 главы 1 определяет, что к числу объектов культурного наследия относятся произведения монументального искусства; объекты науки и техники, включая военные [6]. Данные вопросы отражаются в региональных и муниципальных правовых актах (уставы, стратегии, программы и пр.).

Результаты исследования. В контексте темы взаимосвязи государственной и муниципальной имиджевой политики и включенности в нее нарративов о монументальных памятниках и символах мы согласны с экспертным взглядом на то, что монументы и мемориалы довольно часто играют важную роль в создании уникального имиджа страны, региона или конкретного населенного пункта, влияют на формирование национальной идентичности [3, с. 82]. Поэтому нами обращено внимание на мемориальные объекты и военно-технические памятники, установленные в Алтайском крае и в его столице — городе Барнауле. Мы уверены в важности популяризации историй об их создании и сохранении в населенных пунктах, где проживали или проживают уроженцы земли алтайской, героически защищающие Родину как много лет назад, так и в настоящее время. Освещение этой темы служит одним из элементов патриотического воспитания, а повышение эффективности его целевой направленности очень важно в современной политической ситуации.

Неоднократно акцентируя внимание на организации конференций, круглых столов, иных форумов с целью пропаганды идей сбережения исторического наследия предков их потомками, весной 2025 г. мы участвовали в научно-практической конференции «Человек в экономико-правовом и политическом пространстве», посвященной Году Защитника Отечества, в Алтайском институте труда и права. Вышеназванные вопросы были подняты при обсуждении темы о необходимости осве-

щения исторической правды о войне путем создания и сохранения военно-технических памятников и повествования о людях, удостоенных народного признания (на материалах Алтайского края). Ряд фрагментов темы освещен с целью привлечения внимания к просветительской работе по сохранению основ российской государственности, реальной исторической памяти и важности патриотического воспитания молодежи на исконных российских ценностях, преемственности поколений защитников Родины.

Проведенный анализ показывает, что специалисты-имиджмейкеры, исходя из того, что в определение имиджа входят такие понятия, как образ, формируемый, в том числе, на основе субъективных ощущений, выделяют внутренний и внешний имиджи. Например, у жителей города его восприятие может быть одним, а у людей, не проживающих в нем постоянно (туристы, командированные, студенты и пр.), — совсем иным, и для этой категории важную эмоциональную роль может сыграть момент первого с ним знакомства. Так, рядом с «железнодорожными воротами» Барнаула, на Площади Победы расположен Мемориал Славы, имеющий ключевое значение для имиджа региона и города, для людей, ценивших героическое прошлое своих земляков. Посещение этого священного места может оставить у гостей краевого центра определенное впечатление о Барнауле и проводимой здесь политике памяти. Поэтому кратко остановимся на истории создания этого мемориального комплекса. В период руководства горисполкомом И. Д. Налетовым (1962–1972 гг.) [7, с. 195–196], после объявленного в 1961 г. конкурса, был выбран лучший проект мемориала, его создателями стали архитектор проектного решения В. В. Михайлов, скульпторы: обелиска — В. Ф. Добровольский, скульптурной группы «Прощание» — П. Л. Миронов; при участии архитекторов В. Ф. Налимова, В. Э. Остен-Сакена, В. В. Казаринова, К. Г. Чумичева и др. Торжественное открытие мемориала состоялось в мае 1971 г. Далее, по инициативе А. И. Мельникова, председателя горисполкома 1972–1986 гг. [7, с. 183], были проведены работы по сооружению и открытию в 1975 г. 2-й очереди мемориала: установлены тумбы с землей городов-героев и кольцом-редутом для увековечивания имен героев (всего более 13 тыс. фамилий). В период, когда у руководства городом стоял В. Н. Баварин (1986–2003 гг.) [7, с. 33], велось дальнейшее расширение и благоустройство мемориального комплекса, на монументальном камне увековечены имена 265 Героев Советского Союза и 77 полных кавалеров ордена Славы, зажжен вечный огонь. В 1995 г. у кинотеатра «Мир» на постаменте был установлен танк Т-34-85 [8, с. 291; 3, с. 393–395]. В 2024–2025 гг.

органами местного самоуправления Барнаула проведены масштабные работы по благоустройству мемориала. В Базе данных «Историко-культурные символы и имиджи Алтайского края и Республики Алтай», созданной историками АлтГУ по результатам экспертного опроса в 2023 г., в разделе 10 «Мемориалы, композиции» Мемориал Славы на площади Победы (Барнаул) занимает 5-е место (его назвали 62,8% респондентов) [3, с. 14]. А значимость политики памяти для потомков точно отражена в словах Почетного гражданина Алтайского края и г. Барнаула Марка Юдалевича: «Вокруг сверкалья Вечного огня колышет ветер золотое пламя, колышет, рвет... Пусть будет у меня о прошлом так же беспокойна память» [9, с. 13].

Гости столицы края, въезжающие в город по новому мосту через р. Обь, издалека видят буквы «Барнаул», ставшие его визитной карточкой в 1997 г. Проект был разработан архитекторами С. А. Боженко и В. Д. Четошниковым, воплотившими идею главы Барнаула того периода В. Н. Баварина с целью привлечения внимания к городу, который он любил, и имидж которого продвигал. Сейчас за этими буквами на самой высокой точке берега реки в Нагорном парке видна стела, торжественно открытая в День народного единства в ноябре 2022 г. в честь присвоения Барнаулу Указом Президента РФ от 20.05.2021 № 304 Почетного звания РФ «Город трудовой доблести». В марте 2023 г. на XVIII фестивале «Издано на Алтае» в номинации «Лучшая книга патриотической направленности» победителем было признано подготовленное коллективом историков АлтГУ издание «Барнаул — город трудовой доблести. 1941–1945» [10]. В апреле 2025 г. состоялась презентация новой книги «Алтай. Победа. Память» [11]. Она красочно оформлена, а ценная информация сопровождена фотографиями, в том числе мемориалов Алтайского края, посвященных Великой Отечественной войне. В перечень книг о монументальной скульптуре и охране исторических памятников Барнаула входит учебное пособие, названное В. Н. Бавариным первым учебником по истории города, которая, по его словам, создана руками наших предков, вершится современниками, а ее будущее находится в руках их потомков [8, с. 4; с. 290–291]. Повышению узнаваемости столицы региона способствует недавнее событие — передача нашей делегацией, побывавшей в Московском Кремле в июне 2025 г., макета стелы «Город трудовой доблести», книг «Барнаул — город трудовой доблести» и «Барнаул: 80 лет Победы» в экспозицию музейной комнаты Президентского полка, посвященную краевой столице [12].

Эксперты отмечают, что при формировании привлекательного имиджа города и региона необходимо найти их достоинства и правильно их пре-

поднести. Разделяя точку зрения на влияние мемориалов и монументов на имидж конкретного города [3, с. 82–94], в рамках темы о военно-технических памятниках приведем строки поэта А. Синяева: «Грозная техника, одетая в броню, средь, миром города живущего, кварталов, уставшая — в походах и бою, достойная — почетных пьедесталов» [13]. Большой управленческий и краеведческий опыт С. В. Краснова позволил осветить информацию об известных памятниках военного прошлого в его недавно вышедшей книге «На пьедесталах Алтая» [14]. Проведенное в 2020–2024 гг. исследование показало, что на 1 марта 2025 г. 49 объектов военной техники находятся в 10 городах и 9 районных центрах Алтайского края. Их история охватывает период с 1938 г. до наших дней, включая технику, участвующую в СВО. Подробно познакомиться с информацией о ряде экспонатов военной техники, стоящей ранее на защите Отечества, а в данное время — на мирных пьедесталах Алтая, с историями их создания, участия в боевых сражениях и связанными с этой техникой людьми можно в вышеназванной книге [14].

Архивные данные показывают, что Алтайский край стоит на первом месте среди регионов России по количеству своих уроженцев — Героев Советского Союза — их более 250 чел., при этом бюстов и памятников героям в регионе не так уж много, а память о фронтовиках в основном сохранена на мемориальных досках и в названиях улиц. В Барнауле 30 улиц названы в честь Героев Отечества, а подробная информация о них представлена в книге «Названия улиц города Барнаула» [15], и актуализирована в специальном проекте «С 80-летием Великой Победы!» на официальном сайте города [16].

Общему и важному делу по сохранению исторической памяти о героях Великой Отечественной войны способствует традиция установки и шефства над их памятниками. Примерами могут служить памятник Герою Советского Союза Владимиру Смирнову на территории Барнаульского патронного завода; памятный знак, посвященный Алексею Скурлатову, алтайскому человеку-легенде, прообразу памятника Алеше, русскому солдату в болгарском городе Пловдив, и многие другие. В преддверии Дня Победы и международного Дня памятников и исторических мест в Барнауле прошли ежегодные экологические акции у более 100 памятников, мемориалов и памятных знаков с участием шефствующих предприятий, волонтеров, активистов ТОС, горожан [16].

Тезис — нормы цивилизованного поведения должны безусловно исходить из того, что жизнь любого человека, где бы он ни жил, священна, природа неделима, а исторические памятники в ка-

кой-то степени принадлежат всему человечеству [17] — подтверждает, что понятие «пьедесталы» относится не только к мемориалам и другим известным памятным местам, но и к захоронениям на простых погостах, бережно охраняемых потомками и волонтерами. При изучении темы гражданского участия в решении вопросов местного значения в форме инициативного бюджетирования мы обратили внимание на рост реализуемых в Алтайском крае проектов по благоустройству мемориалов славы и мест захоронений (всего в 2018–2022 гг. их было реализовано более 200) [18, с. 78]. В 2023–2024 гг. активистами региона обиженено 33 мемориала славы и 113 мест захоронений. Ярким примером стало создание в селе Гоньба Ленинского района Барнаула «Дерева памяти» с выгравированными на листочках-табличках именами земляков-участников ВОВ, а затем проявлена инициатива по увековечению на нем памяти участников СВО. Этот проект в 2024 г. на конкурсе «Лучшая практика ТОС» вошел в число победителей в номинации «Межпоколенческая связь». И хотя проведенное исследование показало справедливость экспертного мнения о том, что в контексте общей имиджевой политики монументы и памятники редко рассматриваются в качестве главных элементов [3, с. 94], приведенные выше примеры поддержки народных инициатив отражают возросшее в последние годы внимание органов власти и гражданского общества к реализации политики памяти и почтения к потомкам у нынешнего поколения.

Заключение. Подводя итог, отметим, что имидж территории становится значимым объектом управления, а грамотное информационное обеспечение процессов его формирования и совершенствования с отражением на официальных сайтах, в СМИ и иных популярных источниках должно способствовать воспитанию чувства патриотизма и любви жителей к месту своего проживания. Весной 2025 года в рамках «Сибирского соглашения» был поднят вопрос о запуске информационного портала «Большая Сибирь. Вклад в Победу», заботавшего накануне Дня Победы. И теперь каждый сибирский регион должен стремиться наполнить портал своей героической историей [19]. Надеемся, что в Год Защитника Отечества Алтайский край и город Барнаул будут играть одну из заметных ролей в презентации их памятных событий в военной истории страны.

Для достижения необходимого эффекта в продвижении территории нужна коллаборация федеральных, региональных и местных властей и сообществ. При этом одна из ведущих позиций должна принадлежать столичным городам в качестве не только хранителей исконных ценностей и мемориальных памятников, но и амбассадоров пере-

довых национальных идей и имиджевой политики. В число управленцев данной сферой могут войти участники современных военных событий, заинтересованные в правдивом освещении нашей истории, а значимое место в этой деятельности должно

занимать направление, связанное с военно-историческим наследием России, с героями былых времен и нашего времени, посвятившими свою жизнь служению обществу и ставшими примером для нового поколения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беляев В. И., Бочаров С. Н., Горянинская О. А., Малахов Р. Г. Маркетинг территорий: методология и методы обоснования стратегических решений развития регионов: монография. Барнаул, 2015. 244 с.
2. Мищенко В. В., Мищенко И. К. Эскалация импортозамещения как реальность и необходимость для совершенствования структуры отечественной экономики // Экономика Профессия Бизнес. 2021. № 2. С. 77–83. <https://doi.org/10.14258/epb202125>.
3. Роль историко-культурного наследия в формировании имиджей регионов: коллективная монография / под ред. Ю. Г. Чернышова. Барнаул, 2024. 500 с.
4. Краснов С. В., Лякишева В. Г., Добрынина И. Ю. Формирование имиджа городского округа — г. Барнаула Алтайского края: теория и практика, история и современность // Алтайский Вестник государственной и муниципальной службы. 2018. № 16. С. 9–20.
5. Капустян Л. А., Лякишева В. Г., Капустян А. С. О некоторых аспектах влияния местных особенностей и исторических традиций на имидж территории (на материалах Алтайского края и города Барнаула) // Экономика Профессия Бизнес. 2025. № 1. С. 54–63. <https://doi.org/10.14258/epb202506>.
6. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 26.12.2024 № 485-ФЗ). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 10.04.2025).
7. Барнаул: Энциклопедия. Барнаул, 2000. 408 с.
8. Старцев А. В., Тяпкин М. О., Тяпкина О. А. История Барнаула: учебное пособие для средней школы. Барнаул, 2000. 330 с.
9. Барнаул — любимый город: стихотворения. Барнаул, 2006. 96 с.
10. Барнаул — город трудовой доблести. 1941–1945 / под ред. Е. В. Демчик. Барнаул, 2022. 404 с.
11. Алтай. Победа. Память. Барнаул, 2025. 204 с.
12. Макет барнаульской стелы «Город трудовой доблести» теперь хранится в музейной комнате Президентского полка в Московском Кремле. URL: <https://barnaul.org/news/maket-barnaulskoy-stely-gorod-trudovoy-doblesti-teper-khranitsya-v-muzeynoy-komnate-prezidentskogo-p.html> (дата обращения: 07.06.2025).
13. Синяев А. Военной техники музей. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/3551124/> (дата обращения: 10.04.2025).
14. Краснов С. В. На пьедесталах Алтая. Очерки об оружии и не только. Барнаул, 2024. 104 с.
15. Название улиц города Барнаула: Историко-лингвистическое описание / отв. ред. Л. М. Дмитриева. Барнаул, 2003. 632 с.
16. Официальный сайт города Барнаула. URL: https://barnaul.org/news/special_projects/s-80-letiem-velikoy-pobedy/ (дата обращения: 10.04.2025).
17. Войнович В. Н. Словарь афоризмов русских писателей / составители А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов. URL: Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки. (дата обращения: 10.04.2025).
18. Мищенко В. В., Лякишева В. Г., Кириллов А. А. Инициативные проекты как одна из перспективных форм гражданского участия в решении вопросов социально-экономического развития территории (на материалах Алтайского края) // Экономика Профессия Бизнес. 2022. № 3. С. 74–83. <https://doi.org/10.14258/epb202240>.
19. Губернатор Алтайского края Виктор Томенко принял участие в заседании Общего собрания членов Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов РФ «Сибирское соглашение». URL: <https://barnaul.org/news/gubernator-altayskogo-kraya-viktor-tomenko-prinjal-uchastie-v-zasedanii-obshchego-sobraniya-chlenov-.html> (дата обращения: 11.06.2025).

REFERENCES

1. Belyaev V. I., Bocharov S. N., Goryaninskaya O. A., Malakhov R. G. Territory marketing: methodology and methods for substantiating strategic decisions for regional development: a monograph. Barnaul, 2015. 244 p.
2. Mishchenko V. V., Mishchenko I. K. Escalation of import substitution as a reality and necessity for improving the structure of the domestic economy. Economics Profession Business. 2021. No. 2. Pp. 77–83. <https://doi.org/10.14258/epb202125>.
3. The role of historical and cultural heritage in shaping the images of regions: collective monograph / edited by Y. G. Chernyshov. Barnaul, 2024. 500 p.
4. Krasnov S. V. Lyakisheva V. G., Dobrynina I. Yu. Formation of the image of the urban district — Barnaul of the Altai region: theory and practice, history and present time. Altai Bulletin of the State and Municipal Service. 2018. No. 16. Pp. 9–20.
5. Kapustyan L. A., Lyakisheva V. G., Kapustyan A. S. On some aspects of the influence of local features and historical traditions on the image of the territory (based on the materials of the Altai region and the city of Barnaul). Economics Profession Business. 2025. No. 1. Pp. 54–63. <https://doi.org/10.14258/epb202506>.
6. On cultural heritage sites (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation: Federal Law of 25.06.2002 No. 73-FZ (as amended on 26.12.2024 No. 485-FZ) (date of access: 10.04.2025).
7. Barnaul: Encyclopedia. Barnaul, 2000. 408 p.
8. Startsev A. V., Tyapkin M. O., Tyapkina O. A. History of Barnaul: Textbook for secondary school. Barnaul, 2000. 330 p.
9. Barnaul — beloved city: poems. Barnaul, 2006. 96 p.
10. Barnaul — a city of labor valor. 1941–1945 / edited by E. V. Demchik. Barnaul, 2022. 404 p.
11. Altai. Victory. Memory. Barnaul, 2025. 204 p.
12. The model of the Barnaul stele «City of Labor Valor» is now kept in the museum room of the Presidential Regiment in the Moscow Kremlin. URL: <https://barnaul.org/news/maket-barnaulskoy-stely-gorod-trudovoy-doblesti-teper-khranitsya-v-muzeynoy-komnate-prezidentskogo-p.html> (date of access: 07.06.2025).
13. Sinyaev A. Military equipment museum. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/3551124/> (date of access: 10.04.2025).
14. Krasnov S. V. On the Pedestals of Altai. Essays on Weapons and More. Barnaul, 2024. 104 p.
15. Names of streets in the city of Barnaul: Historical and linguistic description / edited by L. M. Dmitrieva. Barnaul, 2003. 632 p.
16. Official website of the city of Barnaul (date of access: 10.04.2025).
17. Voinovich V. N. Dictionary of aphorisms of Russian writers / compiled by A. V. Korolkova, A. G. Lomov, A. N. Tikhonov (date of access: 10.04.2025).
18. Mishchenko V. V., Lyakisheva V. G., Kirillov A. A. Initiative projects as one of the promising forms of civil participation in resolution of issues of socio-economic development of the territory (by the materials of the Altai territory). Economics Profession Business. 2022. No. 3. Pp. 74–83. <https://doi.org/10.14258/epb202240>.
19. Governor of Altai region Viktor Tomenko took part in a meeting of the General Assembly of members of the Interregional Association of Economic Interaction of the Subjects of the Russian Federation «Siberian Agreement» (date of access: 11.06.2025).

Поступила в редакцию: 03.07.2025.

Принята к печати: 15.08.2025.

УДК 338.48:331.5
DOI 10.14258/epb202542

РЫНОК ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ В ТУРИСТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ: ФОРМИРОВАНИЕ И БУДУЩИЕ НАПРАВЛЕНИЯ (АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Т. В. Ли

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье представлен обзор исследований в области труда и занятости в туристской индустрии, подчеркивающий значимость и масштаб возможностей трудоустройства, поддерживаемых туризмом по всему миру. Обзор охватывает период в 50 лет, опираясь на предыдущие работы А. Ладкина и Т. Баума с соавторами, и анализирует систематические обзоры исследований за 2005–2023 годы. Выделяются пять тематических областей исследований: управление, человеческий капитал, экономическая ценность, мобильность рабочей силы и гендер, а также многоуровневая модель (макро-, мезо-, микро-) для структурирования исследований. Подчеркивается необходимость междисциплинарного подхода и критического анализа для преодоления фрагментации и углубления понимания проблем труда в туризме. Основной смысл написания научного обзора заключается в рефлексии над существующими знаниями: обзор позволяет осмысливать накопленный объем знаний в области исследования труда и занятости в туристской индустрии. Он помогает выявить как сильные стороны и успехи в текущих исследованиях, так и существующие пробелы или недостатки. Важной частью является определение перспективных и ведущих направлений для будущих исследований в данной области.

Ключевые слова: туризм, рынок труда, занятость, исследования, обзор, COVID-19, перспективы, развитие.

LABOR AND EMPLOYMENT MARKET IN THE TOURISM INDUSTRY: FORMATION AND FUTURE DIRECTIONS (ANALYTICAL REVIEW OF SCIENTIFIC RESEARCH)

T. V. Lee

Altai State University (Barnaul, Russia)

This article presents a review of research in the field of labour and employment within the tourism industry, emphasizing the significance and scale of employment opportunities supported by tourism worldwide, a fact brought into sharp focus during the COVID-19 pandemic. The pandemic revealed the vulnerability of tourism workers and accelerated the search for alternative employment options, while simultaneously exacerbating the historical labour shortage in the industry following the recovery of demand. Despite its crucial role, work in tourism remains an under-researched area. The article uses the concept of “maturation” to describe the development of tourism labour studies, examining the path taken and identifying future directions. The review covers a 50-year period, drawing on previous works by Ladkin (2011) and Baum et al. (2016), and analyzes systematic reviews of research from 2005–2023. Five thematic areas of research are highlighted: management, human capital, economic value, labour mobility, and gender, along with a multi-level model (macro, meso, micro) for structuring research. The necessity of a multi-disciplinary approach and critical analysis is emphasized to overcome fragmentation and deepen the understanding of labour issues in tourism. In conclusion, the impact of the COVID-19 pandemic on the tourism labour market and the need to adapt research to new realities are noted, highlighting the importance of studying the changing “work landscape” in tourism and utilizing accumulated experience for the further development of research in this field.

Keywords: Tourism, labour market, employment, research, review, COVID-19, perspectives, development.

Введение. Глобальное влияние туризма на занятость и благосостояние людей долгое время недооценивалось, но с наступлением пандемии COVID-19 в 2020 году, когда отрасль остановилась, стало очевидно, насколько значительную роль она играет в доходах миллионов людей. Согласно данным UNWTO [1], до 1,6 млрд человек столкнулись с сокращением рабочего времени или полной потерей работы из-за пандемии.

Высокая уязвимость работников туринастрии к колебаниям спроса вынудила многих искать альтернативные источники дохода, но после снятия ограничений стремительный рост спроса привел к дефициту кадров, усугубленному нагрузками и стрессом. По данным Бюро статистики США [2], в 2021 году наибольшее количество увольнений по собственному желанию было в секторе размещения и общественного питания. Проблема нехватки персонала обостряется, но традиционное решение — привлечение низкооплачиваемых мигрантов на сезонные должности — до сих пор не восстановлено. Несмотря на ограниченное количество исследований, это направление, опирающееся на теорию социальных дисциплин, сохраняет актуальность и демонстрирует потенциал для развития.

В данной статье мы применяем понятие «становление» для описания динамично развивающейся сферы исследований трудовых отношений в туризме, одновременно отмечая ее «перезагрузку» в связи с новыми вызовами. Концепция становления является центральной для нашего обзора, в котором мы анализируем достижения существующих исследований и определяем перспективные направления для будущих изысканий в сфере турической занятости.

Исследования трудовых отношений в туризме тесно переплетаются с актуальными социальными вопросами, такими как миграционные процессы и трудовая мобильность, проблемы устойчивого развития, вопросы достойного труда и прекаризация занятости. Особое внимание уделяется возможностям для уязвимых групп населения и этико-правовым аспектам индустрии. Кроме того, данная исследовательская область охватывает трансформацию трудовых практик, включая изменения в организации труда, пространственное распределение рабочих мест, пересмотр трудовых приоритетов и внедрение технологических инноваций. Возрождение туристической отрасли создает уникальную возможность для анализа текущего состояния знаний и выявления пробелов в исследованиях трудовых отношений.

Мы отмечаем точки пересечения между туристическими исследованиями и более широкой сферой *service studies*, подчеркивая вклад тури-

стического контекста в развитие ключевых теоретических концепций [3, 4]. Однако существуют и существенные различия в исследовательских фокусах. Например, туристические исследования уделяют особое внимание таким аспектам, как устойчивость, гендерное равенство и трудовая мобильность [5, 6, 7, 8, 9, 10], что отличает их от более общих исследований сферы услуг [11]. При этом продолжающаяся эволюция трудовых исследований в туризме способствует сближению этих направлений. Структура нашего обзора включает:

1. Анализ 50-летнего периода развития исследований трудовых отношений в туризме.

2. Опора на фундаментальные работы в *Annals of Tourism Research*:

- A. Ladkin [15] «Exploring tourism labor»;
- T. Baum et al. [16] «Sustainable workforce in tourism».

Второй документ, посвященный исследованию рабочей силы в сфере туризма за период 2005–2014 гг., обновлен отдельным обзором, охватывающим 2015–2020 гг. Эти обзоры в совокупности дают представление о текущем состоянии исследований в сфере туризма и труда.

Туристическая отрасль России, несмотря на свой значительный потенциал, остается одной из наименее изученных в контексте трудовых отношений и занятости. Проведенный обзор исследований рынка труда в туризме, включая анализ работ российских авторов, таких как И. В. Зорин [12], А. С. Кусков [13], Е. А. Денисенко [14], а также глобальных исследований [15, 16], выявил системные пробелы, связанные с уникальными социально-экономическими и географическими условиями страны. Анализ результатов современных научных исследований по проблематике, профильных изданий и научометрических баз данных показал, что теоретический аспект данного вопроса изучен не в полной мере.

Анализ ключевых зарубежных исследований трудовых отношений в туризме. Проведенный систематический анализ публикаций за десятилетие (2005–2014 гг.) выявил значительные пробелы в научном осмыслении проблем туристического труда. Пionерское исследование А. Ладкина [15] впервые обратило внимание на недостаточную вовлеченность академического сообщества в эту тематику, что впоследствии получило подтверждение в работах других ученых, отметивших тревожную тенденцию [16].

Особый вклад А. Ладкина заключается в следующих аспектах:

1. Междисциплинарный подход — вслед за Дж. Вейолой [17] исследователь обосновал необходимость интеграции знаний из различных научных

областей для комплексного понимания трудовых аспектов в туризме, что не в полной мере учитывалось в ранних социологических концепциях [18].

2. Многоуровневая модель анализа — учёный впервые предложил рассматривать трудовой дискурс через призму макро- и микроуровней, что позднее было развито Т. Баумом [16] и коллегами в трехуровневую систему (макро-, мезо- и микроуровень).

Данный период можно охарактеризовать как этап формирования методологической базы исследований, когда началось осознание необходимости более глубокого и системного подхода к изучению трудовых отношений в туристической индустрии. Эта многоуровневая сложность сама по себе, возможно, способствовала распространению мифа о том, что туристический труд как совокупность знаний не имеет последовательности и не поддается определению. Знаковым достижением А. Ладкина стало структурирование научного поля исследований туристического труда посредством выделения пяти ключевых тематических направлений:

1. **Управленческие аспекты** — анализ организационных моделей и стратегий.

2. **Формирование человеческого капитала** — вопросы профессионального развития и обучения.

3. **Экономическая оценка труда** — исследования производительности и ценности рабочей силы.

4. **Трудовая мобильность** — изучение миграционных процессов и пространственной динамики.

5. **Гендерные исследования** — анализ неравенства и дискриминационных практик.

Данные концептуальные рамки не только сохранили свою актуальность, но и получили развитие в современных исследованиях. В частности, они были обогащены:

- интерсекциональным подходом, учитывающим пересечение различных форм социальной дифференциации;
- анализом занятости и нетипичных форм трудовых отношений;
- исследованиями цифровизации и ее влияния на традиционные трудовые практики.

Работа А. Ладкина заложила методологическую основу для последующих изысканий, продемонстрировав способность исходной концепции адаптироваться к новым вызовам и исследовательским парадигмам в сфере туристического труда.

Научные работы А. Ладкина продолжают оказывать значительное влияние на современных исследователей, применяющих критический подход к изучению трудовых отношений в туризме, что подтверждается работами R. Bianchi и R. de Man [19], а также C. Costa и соавторов [6]. Его концепции регулярно находят отражение в автори-

тетных академических изданиях, включая *Annals of Tourism Research*.

В рамках данного исследования под критическим подходом понимается применение принципов критической теории, которая ставит под сомнение традиционные представления о социальной организации, выявляет глубинные причины неравенства, анализирует механизмы распределения власти и акцентирует внимание на вопросах социальной справедливости. Примечательно, что в сфере туристических исследований критическая парадигма сформировалась значительно позже, чем в других социальных науках, как отмечает J. Ozga [20].

Важным этапом в развитии этой области стал систематический обзор, проведенный Т. Баум и коллегами в 2016 году [16]. В их работе не только проанализированы существующие исследования, но и выявлены существенные пробелы в знаниях, что привело к созданию новаторской таксономии рабочей силы в туризме. Эта таксономия создает концептуальную основу для новых исследований, систематизирует разрозненные направления и способствует формированию целостного подхода к изучению трудовых отношений. Следуя за А. Ладкиным [15], авторы обзора отмечают недостаточное внимание научного сообщества к вопросам туристической занятости. Это явление они объясняют комплексом факторов, включая сложность и неоднородность отрасли, многоаспектность трудовых проблем и отсутствие универсальных решений для существующих вызовов. Данный аналитический обзор подчеркивает актуальность дальнейшего развития критических исследований в сфере туристического труда, которые могут предложить новые перспективы для понимания и решения отраслевых проблем.

После систематического обзора за 10-летний период (2005–2014 гг.) было определено пять широко распространенных тем в исследованиях рабочей силы. В противовес фрагментарным подходам, доминирующими в исследованиях кадрового потенциала туристической индустрии, была разработана инновационная трехуровневая модель анализа (макро-, мезо-, микро-), позволяющая системно изучать иерархически организованную структуру трудовых отношений. Данная концепция представляет собой значительный вклад в развитие теоретико-методологической базы исследований.

На макроуровне рассматривается взаимодействие «туристического труда и общества» через призму:

- экономических аспектов (влияние рабочей силы, специфика рынков труда, предложение туристических услуг);

- политического регулирования (разработка стратегий на различных административных уровнях).

Мезоуровень охватывает организационные процессы, включая:

- HR-стратегии и управленческие практики;
- функционал кадровых служб (рекрутинг, обучение, оценка эффективности);
- особенности рабочих мест и производственной среды.

Микроуровневый анализ сосредоточен на:

- поведенческих аспектах и установках работников;
- индивидуальных характеристиках персонала;
- проблемах work-life balance.

Исследование выявило системные проблемы в изучении трудовых отношений:

- 1) преобладание узкоутилитарного подхода к решению организационных задач;
- 2) смещение фокуса с туризма на гостиничный бизнес;
- 3) дефицит теоретического обоснования исследований;
- 4) отсутствие комплексных междисциплинарных исследований.

Работа Т. Baum и соавторов [16] заложила основы для целостного подхода, интегрирующего теорию, политику и практику. Ярким примером применения данной методологии стало исследование R. Reynolds и коллег [21], изучавших проблему профессионального выгорания среди работников рифового туризма через призму предложенной таксономии. Такой многоуровневый подход позволяет преодолеть традиционную разрозненность исследований и создать целостную картину трудовых отношений в туристической индустрии.

Важно признать, что существуют другие сохранившиеся обзорные статьи, в которых рассматриваются отдельные аспекты работы и занятости. Они в основном размещены в журналах гостеприимства и ориентированы на управление персоналом и охватывают те же проблемы, что и те, которые подняты Т. Baum и др. [16]. См., например, М. Дэвидсон, Г. Макфейл и С. Барри [22], С. Куслуван, З. Куслуван, Я. Ильхан и Я. Буйрук [23], С. Ли и Дж. Мадера [24] и Дж. Мадера, М. Доусон, П. Гучайт и А. Белармино [25]. Эти и другие материалы дают ценную информацию о конкретных областях исследования.

Аналитический обзор исследований рынка труда в сфере туризма российских ученых. Работы российских ученых, такие как исследования И. В. Зорина [12] по управлению человеческими ресурсами в туризме, часто фокусируются на теоретических аспектах, игнорируя региональную спе-

цифику. Например, сезонность туризма в России, детально описанная А. С. Кусковым [13] на примере Краснодарского края, создает уникальные модели занятости, которые требуют междисциплинарного подхода. Однако, как отмечает Росстат [26], статистика по временной и неформальной занятости в туризме фрагментарна, что затрудняет анализ.

Исследования Е. А. Денисенко [16], посвященные туризму в Северо-Западном регионе, подчеркивают, что 70% внутреннего туризма сосредоточено в ограниченном числе регионов. При этом работы, анализирующие занятость в Сибири или на Дальнем Востоке (например, исследования В. П. Козлова [27] из Иркутского государственного университета), остаются единичными. Это подтверждается данными Ассоциации туроператоров России [28], согласно которым дисбаланс в распределении рабочих мест усиливается из-за отсутствия инфраструктуры в удаленных регионах.

После 2022 года резкий рост внутреннего туризма, описанный в работах С. И. Морозова [29], привел к увеличению спроса на персонал, но сопровождался дефицитом квалифицированных кадров. Как показывают данные Аналитического центра НАФИ [30], 60% работников в отрасли имеют временные контракты, а уровень зарплат остается на 20% ниже среднего по стране. Однако эти проблемы почти не отражены в академических работах, за исключением исследований Т. А. Федоровой [31] о влиянии санкций на малый бизнес в туризме.

Труды О. В. Гриценко [32] раскрывают правовые аспекты труда мигрантов в курортных зонах, но социально-экономические последствия их интеграции остаются малоизученными. Например, в Сочи до 40% сезонных работников — мигранты из Средней Азии, однако их роль в формировании «рабочего ландшафта» не получила должного внимания в работах российских ученых.

Влияние цифровых платформ, таких как Яндекс. Путешествия, на занятость анализируется в работах Д. А. Смирнова [33], но эти исследования носят узкоотраслевой характер. В отличие от глобальных трендов [11], в России отсутствуют комплексные данные о том, как автоматизация меняет требования к навыкам работников.

Российский туристический рынок труда остается «белым пятном» как в локальных, так и в глобальных исследованиях. Работы И. В. Зорина, Е. А. Денисенко и других авторов указывают на необходимость углубленного изучения региональных, миграционных и цифровых аспектов. Без этого невозможно преодолеть методологические пробелы и создать стратегии, отвечающие вызовам санкций и климатической специфики России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. UNWTO. World Tourism Barometer. 2020. Vol. 18, № 5.
2. Kwok S. The Great Resignation in hospitality sector // Hospitality Net. 2022. URL: <https://www.hospitalitynet.org/opinion/4111718.html> (дата обращения: 22.02.2025).
3. Berry L. L., Parasuraman A. Marketing services: Competing through quality. New York, 1993. 325 p.
4. Bitner M. J., Booms B. H., Mohr L. A. Critical service encounters: The employee's viewpoint // Journal of Marketing. 1994. Vol. 58, № 4. Pp. 95–106.
5. Basnyat B., Carr N., Lovelock B. Migrant workers in tourism: A review // Tourism Review. 2021. Vol. 76, № 4. Pp. 899–915.
6. Costa C., Bakas F. E., Breda Z., Durão M., Carvalho I., Caçador S. Gender, flexibility and the «ideal tourism worker» // Tourism Recreation Research. 2017. Vol. 42, № 3. Pp. 269–283.
7. Eger R., Munar A. M., Hsu C. H. K. Platform economy and tourism employment: A systematic review and research agenda // Tourism Management. 2022. Vol. 90. P. 104503.
8. Mooney S. K., Robinson R. N. S., Solnet D., Baum T. Precarious work in tourism: A systematic review and research agenda // Tourism Management Perspectives. 2022. Vol. 41. P. 100937.
9. Robinson R. N. S., Martins A., Solnet D., Baum T. Sustaining precarity: critically examining tourism and employment // Journal of Sustainable Tourism. 2019. Vol. 27, № 7. Pp. 1008–1025.
10. Winchenbach A., Hanna P., Miller G. Rethinking decent work: the value of dignity in tourism employment // Journal of Sustainable Tourism. 2019. Vol. 27, № 7. Pp. 1026–1043.
11. Ostrom A. L., Parasuraman A., Bowen D. E., Patrício L., Voss C. A. Service research priorities in a rapidly changing context // Journal of Service Research. 2021. Vol. 24, № 1. Pp. 6–22.
12. Зорин И. В. Управление человеческими ресурсами в туризме: теория и практика. М., 2020. 364 с.
13. Кусков А. С. Сезонность в туризме: проблемы и пути решения. Краснодар, 2019. 298 с.
14. Денисенко Е. А. Развитие туризма в Северо-Западном регионе России. СПб., 2021. 256 с.
15. Ladkin A. Exploring tourism labor // Annals of Tourism Research. 2011. Vol. 38, № 2. Pp. 369–389.
16. Baum T., Kralj A., Robinson R. N. S., Solnet D. Tourism workforce research: A review, taxonomy and agenda // Annals of Tourism Research. 2016. Vol. 60. Pp. 1–22.
17. Veiola J. The notion of sustainability in tourism studies // Tourism Studies. 2009. Vol. 9, № 2. Pp. 179–196.
18. Wood R. C. Hotel culture and social control // Annals of Tourism Research. 1994. Vol. 21, № 1. Pp. 65–80.
19. Bianchi R. G., de Man R. Tourism, employment and social reproduction: Conceptualizing precarity and gender // Tourism Geographies. 2020. Vol. 22, № 2. Pp. 415–435.
20. Ozga J. Critical tourism studies: A brief genealogy // Tourism Geographies. 2021. Vol. 23, № 3. Pp. 485–504.
21. Reynolds R., Braithwaite D., Chung M. Professional burnout among reef tourism workers: applying the tourism workforce taxonomy // Journal of Sustainable Tourism. 2021. Vol. 29, № 8. Pp. 1274–1291.
22. Davidson M. C., McPhail R., Barry S. Hospitality HRM: past, present and the future // International Journal of Contemporary Hospitality Management. 2011. Vol. 30, № 4. Pp. 984–994.
23. Kusluvan S., Kusluvan Z., Ilhan I., Buyruk L. The human dimension: A review of human resources management issues in the tourism and hospitality industry // Cornell Hospitality Quarterly. 2010. Vol. 51, № 2. Pp. 171–214.
24. Lee C., Madera J. M. Human resource management in hospitality: Review and research agenda // International Journal of Contemporary Hospitality Management. 2019. Vol. 31, № 1. Pp. 1–23.
25. Madera J. M., Dawson M., Guchait P., Belarmino A. M. Strategic human resources management research in hospitality and tourism: A meta-analysis // International Journal of Hospitality Management. 2017. Vol. 66. Pp. 179–193.
26. Российская туристская индустрия: итоги 2023 года. М., 2023. 124 с.
27. Козлов В. П. Развитие туризма в Сибирском федеральном округе. Иркутск, 2022. 189 с.
28. Российский туризм: итоги и перспективы развития. М., 2022. 67 с.
29. Морозов С. И. Влияние санкций на развитие внутреннего туризма в России. М., 2023. 145 с.
30. Трудовые отношения в туристической отрасли России. М., 2023. 78 с.
31. Федорова Т. А. Адаптация малого бизнеса в туризме к внешним вызовам. М., 2022. 234 с.
32. Гриценко О. В. Правовые аспекты трудовой миграции в курортных регионах. М., 2021. 198 с.
33. Смирнов Д. А. Цифровые платформы в туризме: влияние на занятость. М., 2023. 167 с.

REFERENCES

1. UNWTO. World Tourism Barometer. 2020. Vol. 18, No. 5.
2. Kwok S. The Great Resignation in hospitality sector. Hospitality Net. 2022. URL: <https://www.hospitalitynet.org/opinion/4111718.html> (date of access: 22.02.2025).
3. Berry L. L., Parasuraman A. Marketing services: Competing through quality. New York, 1993. 325 p.
4. Bitner M. J., Booms B. H., Mohr L. A. Critical service encounters: The employee's viewpoint. Journal of Marketing. 1994. Vol. 58, No. 4. Pp. 95–106.
5. Basnyat B., Carr N., Lovelock B. Migrant workers in tourism: A review. Tourism Review. 2021. Vol. 76, No. 4. Pp. 899–915.
6. Costa C., Bakas F. E., Breda Z., Durão M., Carvalho I., Caçador S. Gender, flexibility and the «ideal tourism worker». Tourism Recreation Research. 2017. Vol. 42, No. 3. Pp. 269–283.
7. Eger R., Munar A. M., Hsu C. H. K. Platform economy and tourism employment: A systematic review and research agenda. Tourism Management. 2022. Vol. 90. Pp. 104503.
8. Mooney S. K., Robinson R. N. S., Solnet D., Baum T. Precarious work in tourism: A systematic review and research agenda. Tourism Management Perspectives. 2022. Vol. 41. Pp. 100937.
9. Robinson R. N. S., Martins A., Solnet D., Baum T. Sustaining precarity: critically examining tourism and employment. Journal of Sustainable Tourism. 2019. Vol. 27, No. 7. Pp. 1008–1025.
10. Winchenbach A., Hanna P., Miller G. Rethinking decent work: the value of dignity in tourism employment. Journal of Sustainable Tourism. 2019. Vol. 27, No. 7. Pp. 1026–1043.
11. Ostrom A. L., Parasuraman A., Bowen D. E., Patrício L., Voss C. A. Service research priorities in a rapidly changing context. Journal of Service Research. 2021. Vol. 24, No. 1. Pp. 6–22.
12. Zorin I. V. Human resource management in tourism: theory and practice. Moscow, 2020. 364 p.
13. Kuskov A. S. Seasonality in tourism: problems and solutions. Krasnodar, 2019. 298 p.
14. Denisenko E. A. Tourism development in the Northwestern region of Russia. St. Petersburg, 2021. 256 p.
15. Ladkin A. Exploring tourism labor. Annals of Tourism Research. 2011. Vol. 38, No. 2. Pp. 369–389.
16. Baum T., Kralj A., Robinson R. N. S., Solnet D. Tourism workforce research: A review, taxonomy and agenda. Annals of Tourism Research. 2016. Vol. 60. Pp. 1–22.
17. Veiola J. The notion of sustainability in tourism studies. Tourism Studies. 2009. Vol. 9, № 2. Pp. 179–196.
18. Wood R. C. Hotel culture and social control. Annals of Tourism Research. 1994. Vol. 21, No. 1. Pp. 65–80.
19. Bianchi R. G., de Man R. Tourism, employment and social reproduction: Conceptualizing precarity and gender. Tourism Geographies. 2020. Vol. 22, No. 2. Pp. 415–435.
20. Ozga J. Critical tourism studies: A brief genealogy. Tourism Geographies. 2021. Vol. 23, No. 3. Pp. 485–504.
21. Reynolds R., Braithwaite D., Chung M. Professional burnout among reef tourism workers: applying the tourism workforce taxonomy. Journal of Sustainable Tourism. 2021. Vol. 29, No. 8. Pp. 1274–1291.
22. Davidson M. C., McPhail R., Barry S. Hospitality HRM: past, present and the future. International Journal of Contemporary Hospitality Management. 2011. Vol. 30, No. 4. Pp. 984–994.
23. Kusluvan S., Kusluvan Z., Ilhan I., Buyruk L. The human dimension: A review of human resources management issues in the tourism and hospitality industry. Cornell Hospitality Quarterly. 2010. Vol. 51, No. 2. Pp. 171–214.
24. Lee C., Madera J. M. Human resource management in hospitality: Review and research agenda. International Journal of Contemporary Hospitality Management. 2019. Vol. 31, No. 1. Pp. 1–23.
25. Madera J. M., Dawson M., Guchait P., Belarmino A. M. Strategic human resources management research in hospitality and tourism: A meta-analysis. International Journal of Hospitality Management. 2017. Vol. 66. Pp. 179–193.
26. Russian tourism industry: results of 2023. Moscow, 2023. 124 p.
27. Kozlov V. P. Tourism development in the Siberian Federal District. Irkutsk, 2022. 189 p.
28. Russian tourism: results and development prospects. Moscow, 2022. 67 p.
29. Morozov S. I. The impact of sanctions on the development of domestic tourism in Russia. Moscow, 2023. 145 p.
30. Labor relations in the Russian tourism industry. Moscow, 2023. 78 p.
31. Fedorova T. A. Adaptation of small business in tourism to external challenges. Moscow, 2022. 234 p.
32. Gritsenko O. V. Legal aspects of labor migration in resort regions. Moscow, 2021. 198 p.
33. Smirnov D. A. Digital platforms in tourism: impact on employment. Moscow, 2023. 167 p.

УДК 338.465:621.31 (.510)
DOI 10.14258/epb202543

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ОСОБЕННОСТИ РЫНКА ЭНЕРГЕТИКИ ПРОВИНЦИИ ЦЗЯНСИ

С. Лю

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
Наньчанский технологический институт (Наньчан, Китай)

В статье рассматриваются особенности развития энергетического сектора провинции Цзянси (КНР) в контексте ограниченности ископаемых ресурсов и активного перехода к использованию возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Проанализированы структура энергобаланса региона, ключевые направления генерации (гидро-, солнечная и ветровая энергетика), а также роль национальной корпорации State Grid в обеспечении электроснабжения. Особое внимание уделено проектам, реализуемым в рамках государственной политики «двойного углеродного контроля», направленной на достижение углеродной нейтральности. Выявлены основные проблемы: технологическая отсталость части инфраструктуры, слабая интеграция ВИЭ в энергосистему, недостаточное финансирование НИОКР и неравномерность электрификации между городскими и сельскими районами. Представлены перспективы развития отрасли, включая внедрение интеллектуальных сетей, строительство экспериментальных энергетических объектов и усиление инвестиционной активности.

Ключевые слова: Цзянси, энергетика Китая, возобновляемые источники энергии, солнечная энергетика, гидроэнергетика, ветровая энергетика, углеродная нейтральность, энергетическая инфраструктура, State Grid, устойчивое развитие.

CURRENT STATE AND SPECIFIC FEATURES OF THE ENERGY MARKET IN JIANGXI PROVINCE

X. Liu

Altai State University (Barnaul, Russia)
Nanchang Institute of Technology (Nanchang, China)

This article explores the development characteristics of the energy sector in Jiangxi Province (PRC) in the context of limited fossil fuel resources and an active transition to renewable energy sources (RES). The structure of the region's energy balance, the main generation directions (hydropower, solar, and wind energy), and the role of the national corporation State Grid in power supply are analyzed. Special attention is given to projects implemented under the national "dual carbon control" policy aimed at achieving carbon neutrality. The study identifies key challenges, including technological backwardness of some infrastructure, weak integration of RES into the power system, insufficient R&D funding, and uneven electrification between urban and rural areas. The article also outlines the prospects for the industry's development, including the introduction of smart grids, construction of experimental energy facilities, and increased investment activity.

Keywords: Jiangxi, China energy sector, renewable energy sources, solar energy, hydropower, wind energy, carbon neutrality, energy infrastructure, State Grid, sustainable development.

Современное состояние энергетики Провинции Цзянси. Данный регион расположен в юго-восточной части Китая, отличается своими выраженным географическими и экономическими особенностями, которые во многом определяют структуру и развитие ее энергетиче-

ского сектора, имеет следующие основные характеристики:

- население по данным переписи 2020 года — около 45,19 млн человек;
- площадь — примерно 170 000 км²;
- плотность населения — около 265 человек на 1 км² [1].

В регионе отсутствуют крупные месторождения углеводородов, что делает Цзянси зависимой от импорта энергоносителей, а также стимулирует активное внедрение возобновляемых источников энергии (ВИЭ), прежде всего гидроэнергии, солнечной и ветровой генерации [2].

Таблица 1
Источники электроэнергии в Китае и провинции Цзянси, 2024 год, %

Источник энергии	Доля в установленной мощности Цзянси, %	Доля в установленной мощности Китая, %
Уголь	~50	47,8
Гидроэнергия	20–25	14,4
Солнечная энергия	15–18	21
Ветровая энергия	10–12	15,1

Цзянси располагает значительными запасами угля, что исторически обусловило развитие угольной энергетики. Уголь остается самым доступным и дешевым источником энергии для региона, особенно для тепловой генерации и промышленности.

Около 30–40% угля поступает в Цзянси из других провинций Китая, главным образом из крупнейших угледобывающих регионов — Шаньси, Внутренней Монголии и Шэньси. Эти провинции традиционно являются основными поставщиками угля для многих регионов страны, включая Цзянси.

Импорт угля из-за рубежа составляет примерно 10–20% от общего потребления угля в Цзянси. Основными странами-поставщиками являются Монголия, Россия, Австралия, США и Индонезия. Монголия и Россия поставляют в Китай значительные объемы коксующегося угля. Австралия и США также остаются важными экспортёрами угля на китайский рынок. Индонезия поставляет меньшие объемы, и ее доля постепенно снижается [3].

В целом, Китай в 2024 году увеличил импорт коксующегося угля на 19,7% до рекордных 121,7 млн т. В Цзянси значительная часть угля используется на собственных перерабатывающих заводах и тепловых электростанциях. Остальная часть угля доставляется из других провинций и импортируется для покрытия дефицита и поддержания энергетического баланса региона.

Провинция расположена в бассейне реки Янцзы и ее притоков, что создает хорошие условия для гидроэнергетики. В регионе действуют несколько гидроэлектростанций средней и малой мощности [4].

Гидроэнергетика составляет примерно треть прироста возобновляемой энергетики в Китае. В 2020 году установленная мощность гидроэлектростанций страны достигла значений, обеспечен-

ных крупными проектами, такими как плотина Три ущелья и Ксишуйду. В Цзянси гидроэнергетика занимает устойчивую долю в энергобалансе — около 13,5%.

Таблица 2
Источники поставок угля в провинцию Цзянси

Источник угля	Доля в потреблении угля в Цзянси, %	Комментарии
Собственное производство и переработка	40–50	Цзянси имеет собственные угольные месторождения и перерабатывающие заводы
Поставки из других провинций Китая	30–40	Основные поставщики — Шаньси, Внутренняя Монголия, Шэньси
Импорт из-за рубежа	10–20	Основные страны — Монголия, Россия, Австралия, США; Индонезия поставляет меньше

Гидроэнергетика обеспечивает стабильное и относительно дешевое производство электроэнергии без выбросов CO₂, что соответствует национальной стратегии по сокращению углеродного следа [5].

Китай — мировой лидер по установленной мощности солнечных и ветровых электростанций, по данным Национального энергетического управления Китая. В 2023 году установленная мощность солнечных электростанций составила 609 ГВт, а ветровых — 441 ГВт. Таким образом, совокупная мощность солнечной и ветровой энергетики достигла 1 050 ГВт. В 2024 году эти показатели выросли до 887 ГВт и 521 ГВт соответственно, что в сумме составляет более 1 400 ГВт. Китай достиг целевого показателя в 1 200 ГВт установленной мощности солнечных и ветровых электростанций, ранее намеченного на 2030 год, уже в 2024 году, на шесть лет раньше запланированного срока. Более 50% новых мощностей приходится на береговые ветряные турбины и солнечные панели, многие из которых производятся в Китае.

Доля солнечной и ветровой энергии в энергобалансе рассматриваемой провинции достигает 25,5%, что превышает средние показатели по стране и отражает активное внедрение ВИЭ на региональном уровне. Это связано с инвестициями в солнечные парки и ветропарки, а также развитием инфраструктуры для распределенной генерации [5].

Согласно 14-му пятилетнему плану (2021–2025 годы), доля возобновляемой энергетики в производстве электроэнергии должна вырасти до 39%, при этом более 60% прироста ВИЭ должно приходиться на солнечную и ветровую энергию.

В Цзянси реализуются проекты по интеграции ВИЭ с накопителями энергии и цифровыми сетями, что повышает надежность и эффективность использования этих источников.

Доля прочих источников в энергобалансе данной провинции сравнительно невелика (около 7,5%), так как регион не является крупным нефтегазодобывающим центром. Однако потребление природного газа растет быстрыми темпами — на 20–23% ежегодно, что связано с переходом на более чистые виды топлива и развитием газовой инфраструктуры [6].

Биомасса занимает небольшую долю, поскольку ее потенциал в регионе ограничен, но используется в сельских районах для отопления и мелкой генерации.

Китайская политика стимулирует сокращение использования нефти и газа в энергетике, направляя инвестиции в ВИЭ и атомную энергетику.

Таблица 3
Итоговое распределение и его причины
в Цзянси

Источник энергии	Доля, %	Основные причины и факторы
Уголь	53,5	Большие запасы, промышленная специализация, низкая стоимость
Гидроэнергия	13,5	Благоприятные природные условия, стабильность и экологичность
Солнечная и ветровая	25,5	Активное развитие ВИЭ, государственная поддержка, технологический прогресс
Прочие (нефть, газ, биомасса)	7,5	Рост потребления газа, ограниченный потенциал нефти и биомассы, политика декарбонизации

Суммарно доли ВИЭ (гидро + солнце и ветер) превышают 25%, поскольку солнечная и ветровая энергия растут быстро и дополняют гидроэнергетику.

Промышленность остается крупнейшим потребителем энергии в провинции, за ней следуют жилищно-коммунальный сектор и транспорт. В условиях ускоренной урбанизации и промышленного роста нагрузка на энергосистему постоянно увеличивается.

Крупнейшим оператором электросетей и поставщиком электроэнергии в Цзянси является компания State Grid Jiangxi Electric Power Co., Ltd., входящая в структуру национальной корпорации State Grid Corporation of China. Эта компания отвечает за производство электроэнергии, строительство, эксплуатацию и модернизацию энергосетей, а так-

же за обеспечение надежного электроснабжения как для промышленности, так и для населения региона. Благодаря подключению к межрегиональной энергосетевой инфраструктуре Китая Цзянси получает возможность компенсировать внутренний дефицит энергии за счет межрегиональных перетоков, в том числе из провинций с развитой гидро- и тепловой генерацией [7].

Таким образом, энергетический сектор Цзянси характеризуется высокой зависимостью от внешних поставок и ориентацией на развитие зеленой энергетики, что отражает общенациональные стратегические приоритеты Китая в области декарбонизации и устойчивого развития.

Развитие возобновляемой энергетики в провинции Цзянси отличается комплексным подходом, который учитывает как природные условия региона, так и стратегические задачи Китая по снижению углеродного следа. Ведущими направлениями здесь выступают гидроэнергетика, солнечная и ветровая генерация, а также участие в национальных программах «двойного углеродного контроля» (по-английски: «carbon peaking and carbon neutrality»).

Гидроэнергетика в Цзянси базируется на использовании потенциала реки Ганьцзян и ее притоков. В регионе действует ряд средних и малых гидроэлектростанций, среди которых выделяется строящаяся ГЭС Xiajiang мощностью 200 МВт. Подобные объекты не только обеспечивают стабильное энергоснабжение, но и способствуют регулированию водных ресурсов и снижению риска наводнений [4].

Солнечная энергетика в провинции развивается особенно динамично благодаря поддержке со стороны провинциального правительства и реализации масштабных проектов. Одним из примеров служит проект солнечной электростанции Shangrao Top Runner Solar PV Park мощностью 250 МВт, который реализуется компанией Poyang Luohong Power. Изначально строительство планировалось начать в 2022 году с запуском в 2023 году, однако на текущий момент проект находится на стадии получения разрешений. Начало строительства ожидается в 2025 году, а ввод в эксплуатацию — в 2026 году [8]. Еще одним значимым примером является соглашение между Jinko Power и правительством уезда Шичэн (Ганьчжоу) о строительстве солнечной электростанции мощностью 200 МВт. Проект предполагает значительные инвестиции, получение национальных и провинциальных субсидий, а также ежегодную генерацию порядка 240 млн кВт·ч электроэнергии, что способствует не только энергоснабжению, но и улучшению экологической ситуации и экономическому развитию региона [9].

Ветровая энергетика также имеет перспективы развития, особенно в восточных и юго-восточных районах Цзянси, а также в районе озера Поянху. Согласно специализированному атласу ветроэнергетических ресурсов, эти зоны обладают подходящими метеорологическими условиями для размещения ветропарков как промышленного, так и локального масштаба [4].

Особое значение для развития ВИЭ в Цзянси имеет участие региона в национальных программах «двойного углеродного контроля», направлен-

ных на достижение пика выбросов CO₂ к 2030 году и углеродной нейтральности к 2060 году. Прогнозируется активное внедрение мер по ограничению потребления ископаемого топлива, стимулируя внедрение инновационных технологий («PV+», интеграция ветра и солнечной генерации с накопителями энергии), а также развивая систему торговли углеродными квотами. К 2030 году доля неиспользованных источников в энергобалансе должна достичь 25%, а к 2060 году — 80% [9].

Стоимость электроэнергии в Цзянси и других провинциях Китая

Провинция / Регион	Тариф для населения, юань/кВт·ч	Тариф для населения, USD/кВт·ч	Комментарии
Цзянси	0,50–0,55	0,07–0,076	Тариф на электроэнергию в Цзянси находится примерно на уровне среднего по Китаю. Это связано с тем, что в регионе используется разнообразное сочетание источников энергии — уголь, гидро-, ВИЭ — без перекоса в одну сторону. Тем самым позволяет сохранять стабильность цен для населения
Пекин	0,49–0,79 (дифференцированный)	0,07–0,11	Тарифы растут с увеличением потребления (ступенчатая система)
Гуандун	0,55–0,65	0,08–0,09	Более высокий тариф из-за высокой нагрузки и развитой инфраструктуры
Внутренняя Монголия	0,40–0,50	0,06–0,07	Ниже среднего, благодаря местной генерации и ресурсам

В Китае тарифы на электроэнергию для населения варьируются в среднем от 0,40 до 0,79 юаня за кВт·ч (примерно 0,06–0,11 USD), в зависимости от региона и объема потребления. Провинция Цзянси имеет тарифы на уровне 0,50–0,55 юаня за кВт·ч (около 0,07 USD), что соответствует среднему уровню по стране. В более развитых и густонаселенных регионах, таких как Гуандун и Пекин, тарифы выше из-за большей нагрузки на энергосистему и стоимости инфраструктуры. В регионах с большим ресурсным потенциалом и собственной генерацией (например, Внутренняя Монголия) тарифы ниже [10].

Стоимость электроэнергии в Китае не является одинаковой во всех провинциях. Она зависит от региональной структуры энергогенерации, уровня развития инфраструктуры, политики субсидирования и объема потребления. Цзянси находится в среднем ценовом диапазоне с тарифами около 0,50–0,55 юаня за кВт·ч, что отражает баланс между угольной генерацией и развитием возобновляемых источников энергии.

Для промышленных потребителей тарифы обычно ниже, чем для населения, и зависят от отрасли и объема потребления.

Таким образом, возобновляемая энергетика становится ключевым элементом устойчивого развития Цзянси, способствуя не только снижению углеродных выбросов, но и диверсификации экономики региона.

Проблемы и перспективы развития энергетики провинции Цзянси. Энергетический сектор провинции Цзянси сталкивается с рядом серьезных и многоплановых проблем, которые ограничивают темпы устойчивого развития региона, а также затрудняют эффективную интеграцию ВИЭ в общую энергосистему. Эти вызовы носят как технологический, так и социально-экономический характер, что требует системного и комплексного подхода к их решению [11].

Во-первых, одна из наиболее острых проблем связана с износом и моральным устареванием оборудования, особенно на тепловых (угольных) электростанциях, которые продолжают играть важную роль в энергоснабжении региона. Многие из них были построены в 1980–1990-х годах и не соответствуют современным стандартам энергоэффективности и экологической безопасности. Это приводит не только к снижению коэффициента полезного действия (КПД) генера-

Таблица 4

ции, но и к существенному увеличению выбросов углерода и других вредных веществ в атмосферу. Повышенные эксплуатационные расходы и частые аварийные остановки оборудования дополнительно затрудняют обеспечение стабильного энергоснабжения. Хотя в последние годы в Цзянси реализуются проекты точечной модернизации отдельных объектов, масштабы необходимых обновлений требуют многомиллиардных инвестиций и долгосрочного планирования, что усложняет задачу для бюджета провинции [6].

Во-вторых, существует проблема недостаточной интеграции ВИЭ, особенно солнечной и ветровой энергетики, в существующую энергосистему. В условиях растущей доли переменной генерации становится критически важным наличие адаптивных сетей, способных гибко реагировать на колебания объемов выработки. Однако значительная часть распределительных сетей Цзянси технически не готова к приему нестабильных потоков энергии, что приводит к частичной утрате или ограниченному использованию произведенной «зеленой» электроэнергии. Кроме того, в регионе недостаточно развиты инфраструктуры накопителей энергии (батарей и гидроаккумулирующих станций) и интеллектуальные системы управления потоками, такие как автоматическое прогнозирование нагрузки или распределение пиковых нагрузок [4]. Без решения этих вопросов интеграция ВИЭ будет сопровождаться высокими потерями и снижением надежности энергоснабжения.

Третья ключевая проблема заключается в ограниченном доступе к инвестициям в научные исследования и разработки (НИОКР), особенно в области цифровизации и внедрения интеллектуальных сетей (smart grids). В то время как на общенациональном уровне Китай реализует масштабную стратегию «новой энергетической системы», направленную на создание умных, экологичных и децентрализованных сетей, менее экономически развитые провинции, такие как Цзянси, нередко оказываются на периферии инновационного процесса. Нехватка территориальных фондов, слабая активность венчурных инвесторов, отсутствие эффективных механизмов государственно-частного партнерства и нехватка кадров с необходимыми компетенциями в сфере цифровой энергетики сдерживают внедрение передовых решений [13]. Многие пилотные проекты либо реализуются слишком медленно, либо замораживаются на стадии тестирования из-за отсутствия поддержки со стороны местных институтов развития [3].

Четвертая и не менее важная проблема — сохраняющееся неравенство в уровне электрификации между городскими и сельскими районами. Несмотря на общекитайский тренд на повышение

энергетической доступности, в Цзянси сохраняется дисбаланс в распределении инвестиций в энергетическую инфраструктуру. В крупных городах, таких как Наньчан (6,5 млн человек), наблюдаются активные процессы цифровизации энергосетей, внедрение умных счетчиков, модернизация подстанций и внедрение элементов автоматического управления. В то же время в отдаленных сельских и горных районах до сих пор эксплуатируются сети с высоким уровнем износа, ограниченной пропускной способностью и низкой надежностью. В ряде случаев наблюдаются перебои с поставками энергии в периоды пиковых нагрузок, особенно в зимнее время. Усиливающееся социально-экономическое расслоение между городом и деревней, а также отток населения из сельской местности усугубляют ситуацию: инвесторы и органы власти концентрируются на экономически привлекательных районах, оставляя села без достаточного финансирования на модернизацию сетей [15].

Наконец, стоит отметить и институциональные барьеры. Недостаточная координация между региональными и центральными органами власти, отсутствие единой долгосрочной энергетической стратегии, учитывающей специфику Цзянси, а также слабая вовлеченность местных компаний в реализацию проектов на уровне ВИЭ тормозят реализацию федеральных инициатив. Это особенно важно в контексте амбициозной государственной цели по достижению пиковых выбросов углерода к 2030 году и полной углеродной нейтральности к 2060 году.

В совокупности перечисленные вызовы требуют комплексного подхода: ускоренной модернизации оборудования, развития интеллектуальных сетей, увеличения инвестиций в НИОКР, а также выравнивания уровня электрификации между различными территориями провинции.

Провинция Цзянси определяет развитие энергетического сектора как один из приоритетов региональной политики, делая ставку на ускоренное внедрение возобновляемых источников энергии, технологическую модернизацию и интеграцию в национальную стратегию КНР. В ближайшие годы правительство региона планирует существенно увеличить долю ВИЭ в структуре производства электроэнергии, опираясь на природный потенциал и поддержку крупных инвестиционных проектов, включая строительство уникальных объектов, таких как гибридная термоядерная станция «Синьху» в Наньчане. Этот проект, реализуемый совместно государственными и частными компаниями, рассчитан на выработку 100 МВт чистой энергии и станет одним из флагманских примеров технологического лидерства Цзянси в области новых энергетических решений [13].

Проект «Синьхо» представляет собой гибридный реактор, который сочетает термоядерный синтез и ядерное деление. Термоядерный синтез, аналогичный процессам в звездах, сливает легкие ядра, высвобождая энергию, а деление расщепляет тяжелые ядра, как в традиционных АЭС. Нейтроны, образующиеся в результате синтеза, стимулируют реакции деления, что увеличивает выход энергии и снижает количество долгоживущих ядерных отходов. Реактор планируется оснастить высокотемпературными сверхпроводящими магнитами, что позволит достичь рекордного коэффициента усиления энергии (Q) более 30 — это означает, что вырабатываемая энергия будет в 30 раз превышать затраты на запуск реакции. Для сравнения, европейский токамак JET достиг $Q 0,67$, а строящийся во Франции ITER нацелен на Q выше 10.

Параметр Q (коэффициент усиления энергии) в термоядерной энергетике означает: отношение энергии, выделенной в результате термоядерной реакции, к энергии, затраченной на ее поддержание. Высокий Q показывает, что реактор может стать источником чистой, устойчивой энергии — с минимальными отходами и без выбросов CO_2 , в отличие от традиционных АЭС или ТЭС.

Строительство станции ведется на острове Яоху в высокотехнологичной зоне Наньчана провинции Цзянси, богатой медью — ключевым материалом для сверхпроводников. Проект стоимостью около 2,76 млрд долл. США рассчитан на 5–6 лет реализации с целью подключения к энергосети к концу 2030-х годов [11].

Таким образом, Цзянси стремится стать одним из лидеров в области чистой и инновационной энергетики, используя уникальные природные ресурсы и передовые технологии для существенного увеличения доли ВИЭ в энергобалансе региона.

Модернизация энергетической инфраструктуры предусматривает широкое внедрение интеллектуальных сетей (smart grid), что позволит повысить гибкость и надежность энергоснабжения, а также обеспечить эффективную интеграцию переменной генерации от ВИЭ. Особое внимание уделяется цифровизации управления энергопотреблением и использованию искусственного интеллекта для прогнозирования спроса, оптимизации баланса и минимизации потерь. Подобные технологии уже тестируются на новых объектах и в пилотных зонах, что открывает возможности

для масштабирования успешных решений по всей провинции.

Цзянси активно интегрируется в национальную стратегию «энергетического интернета», направленную на создание единой цифровой платформы для управления производством, распределением и потреблением энергии на всей территории Китая. Это позволит региону не только получать доступ к межрегиональным перетокам и инновационным технологиям, но и стать площадкой для апробации передовых моделей управления энергетикой.

Для реализации этих амбициозных задач провинциальное правительство стимулирует привлечение частных и иностранных инвестиций, создавая благоприятные условия для размещения производств, проведения НИОКР и внедрения новых технологий. Примеры успешного государственно-частного партнерства, такие как проект «Синьхо», демонстрируют высокий интерес бизнеса к участию в энергетической трансформации региона и формируют основу для дальнейшего роста сектора [6].

Заключение. Энергетический сектор провинции Цзянси находится в фазе активной трансформации и стремится соответствовать общенациональным приоритетам Китая в области устойчивого развития и декарбонизации. При отсутствии крупных собственных запасов углеводородов регион делает ставку на возобновляемые источники энергии — гидро-, солнечную и ветровую генерацию, при этом развивая цифровую инфраструктуру и умные энергосистемы. Реализация масштабных инвестиционных проектов, участие в национальных программах «двойного углеродного контроля», а также стимулирование НИОКР и цифровизации управления позволяют рассматривать Цзянси как перспективную зону устойчивой энергетики. Тем не менее регион сталкивается с рядом серьезных вызовов, включая изношенность части оборудования, недостаточную интеграцию ВИЭ в общую систему и инфраструктурное неравенство между городскими и сельскими районами. В этих условиях ключевыми направлениями дальнейшего развития должны стать технологическая модернизация, расширение инвестиций, улучшение энергетической доступности и активное включение региона в цифровую энергосеть Китая. Цзянси имеет потенциал стать модельным регионом «зелёного» перехода в рамках новой энергетической парадигмы КНР.

REFERENCES

1. Jiangxi. Wikipedia: The Free Encyclopedia. 2025. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Цзянси> (date of access: 19.06.2025).

2. Gao Mei. Low-carbon production: problems and choice of path (on the example of Jiangxi Province). CyberLeninka, 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nizkouglerodnoe-proizvodstvo-problemy-i-vybor-puti-na-primere-provintsii-tszyansi> (date of access: 19.06.2025).
3. China Dialogue. Articles on decarbonization, “dual carbon control” and energy policy of the PRC. URL: <https://chinadialogue.net> (date of access: 20.05.2025).
4. China Energy Portal. Analytics on energy projects, investments, and renewable energy development in China. URL: <https://chinaenergyportal.org> (date of access: 20.05.2025).
5. China Renewable Energy Engineering Institute (CREEI). Data on hydropower, solar and wind generation. URL: <https://creei.com.cn> (date of access: 20.05.2025).
6. CNKI (China National Knowledge Infrastructure). Scientific publications on energy and renewables in Jiangxi. URL: <https://cnki.net> (date of access: 20.05.2025).
7. Hydro Review. Information on small and medium hydropower plants in China. URL: <https://hydroreview.com> (date of access: 20.05.2025).
8. International Energy Agency (IEA). Reviews of China's energy sector. URL: <https://iea.org> (date of access: 20.05.2025).
9. World Bank. Reports on regional differences in electrification and infrastructure development in China. URL: <https://worldbank.org> (date of access: 20.05.2025).
10. Jinko Power. Press releases on solar power plant construction in Jiangxi. URL: <https://jinkopower.com> (date of access: 20.05.2025).
11. Renewable Energy World. Reviews and news on renewable energy development in China and Jiangxi Province. URL: <https://renewableenergyworld.com> (date of access: 20.05.2025).
12. Statista. Statistics on electricity production and consumption in China. URL: <https://statista.com> (date of access: 20.05.2025).
13. National Energy Administration of China (NEA). Official reports and statistics on renewable energy development and energy balance structure in Chinese provinces. URL: <https://nea.gov.cn> (date of access: 20.05.2025).
14. State Grid Corporation of China. Information on grid structure and integration of regional energy systems. URL: <https://sgcc.com.cn> (date of access: 20.05.2025).
15. Government of Jiangxi Province. Official documents and press releases on regional energy policy. URL: <https://jiangxi.gov.cn> (date of access: 20.05.2025).

Поступила в редакцию: 03.07.2025.

Принята к печати: 04.08.2025.

УДК 332.1:314.18:330.34
DOI 10.14258/epb202544

ДИАГНОСТИКА КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

С.Э. Майкова, А.С. Гришина

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева
(Саранск, Россия)

В статье рассмотрены основные вызовы и угрозы для социально-экономического развития территорий в условиях демографического старения населения. Определены самые «молодые» и «старые» регионы. Проведена диагностика состояния экономической безопасности Республики Мордовия в условиях демографического старения населения. Рассмотрены подходы к минимизации рисков и предложены направления адаптивной социальной политики, требующей проведения изменений в целях перехода к активному долголетию.

Целью настоящей статьи является диагностика кризисных ситуаций, возникающих в системе экономической безопасности региона под влиянием демографического старения населения, и формирование научно обоснованных предложений по снижению рисков и адаптации социальной политики.

Методология исследования включает системный подход к анализу демографических и экономических показателей, определение системы индикаторов для диагностики состояния экономической безопасности территории в условиях демографического старения населения, использование пороговых значений нормативных показателей и зональной классификации рисков в сфере экономической безопасности.

Ключевые слова: демографическое старение, демографический сдвиг, экономическая безопасность, кризисные ситуации, зонная теория оценки рисков.

DIAGNOSIS OF CRISIS SITUATIONS IN THE ECONOMIC SECURITY OF A REGION UNDER CONDITIONS OF DEMOGRAPHIC AGING OF THE POPULATION

S. E. Maykova, A. S. Grishina

National Research Mordovia State University (Saransk, Russia)

The article examines the key challenges and threats to socio-economic development of territories under conditions of population aging. The «youngest» and «oldest» regions have been identified. A diagnostic assessment of the economic security status of the Republic of Mordovia under demographic aging has been conducted. Approaches to risk mitigation are considered, and directions for adaptive social policy requiring transformations to transition towards active longevity are proposed.

The purpose of this article is to diagnose crisis situations emerging in the regional economic security system under the influence of demographic aging, and to develop evidence-based proposals for risk reduction and social policy adaptation.

The research methodology includes a systematic approach to the analysis of demographic and economic indicators, the identification of a system of indicators for diagnosing the economic security status of a territory under demographic aging, the use of threshold values of normative indicators, and zonal classification of risks in the field of economic security.

Keywords: demographic aging, demographic shift, economic security, crisis situations, zonal theory of risk assessment.

Ведение. Рассматривая ключевые тенденции развития обществ в мировом масштабе, причем как на уровне стран, так и внутри отдельных регионов, можно отметить все большее усиление тенденции к демографическому старению населения. Это явление нельзя назвать новым социальным вызовом, однако его важность и масштабы привлекают все больше внимания исследователей и ученых. Сокращение численности населения вместе с ростом средней продолжительности жизни приводит к увеличению доли пожилых людей в обществе и сокращению молодежи. По данным экспертных исследований, старение населения — это общемировая тенденция, обусловленная естественными демографическими изменениями, имеющими глубокий и необратимый характер, обладающих высокой устойчивостью и слабо реагирующих на системные меры воздействия со стороны государственных демографических политик в кратко- и среднесрочной перспективах.

Можно выделить ключевые тенденции, характеризующие ситуацию со старением населения в глобальном масштабе.

Во-первых, глобальный рост доли людей старшего возраста в общей численности населения. В 1950 г. около 8% населения были старше 60 лет. На рубеже XX–XXI веков доля людей старше 60 лет выросла до 10%. Эта устойчивая тенденция приведет к ситуации, когда к середине XXI века доля людей старшего возраста достигнет 16–20% [1]. По оценкам ООН, численность людей 65 лет и старше увеличится в абсолютном выражении с 760 млн в 2022 г. до 994 млн к 2030 г. и 1,6 млрд к 2050 г. При сохранении указанной тенденции к 2050 году число людей старше 65 лет будет вдвое превышать количество детей младше 5 лет [1]. Такая ситуация обусловлена устойчивым снижением рождаемости почти повсеместно при продолжающемся повышении продолжительности жизни [2].

Во-вторых, отмечается тенденция резкого замедления общего прироста населения. В 2020 году темпы роста численности упали ниже 1% в год. Этот показатель на таком низком уровне зафиксирован впервые после Второй мировой войны [1]. Старение населения, совпадая с трендом снижения рождаемости, с большой вероятностью приведут к депопуляции. По прогнозам ООН, население 61 страны сократится более чем на 1% до 2050 года. В некоторых государствах Восточной Европы ожидается сокращение численности населения более чем на 20% (Болгария, Латвия, Литва, Сербия, Украина) [1]. Даже крупнейшие по численности населения государства (Китай, Индонезия, Индия) вступают в фазу спада численности. В Китае в 2022 году впервые за более чем 50 лет зафиксирована убыль населения. В Индонезии коэффициент

рождаемости в 2023 году зафиксирован на уровне 2,0 (на грани уровня естественного воспроизводства). На современном этапе развития среди государств с наибольшей численностью Индия отличается относительно меньшими темпами замедления численности населения. Ежегодный прирост снизился с 2,2% в 1990 г. до 0,8% в 2020 году. Однако и в данном случае отмечается снижение темпов прироста (в 2020–2023 гг. только 0,8% против 2,2% в период с 1993–2000 гг.).

Таким образом, старение напрямую связывается с демографической безопасностью: увеличение доли пожилых в сочетании с замедлением темпов воспроизводства населения ведет к сокращению трудоспособного населения и общему спаду численности (депопуляции).

Следует обратить также внимание на региональные различия в рассматриваемых тенденциях. Процесс старения является глобальным. Самые быстростареющие регионы — Европа и Северная Америка, где около 19% населения старше 65 лет. К 2050 году ожидаемый уровень этого показателя составит 27% (каждый четвертый житель) [1]. Практически аналогичная ситуация — в Австралии и Новой Зеландии (16,6% в 2022 году и до 24% к 2050 году). В Восточной и Юго-Восточной Азии доля пожилых людей с современного уровня в 13% (по состоянию на 2022 год) удвоится к 2050 году и достигнет 26%. Похожая динамика будет наблюдаться для стран Латинской Америки и Карибского региона — рост с 9 до 19% за аналогичный период. Напротив, в африканских странах текущий показатель людей старше 65 лет составляет 3% и к 2050 году этот показатель повысится до 5–6%, что существенно ниже мирового уровня.

Если тенденции сохранятся, то к 2050 году доля людей старше 65 лет достигнет 16%. В развитых экономиках (Япония, Южная Корея, Германия, США) этот показатель может составить более 30%. Отмеченные тенденции формируют целый комплекс вызовов экономической безопасности. К основным можно отнести следующие:

- обеспечение достойного уровня жизни пожилых без критичных последствий для экономики;
- трансформация рынка труда, системы здравоохранения и социального обеспечения в соответствии с меняющейся возрастной структурой населения;
- изменение структуры материального производства, которая способна обеспечивать общество «новой» структуры.

В то же время более здоровое и активное поколение в возрасте старше 60 лет может рассматриваться как ресурс развития. Эта возрастная группа стимулирует появление новых товаров

и услуг, адаптированных под пожилых людей. Отмечается зависимость роста ВВП от продления средней продолжительности трудовой жизни (увеличение активной трудовой жизни на 1 год увеличивает ВВП экономики страны на 1%) [3]. «Серебряная экономика» и активное долголетие могут частично компенсировать негативные эффекты старения, если будет использован потенциал пожилых людей в качестве работников и активных потребителей.

Процесс демографического старения населения в Российской Федерации несколько отличается от традиционных моделей старения. По данным Росстата, доля населения старше 65 лет выросла с 12% в 2000 году до 16% в 2023 году. К 2050 году этот показатель составит 25% [4]. Существенное влияние оказывает и относительная низкая ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) (фактический показатель 2023 года — 73,4 года). При этом ОПЖ среди мужчин — всего 68 лет. Основная проблема заключается в крайне медленном увеличении продолжительности жизни населения в России, особенно среди мужчин.

Современные исследования по-разному трактуют причины и последствия демографического старения населения. В рамках концепции социального стресса (Б. Т. Величковский, А. Ф. Шафиркин) медико-демографический кризис в России рассматривается как следствие радикальных преобразований 1990-х годов, осуществленных по сценарию «шоковой терапии» [5].

В целом различные аспекты исследований проблематики старения населения и его влияния на экономическую безопасность региона рассмотрены в работах отечественных и зарубежных ученых. Так, А. Г. Вишневский акцентирует внимание на завершении демографического перехода как источнике возрастных диспропорций. В соответствии с предложенной им концепцией «демографической модернизации» наблюдаются изменения в структуре семейных ценностей, ориентация на концепцию «качества детей», существенный рост экономической нагрузки на родителей, карьерные ориентиры женщин, ослабление стабильности института семьи. Все эти факторы приводят к принятию обществом низкого уровня рождаемости в качестве «естественной» нормы.

Р. И. Капелюшников указывает на снижение предложения труда и росте сбережений в стареющем обществе, что приводит к сужению эффективного спроса и выступает дестимулирующим фактором развития предложения в материальном секторе производства. В своих работах Л. Л. Рыбаковский подчеркивает необходимость учета возрастной структуры при формировании экономических региональных стратегий [6]. Исслед-

ования Г. Беккера и Т. Шульца развивают экономическую теорию семьи, показывая взаимосвязь между модернизацией общества и сокращением рождаемости [7], во многом рассматриваемые подходы созвучны с концепцией А. Г. Вишневского. Концепция активного долголетия Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) акцентирует внимание на потенциал вовлечения людей пожилого возраста в экономическую и общественную жизнь [8]. Концепция направлена не просто на продление жизни, а на обеспечение высокого ее качества в старшем возрасте. При этом предполагается реализация целого комплекса мер, позволяющих рассматривать пожилых людей как ценный ресурс, способный создавать ценность для общества, снижать издержки в сфере услуг.

Особый акцент в исследовании необходимо сделать на особенности процессов демографического старения в России. Интенсивное старение населения России вызвано комплексом взаимосвязанных социально-экономических причин:

- низкий уровень оплаты труда и невысокий размер пенсионных выплат, не способный поддерживать высокий уровень текущего потребления в пожилом возрасте;
- отсутствие действенных стимулов к трудовой деятельности, демотивационная структура мер воздействия, не соответствующая квалификации и производительности труда;
- высокий уровень дифференциации в оплате труда в разрезе отраслей и регионов России;
- рост численности граждан с доходами ниже прожиточного минимума.

Таким образом, выявленные проблемы активизируют развитие исследований феномена «демографическое старение населения» не только в практической плоскости, но и в сфере теоретико-методологического осмысливания данного явления. Складывающиеся тенденции диктуют необходимость разработки подхода, позволяющего проводить диагностику экономической безопасности региона в условиях демографического старения населения, определить причины увеличения доли пожилых лиц и влияние старения на экономику. Цель настоящего исследования состоит в диагностике кризисных ситуаций, возникающих в системе экономической безопасности региона под влиянием демографического старения населения, с выявлением негативных эффектов и потенциальных угроз социально-экономическому развитию, а также разработке рекомендаций по их нейтрализации.

Методология исследования включает системный подход к анализу комплекса показателей, характеризующих демографическую ситуацию, ис-

пользование индикативного анализа пороговых значений нормативных показателей и зональной классификации рисков, а также сопоставление с международными тенденциями.

Результаты и обсуждение. Демографическое старение населения в современных условиях представляет собой комплексный, системный вызов, характеризующийся увеличением доли пожилых граждан на фоне сокращения числа трудоспособного населения, что порождает комплекс социально-экономических рисков, таких как снижение производительности труда, финансовая неустойчивость пенсионных и социальных систем, рост социаль-

ной нагрузки на государственные бюджеты и инфраструктуру, что в совокупности приводит к возникновению серьезных вызовов экономической безопасности регионов и стран.

Так, на 1 января 2024 года доля россиян старше трудоспособного возраста составила 23,7%, при этом наиболее высокие показатели зафиксированы в Тамбовской (29,2%), Тульской (28,5%) и Кировской (28,7%) областях, а самые низкие — в Ингушетии (9,5%) и Чеченской Республике (9,9%). Основными причинами старения населения являются снижение рождаемости и рост продолжительности жизни (рис. 1).

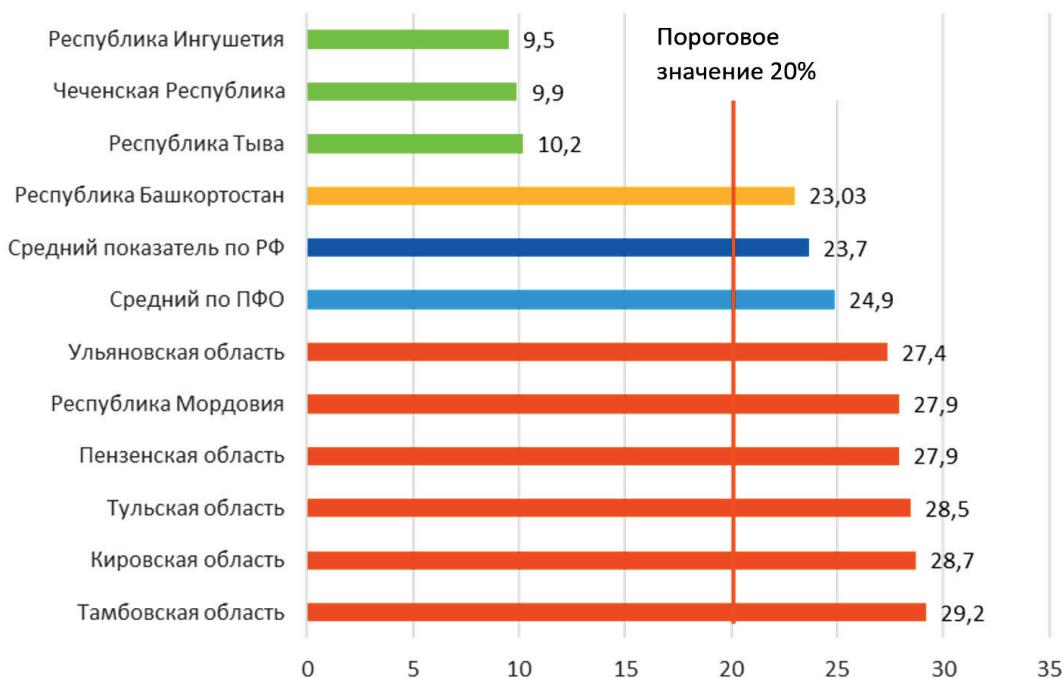

Рис. 1. Доля населения в отдельных регионах России старше трудоспособного возраста, % в общей численности [4]

Исследование проблематики влияния демографического старения населения на экономическую безопасность государства в целом, и отдельных регионов в частности, позволило идентифицировать комплекс угроз социально-экономической устойчивости и безопасности.

К одной из основных угроз следует отнести сокращение трудового потенциала и снижение производительности труда. Демографическое старение ведет к уменьшению доли трудоспособного населения, нехватке рабочей силы. Как следствие — замедление экономического роста и инновационного развития экономики. Дополнительное давление оказывает отток молодежи из стареющих регионов, что усугубляет дисбаланс на рынке труда.

Растет фискальная нагрузка на пенсионную систему. При высоком соотношении числа пенсио-

неров к числу занятых возникает дефицит фондов пенсионного обеспечения. Для компенсации дефицитов в консолидированном бюджете приходится предусматривать невозвратные трансферты в пенсионную систему, что снижает финансовую устойчивость.

Не менее остро может проявляться угроза роста бюджетных расходов и перераспределение ресурсов в пользу стареющего населения (увеличение расходов на здравоохранение и социальную поддержку). Такая ситуация может создать эффект вытеснения, когда инвестиции в образование, инфраструктурное развитие и безопасность могут снижаться за счет увеличения расходов на пенсионное обеспечение и медицину для пожилых. Таким образом, долговременный тренд старения общества может подорвать экономическую устойчи-

вость и ограничить развитие, в том числе и региональных экономических систем.

С увеличением числа пожилых людей растет распространенность хронических заболеваний, возрастают потребности в медицинских услугах, ориентированных на людей старшего возраста. Возникает потребность в развитии специализированной медицинской инфраструктуры, устранении дефицита гериатрических специалистов. Нагрузка на неадаптированную инфраструктуру здравоохранения требует существенного финансирования для удовлетворения новых потребностей.

Старение может привести к росту дисбаланса в структуре занятости, межпоколенческим напряжениям на рынке труда. С одной стороны, пожилые трудящиеся могут дольше оставаться на рабочих местах, замедляя продвижение молодых кадров. С другой — возникает возрастная дискриминация, когда работодатели не готовы нанимать или сохранять занятость для пожилых сотрудников. Кроме того, при всеобщем дефиците на рынке наемной рабочей силы возможна автоматизация трудовых функций. Это требует глубокой переквалификации сотрудников всех возрастов. Такая тенденция создает новые риски для занятости и экономического развития. Может возникнуть ситуация либо с нехваткой квалифицированных кадров, либо с существенным ростом безработицы среди отдельных возрастных групп.

Значимое изменение возрастной структуры населения способно создавать дополнительную социальную нагрузку и поколенческие конфликты (усиление геронтократии, смещение приоритетов государства от инвестиций в будущее (образование, цифровизация) к краткосрочным расходам на поддержание людей старшего возраста). Одновременно могут возникать межпоколенческие конфликты, спровоцированные вынужденным ростом налоговой нагрузки на население в трудоспособном возрасте. Фактором риска является и формирование негативного образа пожилых людей, их социальная изоляция и отчуждение.

Демографическое старение приводит к снижению потребительского спроса и инвестиционной активности. Пожилые люди, как правило, менее активны как потребители. В структуре расходов пожилых значительно меньше затрат на товары длительного пользования, жилье, развлечения, особенно при фиксированных доходах (пенсиях) [9]. Массовое старение ведет к изменению структуры спроса в экономике — рост доли расходов на медицинские услуги, лекарства, базовые товары, и относитель-

ное сокращение спроса на образование, новые технологии, ипотечное кредитование. Такая ситуация существенно замедляет развитие секторов экономики, ориентированных на молодежь, приводя к замедлению общего экономического роста и снижению инвестиций. Кроме того, изменяется структура сбережений, когда растут накопления для обеспечения будущих нужд пожилых и снижается доля инвестиций в реальный сектор экономики. Накопительный эффект ведет к недостатку капитала для инноваций, что негативно отразится на модернизации экономики и ее долгосрочном развитии.

В итоге, можно утверждать, что демографическое старение является источником целого спектра угроз экономической безопасности. В Стратегии национальной безопасности России прямо указано, что сохранение населения и развитие человеческого потенциала (в том числе через демографическую политику) — приоритеты обеспечения национальной безопасности [10]. Именно поэтому мониторинг и своевременная нейтрализация рисков, связанных со старением населения, становятся ключевой задачей, в том числе на региональном уровне управления.

Обозначенные тенденции и возможные риски диктуют необходимость разработки подхода, позволяющего проводить диагностику экономической безопасности региона в условиях демографического старения населения, определить причины увеличения доли пожилых лиц, влияние старения населения на экономику.

В основу методологического подхода, с нашей точки зрения, может быть положен индикативный метод, обобщающий различные индикаторы диагностики кризисных ситуаций в сфере демографического старения и его долгосрочного влияния на экономическую систему.

Исследователи демографического старения, такие как Б. Дэвид (демографический дивиденд и экономический рост) [11], С. Рыбаковский (региональные аспекты в России) [12], А. А. Сафарова, Г. Л. Сафарова [13], предлагают ключевые индикаторы для оценки угроз экономической безопасности. К ним относятся коэффициент демографической нагрузки, уровень занятости лиц старше 55 лет и темпы сокращения трудоспособного населения. В настоящем исследовании мы обобщили ключевые индикаторы, фактические значения которых, по сравнению с пороговыми значениями сигнализируют о переходе старения в системный кризис, в том числе на уровне региона. Система индикаторов представлена в таблице 1.

Таблица 1

Система индикаторов, предлагаемая для диагностики состояния экономической безопасности территории в условиях демографического старения населения

Индикатор	Пороговое значение
Индикаторы, оценивающие остроту кризисной ситуации в исследуемой сфере	
Удельный вес лиц в возрасте от 0 до 19 лет в общей численности населения, %	Не менее 30
Удельный вес лиц старше 65 лет в общей численности населения, %	Не более 4
Удельный вес лиц старше 60 лет в общей численности населения, %	Не более 15
Индекс старения	Не более 0,5
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	Не менее 72
Численность занятых в экономике, приходящихся на одного пенсионера, человек	Не менее 5
Средний возраст населения, лет	Не более 41

Исследование проведено на примере фактических данных о демографической ситуации в Республике Мордовия [14].

Одними из ключевых индикаторов, позволяющих оценить остроту кризисной ситуации в данной сфере, являются показатели, отражающие возрастную структуру населения (рис. 2).

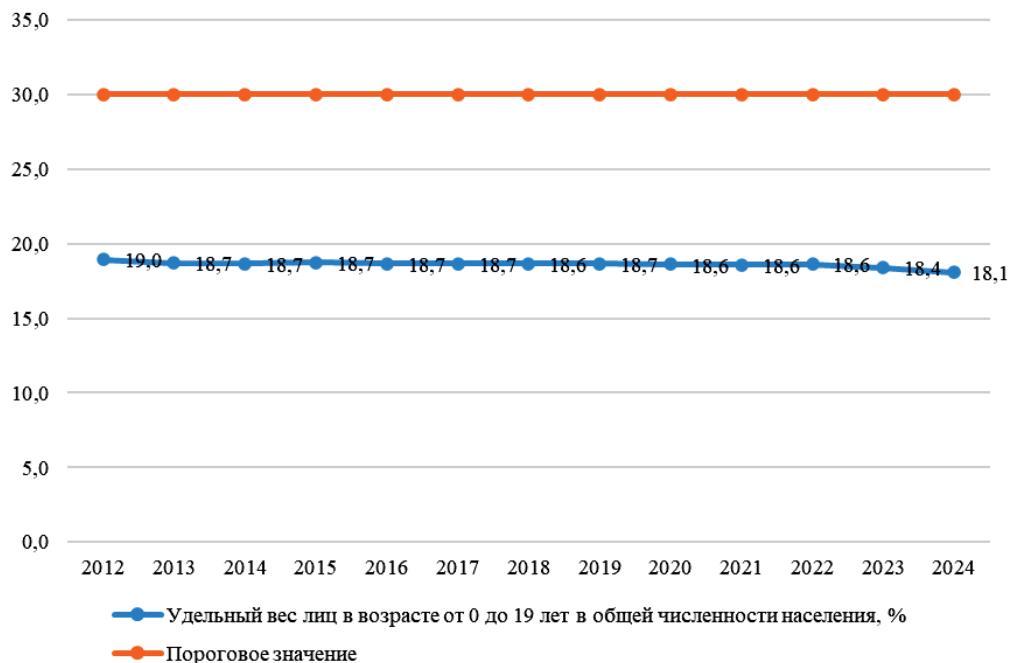

Рис. 2. Динамика удельного веса лиц в возрасте от 0 до 19 лет в общей численности населения в Республике Мордовия, %

Согласно данным рисунка 2, наблюдается сокращение удельного веса лиц в возрасте от 0 до 19 лет в общей численности населения в Республике Мордовия. За период с 2012 по 2024 гг. доля молодежи сократилась на 0,9%. Более того, на протяжении всего анализируемого периода фактические значения индикатора не соответствовали пороговому (не менее 30%), что свидетельствует о негативной демографической тенденции, угрожающей будущему трудовому потенциалу и социальному-экономическому развитию региона. Существую-

щая тенденция при этом свидетельствует не только о демографическом старении населения, но и о сокращении трудового потенциала, потере человеческого капитала, снижении инновационной активности и увеличении демографической нагрузки.

Вместе с сокращением доли молодежи в общей численности населения наблюдается увеличение удельного веса лиц старше 65 лет (рис. 3). В целом за анализируемый период значение данного показателя увеличилось на 5,1% и превысило пороговое значение в 2024 году в 4 раза.

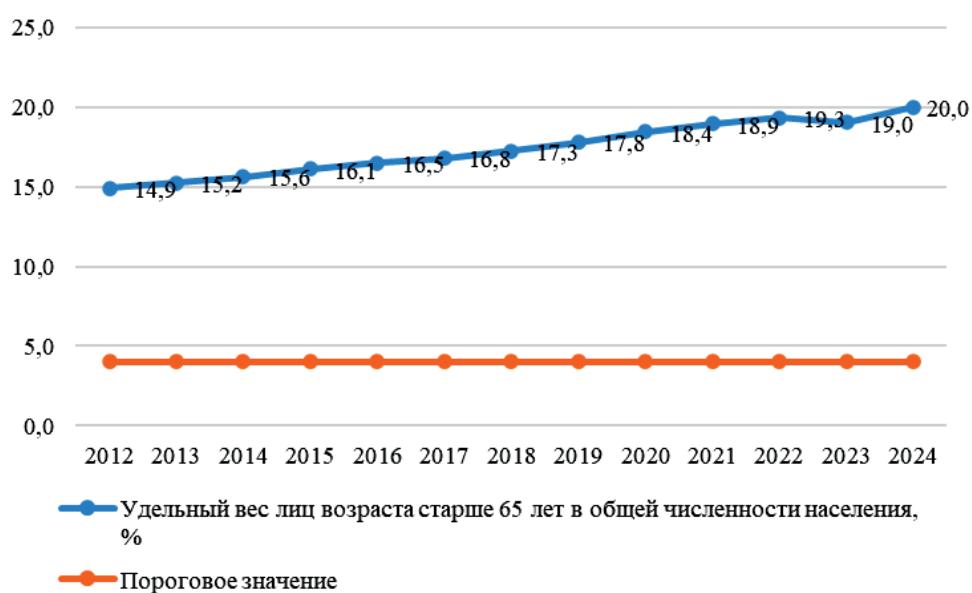

Рис. 3. Динамика удельного веса лиц в возрасте старше 65 лет в общей численности населения в Республике Мордовия, %

Такая выраженная диспропорция возрастной структуры населения создает серьезные социально-экономические риски, включая увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население и угрозу устойчивости пенсионной системы. Данные рисунка 4 также подтверждают усиление

процесса демографического старения региона, что обосновано увеличением удельного веса лиц в возрасте старше 60 лет в общей численности населения (+7,3%) (превышение порогового значения в 1,9 раза в 2024 году).

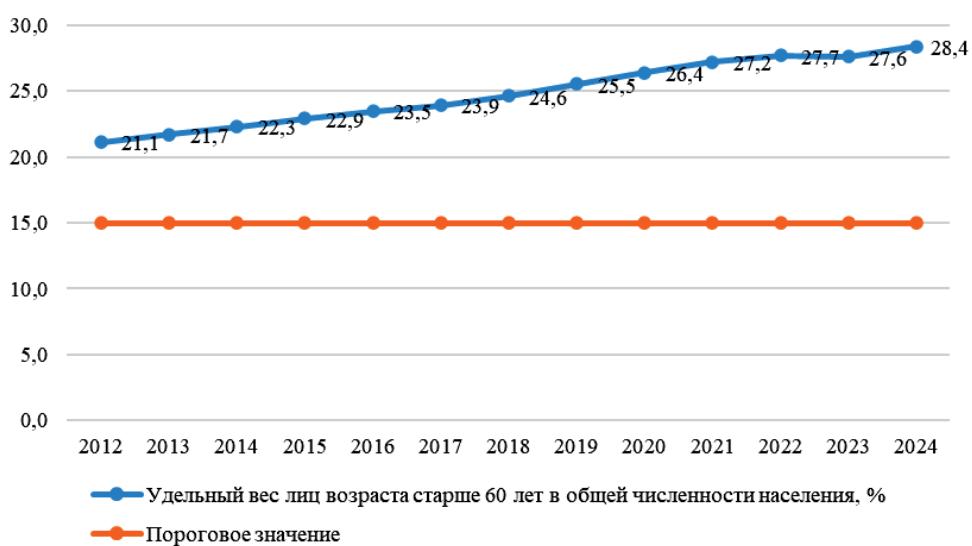

Рис. 4. Динамика удельного веса лиц в возрасте старше 60 лет в общей численности населения в Республике Мордовия, %

Помимо показателей возрастной структуры устойчивую тенденцию к росту демонстрирует индекс старения населения (рис. 5). За весь анализируемый период значение индекса увеличилось на 0,37, а фактическое значение превышает поро-

говое в 2,8 раза в 2024 году. Существующая динамика индекса указывает на глубокое старение населения, при котором численность людей пожилого возраста значительно превышает численность детей (0–14 лет).

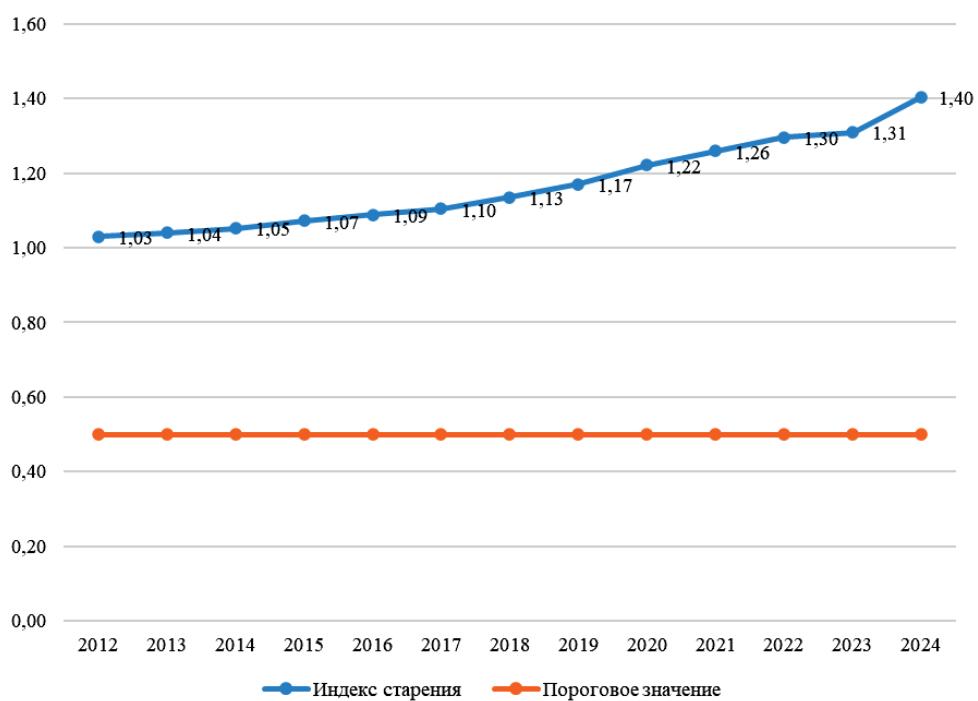

Рис. 5. Динамика индекса старения в Республике Мордовия, %

О высокой нагрузке на трудоспособное население и потенциальной нестабильности пенсионной системы свидетельствует динамика численно-

сти занятых в экономике, приходящихся на одного пенсионера (рис. 6).

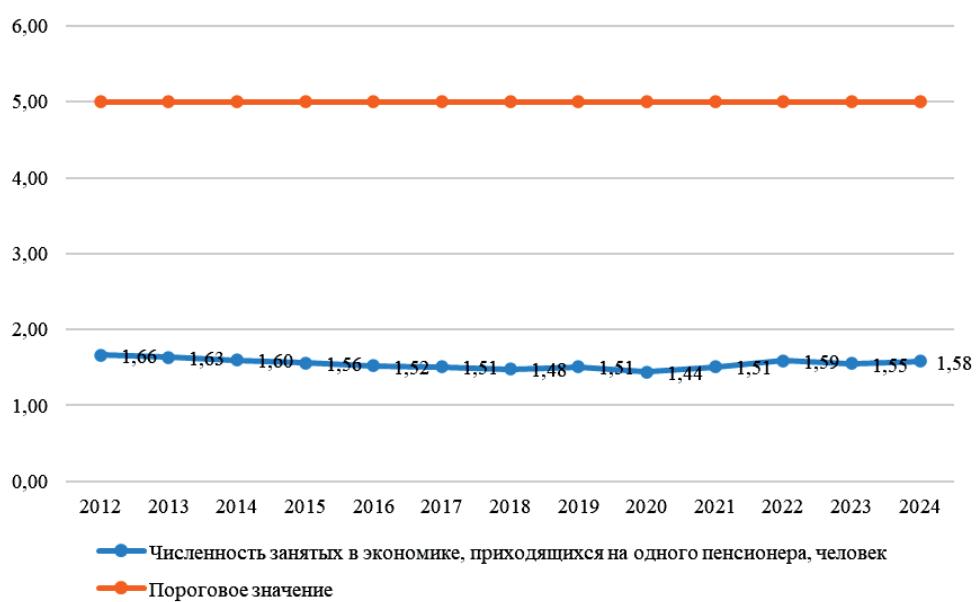

Рис. 6. Динамика численности занятых в экономике, приходящихся на одного пенсионера, чел.

С 2012 по 2024 год наблюдаются значительные диспропорции между численностью занятого населения и количеством пенсионеров, например, в 2024 году фактическое значение показателя было ниже порогового в 3,2 раза. Стоит отметить,

что за весь анализируемый период данный показатель снизился на 0,08, что обусловлено увеличением возраста выхода на пенсию. Не менее важным показателем, отражающим остроту кризисной ситуации, является ожидаемая продолжитель-

ность жизни. Данные рисунка 7 характеризуют нестабильную динамику, за весь анализируемый период значение показателя увеличилось на 3,04 года, однако наблюдается отставание фактических значений показателя от порогового в отдельные годы (сказалось влияние пандемии COVID-19). Увеличение ожидаемой продол-

жительности жизни в период с 2022 по 2024 год свидетельствует о росте доли лиц пожилого возраста, что, с одной стороны, характеризует ускорение демографического старения населения региона, а с другой — является позитивным фактором, отражающим улучшение уровня и качества жизни населения.

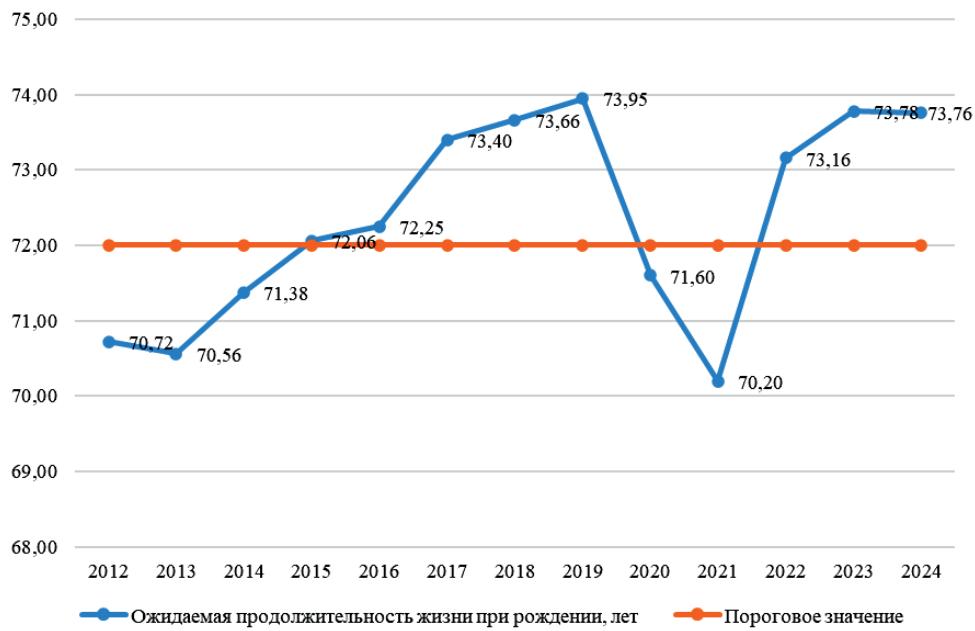

Рис. 7. Динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении, лет

Еще одним индикатором, сигнализирующим об ускорении процесса демографического старения региона, является средний возраст населения (рис. 8). Согласно данным рисунка, наблюдается

устойчивый рост показателя, кроме того, фактические значения индикатора превышают пороговое с 2013 года, что свидетельствует об увеличении доли пожилых в общей численности населения.

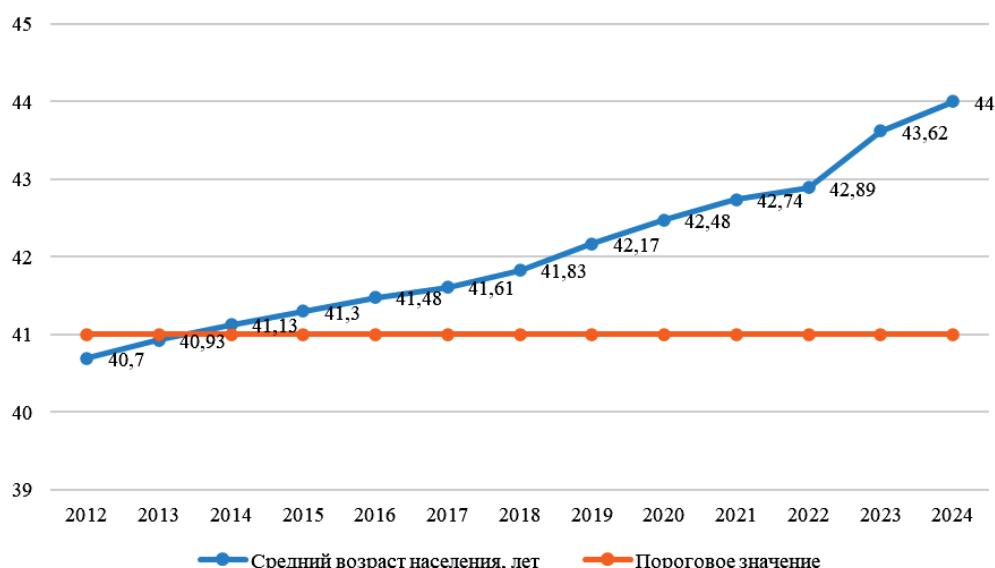

Рис. 8. Динамика среднего возраста населения Республики Мордовия, лет

Для оценки угроз экономической безопасности региона, связанных со старением населения, в настоящем исследовании анализируются основные индикаторы кризисных явлений. Методика оценки предполагает проведение нормирования показателей, позволяющее оценить степень их воздействия на социально-экономическое развитие Республики Мордовия. Применение зонной теории позволит выделить наиболее уязвимые сферы эко-

номики, подверженные рискам из-за демографических изменений (рис. 9).

В зоне «умеренного риска» находятся показатели «средний возраст населения» и «удельный вес лиц в возрасте от 0 до 19 лет в общей численности населения». Такая ситуация типична для ряда индикаторов и не представляет значительных угроз для экономической безопасности. В зоне «стабильности» находится показатель ожидаемой продолжительности жизни.

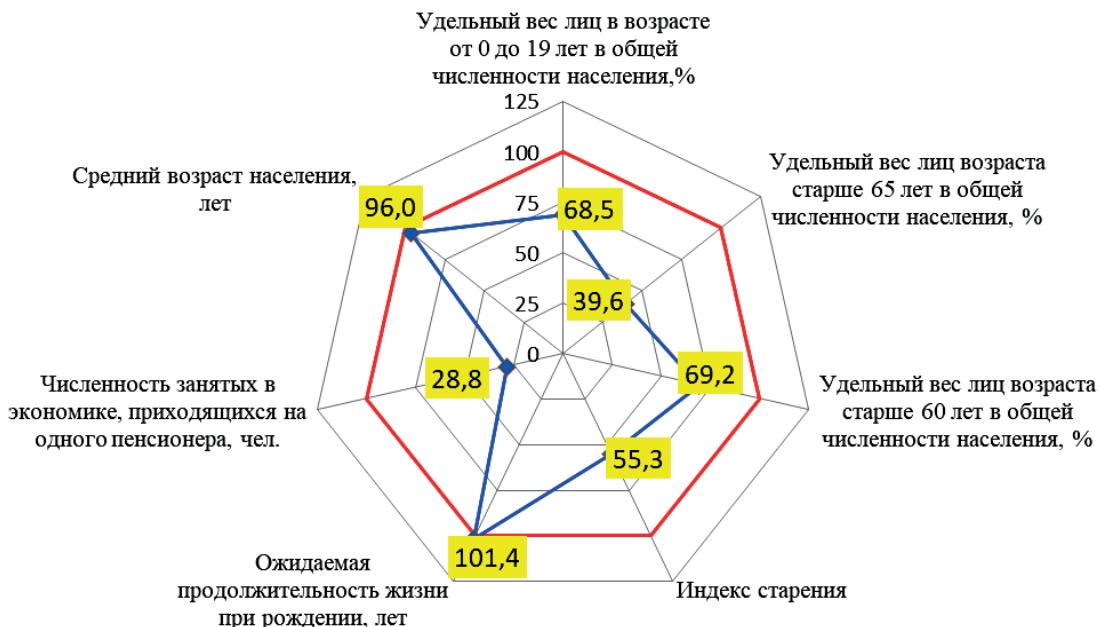

Рис. 9. Распределение нормированных значений индикаторов оценки экономической безопасности Республики Мордовия (проекция демографического старения населения) по зонам риска

Показатель удельного веса лиц старше 65 лет в общей численности населения, превышающий пороговое значение почти в пять раз, находится в зоне «критического риска». Такая ситуация ведет к развитию кризисных явлений в экономике:

- увеличение числа пожилых людей может привести к росту заболеваемости и потребности в медицинских услугах, что создаст дополнительные потребности в ресурсном обеспечении системы здравоохранения;
- увеличивающийся недостаток рабочей силы может привести к снижению производительности и замедлению экономического роста. Дополнительное негативное влияние может проявляться в нестабильной занятости людей старшего возраста и существенном уменьшении горизонта планирования у хозяйствующих субъектов;
- рост числа пенсионеров создает дополнительные финансовые расходы социального характера, что при сохранении тенденции

в долгосрочной перспективе может привести к повышению фискальной нагрузки или к сокращению социальных выплат;

- в условиях слабого развития систем гериатрической помощи могут возникать риски, связанные с социальной изоляцией и ухудшения качества жизни пожилых людей;
- необходимость существенных инвестиций в адаптацию городской инфраструктуры для удовлетворения потребностей пожилых людей (доступность общественных пространств, объектов социально-культурной и медицинской инфраструктуры, транспорта);
- нарастание необходимости в переобучении стареющего населения и подготовке молодых специалистов для работы с пожилыми людьми, что в условиях уменьшения доли людей молодого возраста приводит к снижению количества обучающихся для производительных секторов экономики;

- кризисы социальной стабильности на основе поколенческих различий в потребностях и ценностях, которые могут усугубляться локационным расслоением общества, когда молодые люди покидают стареющие регионы.

Подобные кризисные ситуации требуют комплексного подхода к их разрешению, включая улучшение здравоохранения, пенсионной системы, социальной инфраструктуры и межгенерационных взаимоотношений.

В зону «значительного риска» вошли следующие показатели: «численность занятых в экономике, приходящихся на одного пенсионера», «индекс старения», «удельный вес лиц возраста старше 60 лет в общей численности населения». Такое положение грозит возникновением следующих кризисных ситуаций:

- низкое соотношение работающих к пенсионерам усиливает дефициты пенсионного обеспечения, что в долгосрочной перспективе может привести к недостатку средств для выплаты пенсий;
- снижение числа граждан в трудоспособном возрасте может привести к снижению налоговых поступлений и, как следствие, уменьшению финансирования государственных программ развития, негативно сказываясь на экономической активности в целом;
- для компенсации нарастающих дефицитов пенсионной системы может потребоваться повышение налогов, что может привести к снижению деловой активности и провоцированию роста теневого сектора экономики;
- очевидный риск — фактический дефицит рабочей силы, который может отчасти быть компенсирован применением современных технологий (роботизация и автоматизация), однако, в свою очередь, может создавать риски «второй волны» — нехватку высококвалифицированных кадров;
- долговременные изменения в структуре потребления, связанные со старением населения, приведут к существенному пересмотру структуры спроса на товары и услуги и, как следствие, к переформатированию и адаптации структуры экономики под потребности стареющего населения.

Заключение. Проведенное исследование ситуации в области демографического старения в Республике Мордовия позволяет сделать вывод об устойчивом неблагоприятном демографическом тренде, который в долгосрочной перспективе может создавать целый комплекс кризисных ситуаций в области экономической устойчивости и безопасности региона.

В целом, необходимо отметить, что влияние демографического старения населения на экономическое развитие в среднесрочной перспективе рассматривается как негативное. В этой связи возникает необходимость комплексного подхода к устранению факторов негативного влияния демографического старения и пересборки социальной политики государства в рассматриваемых условиях. Требуется переход от «управления старением» к «активному долголетию», когда основной акцент будет направлен не на сдерживание процесса старения населения, а на создание условий для активной и здоровой жизни пожилых людей. Именно такой вариант развития обеспечит в долгосрочной перспективе активное включение людей старшего возраста в экономические процессы и социальную жизнь общества. Это, в свою очередь, позволит максимально использовать потенциал «серебряной экономики», снизит нагрузку на пенсионную систему и здравоохранение, а также обеспечит передачу профессионального опыта между поколениями.

Отдельного внимания потребуют вопросы, связанные с регулированием гибких условий труда для людей старшего возраста. Кроме того, активность старшего поколения на рынке труда необходимо поддерживать путем предоставления программ профессионального обучения и перевыквалификации для пожилых людей. Опыт создания университетов для «третьего возраста» позволяет рассматривать подобные затраты как продуктивные инвестиции [15].

Применительно к Республике Мордовия стоит выделить проблему, касающуюся повышения эффективности системы здравоохранения, испытывающей значительную нагрузку за счет увеличения лиц пожилого возраста. Федеральная программа по оптимизации системы здравоохранения в регионе не принесла должных результатов. Недоступность квалифицированной медицинской помощи жителям отдаленных сельских районов обуславливает необходимость привлечения специалистов из республиканских медицинских учреждений, существенного увеличения времени оказания услуг, а именно организацию их выезда в местные поселения.

Очевидна необходимость использования потенциала гериатрии и геронтологии как современных направлений медицины. Финансирование социальных программ в этих областях осложняется ограниченностью бюджетных средств и требует привлечения частного капитала путем стимулирования коммерческих структур к участию в государственных медико-социальных проектах.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что демографическое старение, являясь глобальным демографическим трендом, создает комплекс

взаимосвязанных вызовов и угроз для социально-экономического развития не только государства, но и отдельных регионов. При этом наблюдается ярко выраженная региональная дифференциация старения населения. Ситуация в Республике Мордовия свидетельствует о сокращении численности трудоспособного населения, росте доли пожилых лиц, что порождает риски снижения экономического роста в регионе, увеличения финансового давления на бюджетную систему, напряженности на рынке труда и социальной нестабильности. Для минимизации негативных последствий демографического старения необходима разработка и реализация комплексной стратегии, предполагающей включение вопросов активного долголетия

в региональные и муниципальные регулирующие документы, повышение продуктивности труда, оптимизацию расходов на социальное обеспечение.

Постоянный мониторинг демографических рисков является необходимым условием для своевременной корректировки социально-экономической политики. Только на основе регулярного и системного наблюдения за процессами старения возможно эффективное управление их последствиями и реализация стратегии активного долголетия, особенно в регионах с высоким потенциалом реализации рискобразующих факторов. Это позволит минимизировать негативное воздействие демографических изменений на экономическую безопасность и социальную стабильность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. World Population Prospects 2022. Summary of Results. United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. New York, 2022. 52 p. URL: https://www.un.org/development/desa/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf (дата обращения: 02.04.2025).
2. Глобальные тренды старения населения. Доказательное счастливое долголетие: экспертный обзор / С. Ю. Горбатов. М., 2023. 38 с. URL: <https://miioz.ru/upload/iblock/d2f/d2f826841760ef6eb5c12a6641f2fed5.pdf> (дата обращения: 08.04.2025).
3. Golden Aging: Prospects for Healthy, Active and Prosperous Aging in Europe and Central Asia. Washington, DC: World Bank, 2020–10–07. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/region/eca/publication/golden-aging/> (дата обращения: 25.03.2025).
4. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января. Федеральная служба государственной статистики. 2025. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 25.03.2025).
5. Величковский Б. Т. Социальный стресс, трудовая мотивация и здоровье // Acta Biomedica Scientifica. 2005. № 2. С. 24–36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-stress-trudovaya-motivatsiya-i-zdorovie> (дата обращения: 08.04.2025).
6. Рыбаковский Л. Л. Демографическое будущее России: прогнозы и реальность // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 3. С. 4–15. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.1>.
7. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / пер. с англ. под науч. ред. Р. И. Капелюшникова. М., 2003. 672 с.
8. Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России / под ред. Ю. Г. Лавриковой. Екатеринбург, 2022. 190 с.
9. Майкова С. Э., Егина Н. А. Ключевые детерминанты долгосрочной экономической политики и экономического роста // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. Т. 242. № 4. С. 159–177. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-242-4-159-177>.
10. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 08.04.2025).
11. Старение населения — главная глобальная демографическая тенденция; пандемия может научить нас, как к ней подготовиться. URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/Series/Analytical-Series/aging-is-the-real-population-bomb-bloom-zucker> (дата обращения: 09.04.2025).
12. Региональные особенности демографического развития России в XXI веке / под ред. Л. Л. Рыбаковского. М., 2019. 162 с.
13. Изменение возрастной структуры населения трудоспособного возраста и возрастной профиль занятости в регионах Северо-Западного федерального округа // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2024. № 1 (76). С. 104–115. <https://doi.org/10.52897/2411-4588-2024-1-104-115>.
14. Официальная статистика. Население. // Федеральная служба государственной статистики. 2025. URL: <https://13.rosstat.gov.ru/folder/27964> (дата обращения: 11.04.2025).

15. Ящук А. И. Старение населения: проблема и пути решения // Вестник ВГТУ. 2022. № 2 (43). С. 218–229. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/starenie-naseleniya-problema-i-puti-resheniya> (дата обращения: 21.03.2025).

REFERENCES

1. World Population Prospects 2022. Summary of Results. United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. New York, 2022. 52 p. URL: https://www.un.org/development/desa/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf (date of access: 02.04.2025).
2. Global Trends in Population Aging. Evidence-Based Happy Longevity: Expert Review / S. Yu. Gorbatov. Moscow, 2023. 38 p. URL: <https://niioz.ru/upload/iblock/d2f/d2f826841760ef6eb5c12a6641f2fed5.pdf> (date of access: 08.04.2025).
3. Golden Aging: Prospects for Healthy, Active and Prosperous Aging in Europe and Central Asia. Washington, DC: World Bank, 2020–10–07. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/region/eca/publication/golden-aging/> (date of access: 25.03.2025).
4. Population of the Russian Federation by Sex and Age as of January 1. Text: electronic. Federal State Statistics Service. 2025. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (date of access: 25.03.2025).
5. Velichkovsky B. T. Social Stress, Work Motivation and Health. Acta Biomedica Scientifica. 2005. No. 2. Pp. 24–36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-stress-trudovaya-motivatsiya-i-zdorovie> (date of access: 08.04.2025).
6. Rybakovsky L. L. The Demographic Future of Russia: Forecasts and Reality. Population. 2023. Vol. 26. No. 3. Pp. 4–15. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.1>.
7. Becker G. Human Behavior: An Economic Approach. Selected Works on Economic Theory. Trans. from English, scientific editor R. I. Kapelyushnikov. Moscow, 2003. 672 p.
8. The Concept of Active Longevity: Opportunities and Limitations of Implementation in Russia / edited by Yu. G. Lavrikova. Yekaterinburg, 2022. 190 p.
9. Maykova S. E., Yegina N. A. Key Determinants of Long-Term Economic Policy and Economic Growth. Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2023. Vol. 242. No. 4. Pp. 159–177. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2023-242-4-159-177>.
10. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400. «On the National Security Strategy of the Russian Federation». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (date of access: 08.04.2025).
11. Population Aging — the Main Global Demographic Trend; the Pandemic Can Teach Us How to Prepare for It. URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/Series/Analytical-Series/aging-is-the-real-population-bomb-bloom-zucker> (date of access: 09.04.2025).
12. Regional Features of Demographic Development of Russia in the 21st Century / edited by L. L. Rybakovsky. Moscow, 2019. 162 p.
13. Changes in the Age Structure of the Working-Age Population and the Age Profile of Employment in the Regions of the Northwestern Federal District. Economics of the Northwest: Problems and Development Prospects. 2024. No. 1 (76). Pp. 104–115. <https://doi.org/10.52897/2411-4588-2024-1-104-115>.
14. Official Statistics. Population. Federal State Statistics Service. 2025. URL: <https://13.rosstat.gov.ru/folder/27964> (date of access: 11.04.2025).
15. Yashchuk A. I. Population Aging: Problem and Solutions. Bulletin of VSTU. 2022. No. 2 (43). Pp. 218–229. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/starenie-naseleniya-problema-i-puti-resheniya> (date of access: 21.03.2025).

Поступила в редакцию: 15.04.2025.

Принята к печати: 17.07.2025.

УДК 336.226.11:657.1
DOI 10.14258/epb202545

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМА БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА ОТЧИСЛЕНИЙ В ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВНЕБЮДЖЕТНЫЕ ФОНДЫ И НАЛОГА НА ДОХОДЫ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Т. М. Мезенцева, М. О. Лукашевич, В. А. Разоренова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия)

Статья посвящена реформированию вопросов, связанных с законодательством в области налога на доходы физических лиц и отчислений в государственные внебюджетные фонды. Именно эти вопросы являются наиболее злободневными для российского бизнеса и наиболее часто подвергаются изменениям. И налог на доходы физических лиц, и отчисления в государственные внебюджетные фонды имеют единую облагаемую базу: начисленный фонд оплаты труда работника организации. Налог на доходы физических лиц (НДФЛ) является одним из наиболее собираемых и контролируемых налогов. Именно этот налог позволяет проявить гражданскую ответственность каждого работающего гражданина перед нашей страной. Отчисления в государственные внебюджетные фонды, осуществляемые работодателем, повышают его ответственность перед работником, чей труд используется в части социальной защищенности работающих.

Приведены результаты исследования механизма бухгалтерского учета отчислений в государственные внебюджетные фонды и налога на доходы физических лиц и даны рекомендации по его совершенствованию. Проанализированы изменения налогового законодательства по начислению и уплате страховых взносов для предприятий, входящих в перечень предприятий, имеющих льготные тарифы. Определены изменения законодательства для налога НДФЛ в 2025 году, проведено сравнение нововведений с действующим законодательством. Предложены рекомендации по внедрению нововведений в бухгалтерский учет производственного предприятия.

Ключевые слова: страховые взносы, внебюджетные фонды, налог на доходы физических лиц, бухгалтерский учет, зарубежный опыт, налоговая реформа

STUDY OF THE ACCOUNTING MECHANISM FOR CONTRIBUTIONS TO STATE OFF-BUDGET FUNDS AND PERSONAL INCOME TAX (PIT)

Т. М. Мезенцева, М. О. Лукашевич, В. А. Разоренова

Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

The article is devoted to reforming issues related to the legislation on personal income tax and contributions to state non-budgetary funds. These issues are the most pressing for Russian business and are most often subject to changes. Both personal income tax and contributions to state non-budgetary funds have a single taxable base: the accrued payroll of an employee of the organization. Personal income tax is one of the most collected and controlled taxes. It is this tax that allows to show the civil responsibility of each working citizen to our country. Contributions to state extra-budgetary funds, carried out by the employer, increase his responsibility to the employee, whose labor is used, in terms of social security of the working people.

The results of study of the accounting mechanism of deductions to state non-budgetary funds and personal income tax and gives recommendations for its improvement. The changes in the tax legislation on accrual and payment of insurance contributions for the enterprises included in the list of enterprises with preferential tariffs are analyzed. The changes of legislation for personal income tax in 2025 are determined, the comparison of innovations with the current legislation is carried out. Recommendations for the implementation of innovations in the accounting of a production enterprise are offered.

Keywords: insurance contributions, off-budget funds, personal income tax, accounting, international experience, tax reform.

Введение. Реформирование налоговой системы — один из способов управления бюджетом страны. Усилия правительства чаще всего сосредоточены на основных налогах, применяемых к работодателям, таким как налог на прибыль и налог на добавленную стоимость (НДС), составляющих основную часть доходов бюджета, а также на обязательных страховых взносах, так называемых социальных налогах, уплачиваемых в государственные внебюджетные фонды. Не остается без внимания и налог, взимаемый с доходов граждан — налог на доходы физических лиц (НДФЛ).

Как показывает практика, на протяжении всего периода развития рыночной экономики тема начисления страховых взносов и НДФЛ в Российской Федерации, а также их отчисления во внебюджетные фонды и бюджет государства, остается по-прежнему актуальной. Это связано с тем, что в современной российской экономике страховые взносы, направленные на усиление социальной защищенности граждан нашей страны, а также налог на доходы физических лиц, подвергаются регулярным изменениям.

В связи с этим вопросы, рассматриваемые в данной работе, направлены на изучение мирового опыта, анализ требований действующего в Российской Федерации законодательства, учет изменений в 2025 году, связанных с обязательными взносами в государственные внебюджетные фонды, проведение оценки современных подходов к учету НДФЛ и их трансляцию в бухгалтерский учет производственного предприятия, сравнение тарифов обязательного страхования, внедрение новых изменений законодательства в бухгалтерский учет предприятия, имеющего льготный тариф. Уделено внимание выработке рекомендаций по совершенствованию механизма отражения в бухгалтерском учете отчислений в единый Фонд пенсионного и социального страхования РФ.

Вопросы изменения в начислении, расчетах, отражении в бухгалтерском учете НДФЛ и взносов в государственные внебюджетные фонды всегда были в поле зрения специалистов экономики, как ученых, так и практиков. Авторами был проведен аналитический обзор последних публикаций на эту тему и использован при написании данной статьи.

Так, Е. В. Балацкий и Н. А. Екимова в работе «Оценка фискальной и социальной эффективности реформирования индивидуального подоходного налогообложения в России» очень подробно уделяют внимание указанным проблемам. Статья служит основой для анализа фискальной и социальной эффективности налоговых реформ, включая переход к прогрессивной шкале НДФЛ. Она является методологической основой для оценки налого-

вых реформ, включая анализ фискальной устойчивости и социального эффекта. Авторы разработали критерии оценки эффективности налоговых изменений, которые были адаптированы в исследуемой работе для анализа реформ 2025 года. Использование их выводов о важности баланса между фискальными целями и социальной справедливостью усиливает аргументацию в пользу прогрессивной шкалы НДФЛ [1, с. 175–193].

Статья Е. В. Мартыновой и А. В. Полбина «Сценарная оценка эффектов прогрессивного налогобложения» является основой для прогнозирования макроэкономических эффектов прогрессивной шкалы НДФЛ. Их анализ влияния прогрессивной шкалы на доходы бюджета был напрямую использован в таблицах сравнения НДФЛ за 2024–2025 гг. [2, с. 8–30].

Важной для изучения рассматриваемого направления является статья Т. С. Новиковой «К вопросу о введении прогрессивной шкалы НДФЛ в России», она полезна для обоснования необходимости прогрессивной шкалы. Аргументы автора о социальной справедливости прогрессивной шкалы стали ключевым элементом исследуемой работы. Ее расчеты по перераспределению налоговой нагрузки между доходными группами адаптированы для анализа изменений 2025 года [3, с. 358–86].

Работа В. А. Фадеевой, Е. В. Бориной, С. В. Старцевой «Социальный фонд России» использована в нашем исследовании для анализа структуры и функций Социального фонда России (СФР), созданного в 2023 году. Статья стала ключевым источником для описания структуры и функций СФР, что позволило авторам работы обосновать преимущества объединения фондов. Данные о сокращении административных издержек после создания СФР, приведенные в статье, были использованы для аргументации в пользу единого платежа. Практические рекомендации по оптимизации взаимодействия с бизнесом легли в основу предложений по упрощению учетных процессов [4, с. 29–31].

Статья Н. А. Третьяковой, М. И. Левченко, О. В. Пономарева «Социальный фонд Российской Федерации: регулирование, предпосылки и перспективы» использована для анализа правовых аспектов регулирования СФР. Информация о правовых основах СФР позволила авторам работы четко описать регулирующую роль фонда. Рекомендации по оптимизации тарифов помогли структурировать раздел о льготах для предприятий [5, с. 154–156].

Исследование С. С. Гусейхановой «Анализ деятельности Фонда социального страхования РФ» содержит оценку исторического контекста ФСС и его трансформации в СФР. Работа стала основой для критического анализа недостатков ФСС, что помогло авторам обосновать необходимость создания

СФР. А ее выводы о важности прозрачности в управлении фондами были учтены при разработке рекомендаций по цифровизации учета. Статистические данные из статьи использованы для сравнения эффективности ФСС и СФР [6, с. 121–124].

Статья В. В. Громова «Администрирование социальных платежей за рубежом: тенденции и оценка применения в России» послужила источником международного опыта в исследуемом вопросе. Несмотря на то, что данные 2015 года устарели, особенно в части законодательства ЕС и США, где за последние 10 лет произошли значительные изменения (например, введение цифровых платформ для уплаты налогов), статья все равно послужила значимым источником знаний. В работе представлены результаты ценного сравнительного анализа систем социальных платежей в ЕС и США, что помогло авторам выделить лучшие практики для адаптации в России. Рекомендации В. В. Громова по автоматизации платежей были частично реализованы в предложении о едином налоговом платеже (ЕНП). Исторический контекст из работы В. В. Громова позволяет подчеркнуть эволюцию российских внебюджетных фондов [7, с. 80–88].

Статья А. А. Трофимова «О государственных внебюджетных фондах» использована для описания роли внебюджетных фондов в налоговой системе. Его выводы о важности баланса между фискальной нагрузкой и поддержкой бизнеса были учтены при анализе льготных тарифов. Критика избыточной бюрократии в статье мотивировала авторов предложить упрощение платежей через ЕНП [8, с. 20–24].

Исследование А. В. Распутиной «Особенности бюджетного учета в государственных внебюджетных фондах» использовано для анализа исторических аспектов учета в фондах. В статье представлено детальное описание учетных механизмов, что позволило авторам работы разработать «Ведомость начисления страховых взносов». Ее анализ ошибок в учете взносов был учтен при формулировании рекомендаций по автоматизации процесса. Исторические данные об эволюции учета в фондах помогли обосновать необходимость реформ [9, с. 38–45].

Статья М. А. Тищенко «Бухгалтерский учет как система» послужила теоретической базой для описания учетных механизмов. Очень интересны ее идеи о взаимосвязи учетных процессов и стратегического планирования [10, с. 40–48].

Формирование государственных социальных фондов. Государственное социальное страхование — это одна из форм социальной защиты населения, применяемая во многих странах мира. Основы этого были заложены в 1883 году О. Бис-

марком в Германии. В 1903 году в России был принят закон о компенсации рабочим, пострадавшим на производстве. Данный закон стал первым документом, в котором был внедрен механизм обязательного страхования по конкретному социальному риску. В Российской Федерации был создан внебюджетный фонд в 1991 г., основной задачей которого является реализация конституционных прав граждан на пенсионное обеспечение, социальную защиту и доступ к медицине и здравоохранению. С тех пор в этой сфере происходило много изменений. С начала 2023 года в России вместо Пенсионного фонда России (ПФР) и Фонда социального страхования (ФСС) создан и действует единый Фонд пенсионного и социального страхования. Сокращенное его название — Социальный фонд России (СФР). Взносы на пенсионное и социальное страхование (ОПС), медицинское страхование (ОМС), на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством (ВНиМ) начисляют по единому тарифу. Отдельно считают взносы по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (на травматизм), взносы по дополнительным тарифам и дополнительные взносы на накопительную пенсию.

В Российской Федерации работодатели обязаны уплачивать обязательные взносы за каждого работника, обеспечивая тем самым социальную поддержку государства. Это требование установлено действующим законодательством и распространяется как на трудовые выплаты, так и на оплату труда индивидуальных предпринимателей, адвокатов и других самозанятых лиц.

Взносы на обязательное пенсионное страхование для организаций, не подпадающих под льготы, составляют 30% от фонда заработной платы. Базовая величина для расчета этих взносов устанавливается ежегодно и подлежит индексации. В 2024 году этот показатель составлял 2 225 000 рублей, а в 2025 году он увеличился до 2 759 000 рублей.

С целью стимулирования экономической активности законодательство Российской Федерации определяет единый тариф на обязательное страхование работников от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в размере 15%.

- начиная с 2024 года — с сумм, превышающих размер МРОТ;
- начиная с 2025 года — с доходов, превышающих МРОТ, увеличенный в 1,5 раза.

Актуальные условия выплаты заработной платы работникам в Российской Федерации при соблюдении норм устанавливают, что минимальный

уровень заработной платы должен составлять 1,5 от МРОТ. Вследствие этого общая сумма отчислений в фонды обязательного социального страхования составит 30% от названной суммы. Порядок получения налоговых льгот будет действовать для всех резидентов специализированных экономических зон, удобных для ведения бизнеса.

Однако стоит учитывать, что доход от производства, попадающего под льготные условия начисления взносов, должен быть не ниже 70% от общего дохода предприятия, иначе льготные условия не применяются.

С 2025 года в российском законодательстве произошли изменения в налогообложении в области обязательного социального страхования и налога на доходы физических лиц. Согласно запланированным нормам, реализована возможность применения дифференцированных ставок налога на доходы физических лиц, что определяется величиной и типом дохода.

С 1 января 2025 года внесены изменения в тарифы по страховым взносам для отдельных категорий. Теперь тариф взносов будет составлять 7,6% вместо 15% для организаций и ИП с основным видом деятельности «Обрабатывающие производства», применяется он к выплатам работников, превышающих федеральный МРОТ.

В описанной ситуации взносы, осуществляющиеся в государственные внебюджетные фонды, имеют фиксированный размер и предназначены для определенных категорий учреждений, что не подлежит обсуждению.

В 2024 году размер таких начислений составлял 49 500 рублей, а в 2025 году — 53 658 рублей. Также предусмотрено обязательное дополнитель-

ное страхование в размере 1% от суммы прибыли, превышающей 300 000 рублей, однако общий объем взносов в фонды не должен превышать 277 571 рублей в 2024 году и 300 888 рублей в 2025 году.

Распоряжением Правительства РФ от 11.12.2024 № 3689-р утвержден перечень видов деятельности для предприятий, которые применяют льготу по страховым взносам. В частности, к таким предприятиям относятся предприятия малого и среднего предпринимательства (МСП), которые выпускают продукты, фармсубстанции, ткани и одежду, изделия из пластика и стекла, бытовые приборы и др.

Условия применения льготы сохраняются, и они следующие:

- страхователи не работают с рядом подакцизных товаров;
- страхователи соблюдают требования по доходам¹.

Механизм начисления и уплаты взносов в СФР в бухгалтерском учете. Бухгалтерский учет начисления и уплаты взносов в СФР ведется персонифицировано, по каждому работнику. Кроме начисления самих взносов, важно следить за базой начисления страховых взносов, так как при достижении ее предельной величины (275 900 в 2025 году) меняется тариф взносов. С общего тарифа в 30% тариф становится 15,1%. Для начисления страховых взносов мы разработали «Ведомость начисления страховых взносов во внебюджетные фонды» (табл. 1), которую предлагаем использовать. В ней показан процесс начисления страховых взносов в СФР (по общему тарифу — 30%) и в фонд травматизма (в примере взят тариф — 0,9%) за квартал.

Таблица 1

Ведомость начисления страховых взносов во внебюджетные фонды

Работник	период	Начислено за месяц	База для начисления страховых взносов в СФР	Начислено страховых взносов в СФР (30%)	Начислено страховых взносов в фонд травматизма (0,9%) Д-20 К69 (ТР)
Петров А. В.	январь	78000	78000	23400 (78000*30%)	702 (78000*0,9%)
	февраль	60000	138000	18000 (138000*30%) — 23400	540 (138000* 0,9%) — 702
	март	80000	218000	24000 (218000*30%) — 23400-18000	720 (218000* 0,9%) — 702-540
Итого Петров А. В. за первый квартал				65400	1962
Михайлов С. К.	январь	84500	84500	25350 (84500*30%)	761 (84500*0,9%)
	февраль	65000	149500	19500 (149500) *30% — 25350	584 (149500* 0,9%) — 761
	март	70000	214500	21000 (214500*30%) — 25350-19500	631 (214500* 0,9%) — 761-584
Итого Михайлов С. К. за первый квартал				65850	1976

¹ Сайт КонсультантПлюс. Новости / Пониженные взносы для обрабатывающего производства с 2025 года: утверждены виды деятельности. URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/27235/>.

Для примера рассматриваем начисления по двум работникам (А. В. Петрову и С. К. Михайлову) за каждый месяц квартала. База для начисления страховых взносов и для СФР, и для фонда травматизма формируется одинаково. Поэтому порядок начисления одинаков, разница только в применяемых тарифах. Все начисления по каждому периоду увеличивают базу следующего периода. Таким образом, базой начисления является сумма всех облагаемых выплат за текущий месяц и всех начисленных выплат за предыдущие периоды. Расчет страховых взносов происходит следующим образом. База начисления умножается на тариф, а затем полученный итог уменьшается на сумму всех уплаченных взносов за предыдущие периоды. Такой процесс начисления взносов происходит в течение текущего года. В следующем году все предыдущие начисления обнуляются и формируется новая база. Взносы по единому тарифу перечисляют как единый налоговый платеж (ЕНП) не позднее 28 числа следующего месяца. В налоговую инспекцию подают уведомление о сумме платежа. Взносы по травматизму платят отдельно не позднее 15 числа следующего месяца. Объединение платежей и начислений страховых взносов для СФР, а также для фонда травматизма, на наш взгляд, уменьшило бы объем работы бухгалтерии. Единый платеж во все внебюджетные государственные фонды удобен для организаций и различных предпринимателей. Это способствовало бы соблюдению дисциплины указанных платежей. В бухгалтерском учете по этим фактам хозяйственной жизни будут формироваться следующие проводки:

1. Сформирована база начислений (по всем видам оплаты труда)

Д 20 (23, 25, 26, 29, 44) К 70.

2. Начислено взносов в СФР (30% от сформированной базы начислений)

Д-20 (23, 25, 26, 29, 44) К69 (СФР):

3. Начислено взносов в фонд травматизма (0,9% от сформированной базы начислений)

Д-20 23, 25, 26, 29, 44) К69 (ТР).

4. Произведено перечисление начисленных взносов в СФР (30%)

Д-69 (СФР) К51.

5. Произведено перечисление начисленных взносов в фонд травматизма (0,9%)

Д-69 (ТР) К51.

Начисление налога на доходы физических лиц (НДФЛ). Неоднократные изменения в налогообложении доходов физических лиц свидетельствуют о том, что современное налоговое законодательство постоянно меняется и необходимо

постоянно следить за новшествами, чтобы правильно вести учет налогов и избежать штрафов. Ранее правительство применяло реформирование ставок НДФЛ. Прогрессивная шкала по налогу с доходов физических лиц существовала в нашей стране с 1992 до 2001 года, минимальная ставка в то время составляла 12%, а максимальная — 35% в зависимости от уровня дохода. Затем на 20 лет была введена общая ставка 13%, которая действовала вплоть до 2021 года.

Прогрессивная шкала НДФЛ со ставками в размере 13–22% в зависимости от дохода с 1 января 2025 года заменяет собой действующую с 1 января 2021 года двухступенчатую систему налогообложения, которая является плоской шкалой налогообложения доходов физических лиц с элементами прогрессии и предусматривает следующие ставки:

- 13% с суммы совокупного дохода до 5 млн руб. в год;
- часть доходов, превышающая 5 000 000 рублей, облагается по ставке 15%, что эквивалентно 416 667 рублей в месяц, или 20 833 рубля в день.

Следует отметить, что 19 августа 2024 года Федеральная налоговая служба России представила важное разъяснение о внесении изменений в налоговую политику на 2025 год. В соответствии с введением новых постановлений вводится динамичное налогообложение, которое предполагает разные ставки для различных уровней доходов.

Введенные ставки следующие:

- 13% для доходов до 2,4 млн руб.;
- 15% для сумм от 2,4 млн до 5 млн руб.;
- 18% для доходов от 5 млн до 20 млн руб.;
- 20% для доходов от 20 млн и до 50 млн руб.;
- 25% для всех сумм, превышающих 50 млн руб.

В то время как в 2024 году совокупный доход до 5 млн руб. облагался по ставке 13%, при среднемесячном доходе до 416,7 тыс. руб. и только свыше 5 млн руб. по ставке — 15%.

Соответственно, в 2024 году вся налогооблагаемая база совокупного дохода свыше 5 млн руб. облагалась по ставке 15%, тогда как начиная с 1 января 2025 года происходит градация ставок налога, а значит, и сумм начисляемого налога, в зависимости от налогооблагаемой базы совокупного дохода.

Устанавливаются особые ставки налога на сумму дохода, превышающую установленный предел. В случае применения ставки налога 15% к доходу в пределах от 2,4 млн до 5 млн руб., налог на доход до 2,4 млн руб. составит 312 тыс. руб. по ставке 13%. Остаток дохода будет обложен по ставке 15%².

² Новости налогового законодательства / С 2025 года вводятся прогрессивные ставки при налогообложении НДФЛ. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn53/news/tax_doc_news/15155656.

Для наглядности произведем расчет суммы НДФЛ по действующим ставкам 2024 года и по новой прогрессивной шкале в 2025 году при ежемесячном доходе физического лица в сумме 955000 руб. в месяц, вычеты и льготы физическое лицо не имеет.

Совокупный доход в 2024 и 2025 году составляет одинаковую сумму: 955000 руб.*12 мес.=11 460 000 руб., однако сумма налога в 2024 году и 2025 году будет различной.

Произведенные расчеты предполагаемого налога НДФЛ с доходов физического лица, а также полученные данные представлены в сравнительной таблице 2.

В 2024 году — сумма начисленного НДФЛ равна 1 619 000 руб., а в 2025 году — 1 864 800 руб. Как видим, прирост суммы налога, начисленного с совокупного налога, будет составлять +245 800 руб. Таким образом, разница в 245 800 руб. — это та сумма, которую получит бюджет по итогам 2025 года. Самозанятые и индивидуальные предприниматели на специальных режимах не попадают под прогрессивную шкалу НДФЛ, так как они не являются плательщиками данного вида налога.

Старый порядок налогообложения сохраняется в отношении некоторых категорий граждан. К ним относятся граждане — участники СВО и граждане, работающие в районах Крайнего Севера и приравненных к ним областям.

В письме, полученном 19.08.2024 от Федеральной налоговой службы, разъясняются ставки НДФЛ, которые применяются к определенным категориям доходов налогоплательщиков-резидентов. К ним относятся:

- денежные поступления, облагаемые НДФЛ за вычетом различных льгот, в том числе общефедеральных стандартов по налоговым вычетам и средств, предназначенных для целевого накопления на индивидуальных пенсионных счетах;
- выигрыши, полученные в игорном бизнесе;
- дивидендные выплаты участникам инвестиционных фондов;
- получение контролируемыми иностранными компаниями доходы, включая фиксированные выплаты.

Сравнение начисленного налога НДФЛ за 2024–2025 гг.

Таблица 2

Период начисления	Расчет налога НДФЛ за 2024 год, руб.	Расчет налога НДФЛ за 2025 год, руб.
Январь	Сумма налога = 955000*13%=124150	Сумма налога = 955000*13%=124150
Февраль	Сумма налога = 955000*13%=124150	Сумма налога = 955000*13%=124150
Март	Сумма налога = 955000*13%=124150	Совокупный доход=955000*3=2865000 (ставка 15% с суммы превышения). Сумма налога до превышения = (955000–465000) *13%=63700; Сумма налога после превышения = 465000*15%=69750. Сумма налога за март 2025 = 63700+69750=133450
Апрель	Сумма налога = 955000*13%=124150	Сумма налога = 955000*15%=143250
Май	Сумма налога = 955000*13%=124150	Сумма налога = 955000*15%=143250
Июнь	Совокупный доход=955000*6=5730000 (ставка 15% с суммы превышения). Сумма налога до превышения = (955000–730000) *13%=29250; Сумма налога после превышения = 730000*15%=109500. Сумма налога за июнь 2024 = 29250+109500=138750	Совокупный доход=955000*6=5730000 (ставка 18% с суммы превышения). Сумма налога до превышения = (955000–730000) *15%=33750; Сумма налога после превышения = 730000*18%=131400. Сумма налога за июнь 2025 = 33750+131400=165150
Июль	Сумма налога = 955000*15%=143250	Сумма налога = 955000*18%=171900
Август	Сумма налога = 955000*15%=143250	Сумма налога = 955000*18%=171900
Сентябрь	Сумма налога = 955000*15%=143250	Сумма налога = 955000*18%=171900
Октябрь	Сумма налога = 955000*15%=143250	Сумма налога = 955000*18%=171900
Ноябрь	Сумма налога = 955000*15%=143250	Сумма налога = 955000*18%=171900
Декабрь	Сумма налога = 955000*15%=143250	Сумма налога = 955000*18%=171900
Итого сумма НДФЛ:	1619000	1864800

Таким образом, новая налоговая система разнообразит виды налогообложения и увеличит количество реквизитов, позволяющих соблюдать налоговые обязательства более эффективно. Налоговые ставки в размере 9, 30 и 35% не претерпели изменений. Однако изменения затронули порядок налогообложения доходов нерезидентов, осуществляющих трудовую деятельность. Они теперь подлежат обложению по ставкам, равным ставкам для резидентов³. К тому же процентные ставки по депозитам и остаткам счетов нерезидентов составляют фиксированные 15%. В случае прочих категорий доходов ставки остаются прежними.

В бухгалтерском учете для начисления и уплаты налога на доходы физических лиц применяются следующие проводки:

1. Сформирована база начислений (по всем видам оплаты труда) НДФЛ:

Дт. 20 (23, 25, 26, 29, 44) Кт. 70.

2. Удержан НДФЛ от сформированной базы начислений:

Д 70 К 68 (НДФЛ).

3. Произведено перечисление удержанного (начисленного) НДФЛ:

Д- 68 (НДФЛ) К51.

4. Исправлена ошибка по излишне удержанному (начисленному) НДФЛ:

Д 70 К68 (НДФЛ) СТОРНО.

5. Возвращен излишне удержаненный (начисленный) НДФЛ:

Д70 К 51 (50).

Рекомендации для производственного предприятия. Внедрение нововведений в бухгалтерский учет можно будет реализовать, опираясь на опыт прошлых лет. Для этого необходимо провести ряд мероприятий:

- закрепить нововведения в учетной политике, где подробно изложить применяемые с 2025 года прогрессивные ставки с указанием сумм превышения, в отношении которой применяется прогрессивная ставка;
- таким же образом следует поступить с тарифными ставками по взносам, отчисляемым в государственные внебюджетные фонды, действующими с 2025 года. Отразить их размеры и условия применения в соответ-

ствии с видом деятельности компании. Если это льготные ставки, то указать уровень дохода и перечень подакцизных товаров, с которыми компания не будет работать;

- далее необходимо настроить программное обеспечение с учетом изменений, для полноты отражения в учете сумм НДФЛ и взносов на обязательное пенсионное и социальное страхование, а также настроить все виды отчетности, связанные с ними;
- для начисления страховых взносов следует настроить программное обеспечение, учитывающее разработанную нами «Ведомость начисления страховых взносов во внебюджетные фонды» (табл. 1).

Проведя комплекс мероприятий с учетом требований налогового законодательства, предприятие сможет полноценно вести бухгалтерский учет с учетом изменений.

Выводы. Резюмируя вышеизложенное, отметим, что какие бы ни были изменения в законодательстве, они направлены на улучшение жизнедеятельности компаний, а также на обеспечение социальных гарантий работающих граждан. Можно также сделать вывод, что изменения в начислении НДФЛ и взносов в государственные внебюджетные фонды носят регулирующий и обеспечивающий характер.

Данные нововведения направлены на обеспечение увеличения доходов бюджета страны, а также для стимулирования хозяйственной деятельности отдельных видов отраслей народного хозяйства, развитие производственной сферы в разных секторах российской экономики и обеспечение гарантий страхования работающим гражданам.

Предложенное нами объединение платежей и начислений страховых взносов для СФР, а также для фонда травматизма, уменьшит объем работы бухгалтерии. Единый платеж во все внебюджетные государственные фонды удобен для организаций и различных групп предпринимателей и способствовал бы соблюдению организациями дисциплины указанных платежей. Это в значительной мере должно помочь стабилизировать экономику страны в санкционных условиях, и предотвратить рост инфляции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балацкий Е. В., Екимова, Н. А. Оценка фискальной и социальной эффективности реформирования индивидуального подоходного налогообложения в России // Journal of Applied Economic Research. 2021. Т. 20. № 2. С. 175–193.

³ Новости налогового законодательства / С 2025 года вводятся прогрессивные ставки при налогообложении НДФЛ. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn53/news/tax_doc_news/15155656.

2. Мартынова Е. В., Полбин А. В. Сценарная оценка макроэкономических эффектов прогрессивного налогообложения в России // Финансовый журнал. 2024. Т. 16. № 1. С. 8–30.
3. Новикова Т. С. К вопросу о введении прогрессивной шкалы НДФЛ в России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 5. С. 58–86.
4. Фадеева В. А., Борина Е. В., Старцева С. В. Социальный фонд России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023 № 10–2. С. 29–31.
5. Третьякова Н. А., Левченко М. И., Пономарев О. В. Социальный фонд Российской Федерации: регулирование, предпосылки и перспективы // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5. С. 154–156.
6. Гусейханова С. С. Анализ и оценка деятельности Фонда социального страхования РФ // Экономика и бизнес: теория и практика. № 58. 2019. С. 121–124.
7. Громов В. В. Администрирование социальных платежей за рубежом: тенденции и оценка применения в России // Финансовый журнал. 2015. № 2. С. 80–88.
8. Трофимов А. А. О государственных внебюджетных фондах // Финансы. 2015. № 10. С. 20–24.
9. Распутина А. В. Особенности бюджетного учета в государственных внебюджетных фондах // Байкальский государственный университет. 2016. Т. 7, № 2. С. 38–45.
10. Тищенко М. А. Бухгалтерский учет как система // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2019. № 1. С. 40–48.

REFERENCES

1. Balatsky E. V., Ekimova N. A. Assessment of fiscal and social efficiency of reforming individual income taxation in Russia. Journal of Applied Economic Research. 2021. Vol. 20. No. 2. Pp. 175–193.
2. Martyanova E. V., Polbin A. V. Scenario assessment of macroeconomic effects of progressive taxation in Russia. Financial Journal. 2024. Vol. 16. No. 1. Pp. 8–30.
3. Novikova T. S. On the introduction of a progressive scale of personal income tax in Russia. Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2024. No. 5. Pp. 58–86.
4. Fadeeva V. A., Borina E. V., Startseva S. V. Social fund of Russia. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. Vol. 10–2. Pp. 29–31.
5. Tretyakova N. A., Levchenko M. I., Ponomarev O. V. Social fund of the Russian Federation: regulation, prerequisites, and prospects. Law and state: Theory and Practice. 2023. No. 5. Pp. 154–156.
6. Guseikhanova S. S. Analysis and assessment of the activities of the Social insurance fund of the Russian Federation. Economics and Business: theory and practice. 2019. No. 58. Pp. 121–124.
7. Gromov V. V. Administration of social payments abroad: trends and assessment of application in Russia. Financial Journal. 2015. No. 2. Pp. 80–88.
8. Trofimov A. A. On state off-budget funds. Finance. 2015. No. 10. Pp. 20–24.
9. Rasputina A. V. Features of budget accounting in state off-budget funds. Baikal State University. 2016. Vol. 7, No. 2. Pp. 38–45.
10. Tishchenko M. A. Accounting as a system. Bulletin of Buryat State University. Economics and Management. 2019. No. 1. Pp. 40–48.

Поступила в редакцию: 17.04.2025.

Принята к печати: 24.06.2025.

УДК 331.108 / 34.09 / 796.062
DOI 10.14258/epb202546

ОБ УПРАВЛЕНИИ ДЕЛОВОЙ КАРЬЕРОЙ СОВЕРШЕННОЛЕТНИХ СТУДЕНТОВ, ПОЛУЧАЮЩИХ СРЕДНЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

И.И. Самсонов

Центр спортивной подготовки сборных команд Алтайского края (Барнаул, Россия),
Алтайский институт труда и права (филиала) Академии труда и социальных отношений
(Барнаул, Россия)

В условиях стремительного развития экономики решающее значение в достижении запланированных национальных целей и стратегических задач приобретает квалифицированное кадровое обеспечение. Без внимания не остается и отрасль физической культуры и спорта. В условиях дефицита кадров и необходимости внедрения практико-ориентированного обучения государство, изначально установив жесткие требования к допуску на работу только квалифицированных граждан во всех видах профессиональной деятельности, приступило к внедрению факультативного варианта допуска к работе студентов, начав его с педагогических работников. Так, на законодательном уровне были установлены варианты трудоустройства студентов, получающих высшее образование.

Однако для совершеннолетних студентов, получающих педагогическое среднее профессиональное образование, законодателем установлены факультативные варианты приема на работу, но только по реализации ими образовательных программ дошкольного и начального общего образования. Считая это решение недостаточно обоснованным, авторы предлагают пересмотреть установленные подходы по допуску совершеннолетних студентов, осваивающих программы среднего профессионального образования в области физической культуры и спорта, скорректировав факультативный вариант путем его дополнения образовательными программами основного и среднего общего образования, а также дополнительными общеобразовательными программами.

Ключевые слова: управление кадрами, совершеннолетние студенты, среднее профессиональное образование, педагогические работники, требования к образованию и обучению, спортивная подготовка, дополнительное образование, дополнительные общеобразовательные программы.

ON MANAGING THE BUSINESS CAREER OF ADULT STUDENTS RECEIVING SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION IN THE FIELD OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS

I.I. Samsonov

Center for sports training of national teams of the Altai Territory (Barnaul, Russia),
Altai Institute of Labor and Law (branch) Academy of Labor and social relations (Barnaul, Russia)

In the context of rapid economic development, qualified personnel provision is of decisive importance in achieving planned national goals and strategic objectives. The physical education and sports sector is not left without attention. In the context of personnel shortages and the need to introduce practice-oriented training, the state, having initially established strict requirements for admission to work only for qualified citizens in all types of professional activity, began to introduce an optional option for admission to work for students, starting with teaching staff. Thus, options for employment of students receiving higher education were established at the legislative level.

However, for adult students receiving pedagogical secondary vocational education, the legislator has established optional options for hiring, but only for the implementation of educational programs of preschool and primary general education. Considering this decision to be insufficiently substantiated, the authors propose to

review the established approaches to the admission of adult students mastering secondary vocational education programs in the field of physical education and sports, adjusting the optional option by supplementing it with educational programs of basic and secondary general education, as well as additional general educational programs.

Keywords: human resources management, adult students, secondary vocational education, teaching staff, education and training requirements, sports training, additional education, additional general education programs.

Об актуальности исследования. Согласно национальным целям и стратегическим задачам страны до 2036 года¹, в России необходимо реализовать множество приоритетных направлений в национальной экономике, требующее обеспечения отраслей квалифицированными кадрами, в том числе в области физической культуры и спорта (далее — ФКиС).

На форуме «Россия — спортивная держава» (Уфа, 18.10.2024 г.), на заседании ФУМО СПО по УГПС 49.00.00. «Физическая культура и спорт» (Ярославль, 02.12.2024 г.), на Всероссийской научно-практической конференции «Задачи и перспективы развития физической культуры и спорта в современных условиях» (Кемерово, 13–14.06.2025 г.), а также на итоговой коллегии Минспорта России (Москва, 15.07.2025 г.) заявлялось о недостаточном кадровом обеспечении отрасли ФКиС, в том числе в организациях системы образования и (или) организациях системы спортивной подготовки (далее — СП). По данным Минспорта России на 31.12.2024 г., дефицит «тренеров» и «инструкторов» в стране составляет 2,7 млн чел. [1].

Уровень кадрового обеспечения в отрасли ФКиС влияет не только на осуществление СП. Профессиональная подготовленность тренерского состава является одним из форматов (вариантов) комплектования групп СП [2]. В зависимости от наличия уровня профессионального образования у «тренера» (тренера-преподавателя) он допускается к реализации дополнительных общеобразовательных программ на этапах СП и (или) к работе со спортивными сборными командами различного уровня.

Общеизвестно, что образовательным организациям, в том числе организациям, осуществляющим СП, необходимо реализовывать образовательную программу, а в случае кадрового дефицита это становится практически невозможно. В связи с этим руководство учреждения вынуждено искать решение сложившейся проблемы. Наиболее распространенным вариантом является допуск сту-

дента, получающего высшее образование или СПО в области ФКиС, к реализации образовательных программ различного уровня и подвида (ч. 2, 3, 6 ст. 10 Закона № 273-ФЗ²). Такое явление в профессиональном сообществе получило неофициальное наименование «долгосрочная практическая подготовка». Тем не менее для работодателя привлечение студентов, получающих и высшее образование, и СПО в области ФКиС, является правонарушением. Не углубляясь в виды юридической ответственности за правонарушение, необходимо назвать основную причину привлечения работодателя к ответственности — допуск студента к работе, не соответствующего установленным требованиям к образованию и обучению.

В условиях соблюдения требований законодательства наиболее распространенным правомерным вариантом решения сложившейся ситуации стало объединение (переукомплектование) классов в школах, групп СП в спортивных школах до максимально установленных значений численности, приходящейся на одного руководителя класса, тренера-преподавателя группы. Безусловно, и такой вариант поведения может сопровождаться нарушением требований техники безопасности путем превышения числа учащихся, приходящихся на одного руководителя класса, группы и, как следствие, будет повышаться вероятность возникновения несчастных случаев, снижаться качество СП и пр. Другими словами, государство, изначально установив жесткие требования к допуску на работу только квалифицированных граждан во всех видах профессиональной деятельности, осознав отсутствие вариантов устранения дефицита кадров, приступило к внедрению факультативного варианта поведения — допуску к работе студентов, начав его с педагогических работников [3].

Видимо, все вышеперечисленные причины, в том числе необходимость внедрения практико-ориентированного обучения, а также понимание абсолютной бесполезности искусственного интеллекта в замене работников, относящихся к типу

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2024 № 309. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/> (дата обращения: 24.06.2025).

² Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 24.06.2025).

профессий «человек-человек», работающих в сфере педагогики, просвещения, воспитания, культуры, спорта и т. д. [4], явились основой для инициирования законодателем решения об установлении допуска к работе будущих педагогических работников в области ФКиС, осваивающих образовательные программы высшего образования по специальностям и направлениям подготовки «Образование и педагогические науки»³ по реализации основных общеобразовательных программ и (или) дополнительных общеобразовательных программ в области ФКиС.

В 2020 году на законодательном уровне были установлены варианты трудоустройства студентов, осваивающих программы высшего образования⁴. Но по наиболее востребованным на рынке труда в области ФКиС профессиям «Инструктор» и «Тренер по спорту», требующим наличие только среднего профессионального образования (далее — СПО)⁵, изменений для допуска совершеннолетних студентов не было установлено. Причем для допуска к реализации дополнительных общеобразовательных программ законодатель предоставил работодателям право самостоятельно определять соответствие образовательной программы высшего образования студента, по которой он обучается, направленности дополнительной общеобразовательной программы (ч. 4 ст. 46 Закона № 273-ФЗ⁶). На наш взгляд, решение имеет признаки возможного злоупотребления правом, но оно повышает шансы студента быть трудоустроенным на должность педагогического работника при реализации им дополнительной общеобразовательной программы.

Более того, в настоящее время рассматривается законопроект № 926110–8 о внесении изменений в статью 46 Закона № 273-ФЗ, принятие которого позволит осуществлять допуск студентов, получающих «непедагогическое» высшее образование, к занятию ими педагогической деятельностью по учебным предметам основной образовательной программы начального, основного и среднего общего образования⁷. Это связано с тем, что специалисты по социальному значимым видам деятельности

подготавливаются не только в рамках педагогических специальностей и направлений подготовки, но и по специальностям и направлениям подготовки, имеющим профильную подготовку к профессиональной деятельности, весьма схожей с педагогической деятельностью (культура, физическая культура и спорт, естественно-научные направления и пр.). Например, лица, обучающиеся по образовательным программам высшего образования по направлению подготовки «Физическая культура», на сегодняшний день не могут быть правомерно трудоустроены учителем физической культуры. В то же время они изучают педагогику, психологию, анатомию, возрастные особенности и прочие дисциплины «ядра» подготовки педагогического работника. Но, как мы ранее уже заметили, такие студенты могут быть трудоустроены педагогическими работниками, реализующими только основные и (или) дополнительные общеобразовательные программы в области ФКиС.

Итак, в случае принятия законопроекта № 926110–8 лица, получающие высшее образование по специальностям и направлениям подготовки «Физическая культура и спорт», так же, как и лица, получающие высшее образование по специальностям и направлениям подготовки «Образование и педагогические науки», после трех курсов обучения и успешного прохождения промежуточной аттестации смогут трудоустроиться на должность учителя физической культуры, реализующего образовательную программу с 1 по 11 класс. На наш взгляд, норма закона о том, что соответствие образовательной программы высшего образования, по которой обучается соискатель, определяется работодателем, имеет признаки коррупциогенности. Между тем в образовательные организации, реализующие программы основного и (или) дополнительного образования, малых городов и сельской местности, как правило, трудоустраиваются студенты, осваивающие образовательные программы СПО.

В 2023 году законодатель предусмотрел право на занятие педагогической деятельностью студен-

³ О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и ст. 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике»: Федеральный закон от 24.07.2023 № 385-ФЗ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407326446/> (дата обращения: 24.06.2025).

⁴ О внесении изменений в статьи 46 и 108 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»: Федеральный закон от 08.06.2020 № 165-ФЗ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74131515/> (дата обращения: 24.06.2025).

⁵ Об утверждении списка наиболее востребованных на рынке труда, новых и перспективных профессий, требующих среднего профессионального образования: приказ Минтруда России от 30.12.2022 № 831. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406226101/> (дата обращения: 24.06.2025).

⁶ Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/70291362/?ysclid=mcbya0o45155851856> (дата обращения: 24.06.2025).

⁷ О внесении изменения в статью 46 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (в части допуска студентов к занятию педагогической деятельностью по учебным предметам образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/926110-8> (дата обращения: 24.06.2025).

тов СПО при выполнении следующих условий⁸: 1) обучение по специальности, входящей в укрупненную группу профессий, специальностей «Образование и педагогические науки»; 2) успешное прохождение студентом промежуточной аттестации до последнего курса обучения; 3) обучение на последнем курсе; 4) право на реализацию студентом только образовательных программ дошкольного и начального общего образования. Таким образом, если учесть, что в рамках СПО не предусмотрена подготовка педагогических работников в области ФКиС, то образовательные организации, в том числе организации системы СП, малых городов и сельской местности России по-прежнему будут испытывать кадровый дефицит педагогических работников в области ФКиС или могут столкнуться с ним в ближайшее время.

Социально-экономические проблемы. Проблема исследования в конечном счете заключается в наличии потребности в допуске совершеннолетних студентов, осваивающих образовательные программы СПО, по специальностям, не входящим в перечень специальностей укрупненной группы профессий, специальностей «Образование и педагогические науки», к реализации основных и (или) дополнительных программ в области ФКиС и действующей системой допуска студентов, обучающихся по специальностям образования СПО, не входящим в укрупненные группы профессий, специальностей «Образование и педагогические науки», к педагогической деятельности в области ФКиС.

Цель исследования: разработка предложений по совершенствованию механизма о допуске совершеннолетних студентов, получающих СПО в области ФКиС к занятию ими педагогической деятельностью по основным и (или) дополнительным общеобразовательным программам в области ФКиС.

Методы исследования. В работе использовались общенаучные методы (анализ, синтез), социологические (опрос), формально-юридический метод как специальный методы юриспруденции. Исследование осуществлялось с использованием справочных правовых систем «Гарант», «КонсультантПлюс» в период с октября 2023 года по июнь 2025 года.

Организация исследования. В целях решения проблемы исследования в 2023–2025 гг. во время курсов повышения квалификации по подготовке спортивных судей Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» был проведен опрос представителей профессио-

нального сообщества из 69 муниципальных образований Алтайского края (600 чел., из них 348 муж. и 252 жен.) о фактах привлечения к педагогической деятельности в области ФКиС студентов, обучающихся по образовательным программам СПО в области ФКиС.

Результаты исследования. На первом этапе исследования нами были изучены научно-практические работы по заявленной ранее проблеме. Это позволило выявить разнообразную тематику, не входящую в предмет настоящего исследования, но косвенно имеющую отношение к вопросу, связанному с подготовкой кадров в области ФКиС [5–10]. Более того, неподдельный научный интерес вызвали диссертационные работы по вопросам организации подготовки кадров с высшим или средним профессиональным образованием в области ФКиС, выполненные в период реализации Стратегии развития ФКиС до 2020 года и достижения национальных целей развития государства до 2024 года. Так, заслуживает внимания множество работ по организации высшего образования в области ФКиС. На наш взгляд, следует выделить работу М. Ю. Щенниковой, изучившей на высоком качественном уровне вопрос об оптимизации развития системы высшего образования в области ФКиС в условиях решения стратегических задач [11]. Также в области высшего образования интерес вызвали результаты, полученные Н. Ф. Лукиянец. Она занималась изучением процесса формирования престижа профессии преподавателя. Полученные автором результаты могут быть экстраполированы на систему подготовки кадров в области ФКиС со средним профессиональным образованием [12]. Но, видимо, не пользуются популярностью среди ученых исследования в области СПО, которых по сравнению с высшим образованием кратно меньше. Здесь заслуживает внимания работа об изучении конкурсной деятельности как средства повышения конкурентоспособности студентов учреждений СПО [13].

Подводя итог анализа научно-методической литературы, мы пришли к выводу, что вопросы, связанные с подготовкой кадров с высшим образованием, имеют популярность или приоритет в изучении среди ученых по сравнению с подготовкой кадров СПО в области ФКиС. Причиной может служить сформированная в 1990-е годы культура поклонения перед наличием высшего образования независимо от получаемой специальности. В то же время требования к образованию и обучению профессионального стандарта «Тренер-преподаватель», а также список профессий ТОП-50 свидетельствуют

⁸ О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и статью 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике». Федеральный закон от 24.07.2023 № 385-ФЗ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407326446/> (дата обращения: 24.06.2025).

о необходимости «входа в профессию» работнику в области ФКиС или педагогическим работникам в области ФКиС с наличием нижней границы — СПО в области ФКиС.

Современные федеральные государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования (далее — ФГОС СПО) направлены на удовлетворение рынка труда и работодателей с учетом региональных потребностей. В условиях получения студентами квалификации в области ФКиС предусматривается прохождение ими практической подготовки. Соответственно, при наличии в организации вакантной должности, работа по которой соответствует требованиям к практической подготовке, со студентом может быть заключен срочный трудовой договор о замещении должности (п. 12 приказа Минобрнауки России № 885 / Минпросвещения России № 390⁹).

Безусловно, трудоустройство студентов решает различные задачи: профориентации будущего специалиста, увеличения трудового стажа, повышения уровня финансовой независимости студента от родителей (законных представителей) и пр. Кроме этого, для государства особое место среди положительных эффектов занимает ликвидация дефицита кадров в образовательных организациях.

Опрос специалистов профессионального сообщества свидетельствует о том, что наблюдается дефицит кадров в малых городах и сельской местности. С началом специальной военной операции недостаточное обеспечение кадрами рассматриваемых территорий только увеличилось, поэтому привлечение в педагогическую деятельность будущих специалистов может положительно отразиться на ситуации с численностью кадров в образовательных организациях, в том числе организациях системы СП. Вместе с тем опрос выявил наличие в практике работы образовательных организаций, в том числе организациях системы СП, находящихся в малых городах и сельской местности, допуска студентов СПО к работе по реализации основных общеобразовательных программ по учебному предмету «физическая культура» и дополнительных общеобразовательных программ в области ФКиС.

В 2023 году, руководствуясь поручениями главы государства о формировании государственной политики по содействию трудоустройства молодежи и их профессиональному развитию (абз. 5

пп. «б» п. 2 перечня поручений Президента РФ от 29.01.2023 № Пр-173ГС¹⁰), законодатель, помимо существующих условий по практико-ориентированному характеру обучения для студентов, осваивающих программы высшего образования, создал условия по допуску совершеннолетних студентов, осваивающих образовательные программы СПО, но только по педагогическому профилю получаемого ими образования и только по реализации дошкольного и начального общего образования¹¹.

Считаем, что данное решение законодателя о допуске совершеннолетних студентов к реализации образовательных программ дошкольного и начального уровня общего образования недостаточно проработано и не учитывает реальные условия, складывающиеся в кадровом обеспечении системы образования, особенно в малых городах и сельской местности. Напомним, что опрос показал «де-факто» существующее явление, когда студенты СПО принимаются на работу для реализации основных общеобразовательных программ по учебному предмету «физическая культура» независимо от уровня общего образования, по дополнительному образованию в области ФКиС и (или) и по СП в рамках образовательной деятельности. В профессиональном сообществе, как уже отмечалось ранее, такое явление неправомерного регулирования именуется пролонгированной практической подготовкой.

Анализ законодательства позволил выявить ряд особенностей развития системы подготовки кадров в области ФКиС. Так, в разные годы СПО в области ФКиС относилось к укрупненным группам специальностей по образованию (просвещению) или ФКиС. Если до 1987 г. СПО было именно физкультурно-спортивным, поскольку специальность образования относилась к укрупненной группе специальностей «Здравоохранение и физическая культура», то с 1987 г. по 2014 г. СПО входит в педагогические специальности — укрупненная группа специальностей «Просвещение» и (или) «Образование и педагогика». Также педагогическое образование разграничивалось квалификациями: 1) для училищ олимпийского резерва (квалификация — «Тренер по спорту», «Педагог по ФКиС»), 2) для педагогических училищ (колледжей) (квалификация — «Преподаватель — организатор ФК», «Учитель ФК»). На сегодняшний день действуют две квалификации в области ФКиС: «Педагог по ФКиС» и «Тренер по виду спорта».

⁹ О практической подготовке обучающихся: приказ Миннауки России и Минпросвещения России от 05.08.2020 № 885/390. URL: <https://base.garant.ru/74626874/> (дата обращения: 24.06.2025).

¹⁰ Перечень поручений по итогам заседания Госсовета (утв. Президентом РФ 29.01.2023 № Пр-173ГС. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70421> (дата обращения: 24.06.2025).

¹¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и статью 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике»: Федеральный закон от 24.07.2023 № 385-ФЗ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407326446/> (дата обращения: 24.06.2025).

Отдельно стоит упомянуть, что в начале 2000-х гг. в системе подготовки кадров СПО в области ФКиС открыто отдельное направление — адаптивная ФКиС. По специальности образования было предусмотрено две квалификации: «Педагог по адаптивной ФКиС / Учитель адаптивной ФК».

Вместе с тем анализ перечней профессий и специальностей СПО, а также ФГОС СПО специальностей образования, входящих в образовательные области: «Наука об обществе», «Гуманитарные науки», «Искусство и культура», «Инженерное дело, технологии и техническое дело»¹², позволил определить укрупненные группы специальности образования и отдельные специальности образования, предусматривающие подготовку специалистов, востребованных в системе предоставления дополнительного образования детям, организации досуга и обеспечения жителей услугами организаций культуры, а также услугами по СП. Такие специальности образования могут быть востребованы по отдельным направлениям предоставления дополнительного образования детям.

Мы предлагаем разделить специальности образования в зависимости от укрупненных групп профессий, специальностей на три группы: 1) имеется подготовка к педагогической деятельности; 2) имеется подготовка к педагогической деятельности, но специальность не относится к педагогической деятельности; 3) отсутствует подготовка к педагогической деятельности.

Так, к первой группе специальностей образования СПО относятся: укрупненная группа профессий, специальностей «Физическая культура и спорт» образовательной области «Гуманитарные науки» — 49.00.00. «Физическая культура и спорт»; 49.02.01. «Физическая культура», 49.02.02. «Адаптивная физическая культура», 49.02.03. «Спорт», а также специальности образования, входящие в образовательную область «Искусство и культура», где выпускникам присваивается квалификация «Преподаватель».

Ко второй группе специальностей образования — специальности образования «Туризм и го-

степриимство» укрупненной группы профессий, специальностей «Сервис и туризм» образовательной области «Наука об обществе» и (или) по одной из специальностей образования укрупненной группы профессий, специальностей образовательной области «Инженерное дело, технологии и техническое дело». Другими словами, такие специальности образования не имеют подготовки к педагогической деятельности.

К третьей группе относятся прочие специальности образования.

Далее нами были изучены разделы «Требования к образованию и обучению» профессиональных стандартов (педагог дополнительного образования детей и взрослых¹³, тренер-преподаватель¹⁴, тренер-преподаватель по адаптивной ФК¹⁵, тренер-преподаватель по АС¹⁶), относящиеся к должностям педагогических работников в области ФКиС. Проведенная аналитическая работа с профессиональными стандартами не позволила нам установить различия в устанавливаемых требованиях к образованию и обучению для специалистов с высшим или средним профессиональным образованием в области ФКиС. На этом основании мы предлагаем выйти с инициативой к законодателю об установлении допуска совершеннолетних студентов, получающих СПО, к педагогической деятельности по аналогии с положениями действующего законодательства о допуске студентов, получающих высшее образование, к педагогической деятельности. Причем необходимо установить дополнительные условия допуска к педагогической деятельности совершеннолетних студентов к реализации образовательных программ:

1) по адаптивной ФКиС — допуск может быть осуществлен только в рамках получаемой студентом специальности образования;

2) по основным общеобразовательным программам — допуск на последнем курсе обучающихся по специальности образования, относящихся к первой и второй группе;

3) по дополнительным общеобразовательным программам — допуск на последнем курсе обучаю-

¹² Об утверждении перечней профессий и специальностей среднего профессионального образования и установлении соответствия отдельных профессий и специальностей среднего профессионального образования, указанных в этих перечнях, профессиям и специальностям среднего профессионального образования, перечни которых утверждены приказом Минобрнауки России от 29.10.2013 № 1199: приказ Минпросвещения России от 17.05.2022 № 336. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404748057/> (дата обращения: 24.06.2025).

¹³ Об утверждении профессионального стандарта «Педагог дополнительного образования детей и взрослых»: приказ Минтруда России от 22.09.2021 № 652н. URL: <https://base.garant.ru/403246796/> (дата обращения: 24.06.2025).

¹⁴ Об утверждении профессионального стандарта «Тренер-преподаватель»: приказ Минтруда России от 24.12.2020 № 952н. URL: <https://base.garant.ru/400235843/> (дата обращения: 24.06.2025).

¹⁵ Об утверждении профессионального стандарта «Тренер-преподаватель по адаптивной физической культуре и спорту»: приказ Минтруда России от 19.10.2021 № 734н. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402988828/> (дата обращения: 24.06.2025).

¹⁶ Об утверждении профессионального стандарта «Тренер-преподаватель по адаптивной физической культуре и спорту»: приказ Минтруда России от 19.10.2021 № 734н. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402988828/> (дата обращения: 24.06.2025).

щихся по специальности образования, относящихся к первой и (или) второй группе специальностей образования;

4) по подготовке спортивного резерва, осуществляющей в рамках образовательной деятельности по дополнительным общеобразовательным программам в области ФКиС, предлагается установить допуск только в качестве второго тренера-преподавателя по укомплектованной группе. Например, по виду спорта «футбол» команда состоит из 25 игроков. На команду назначается как минимум два тренера-преподавателя, которые могут быть студентами выпускного курса. Это решение будет способствовать вовлечению молодого поколения в профессиональную деятельность, обеспечит практико-ориентированный, профориентационный подход в подготовке кадров, а также снизит зависимость финансового обеспечения от родителей (законных представителей) молодых специалистов, создаст условия увеличения трудового стажа, компенсирует дефицит кадров на местах, создаст благоприятный режим в организации учебно-тренировочного процесса и наставничества опытными специалистами над молодыми специалистами.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что создавая условия для практико-ориентированного обучения и ликвидации дефицита кадров, мы забываем или умалчиваем о злоупотреблениях студентами предоставленного им права на совмещение профессионального образования и педагогической деятельности в качестве педагогического работника. Например, вызывает недопонимание законодательная инициатива депутатов нижней палаты Федерального Собрания РФ о смягчении имеющихся условий допуска студентов, получающих высшее образование с двух лет, как сейчас, до одного года. В качестве основания для разработки законопроекта называется покрытие дефицита тренеров-преподавателей и привлечение активных спортсменов в профессию [2]. На наш взгляд, условия допуска студентов к работе должны соответствовать сбалансированности в получении профессионального образования и трудовой деятельности. Поэтому предлагается в порядке допуска студентов вузов и совершеннолетних студентов, получающих СПО, к занятию педагогической деятельностью по образовательным программам¹⁷ четко и однозначно ограничить сверхактивное участие работнико-студентом в выполнении трудовых функций (превышение нормы часов на ставку заработной платы), так и возможность злоупотребления ра-

ботодателем хозяйственной властью с целью использования студента-практиканта/работника в достижении установленных показателей деятельности образовательной организации (превышение нормы часов на ставку заработной платы). Это предложение обусловлено тем, что основным направлением деятельности студента остается получение профессионального образования, а работодателю необходимо реализовать образовательную программу и выполнить определенные показатели по достижению средней заработной платы. Соответственно, установление рамок допуска студента к работе и границ привлечения студента к работе позитивно скажется на качестве подготовки кадров с достижением целей по ликвидации их дефицита.

Выводы. В целях ликвидации дефицита кадров в системе образования и организациях системы СП, создания равных условий для практико-ориентированного обучения студентов, получающих высшее и среднее профессиональное образование, Минспорт России и (или) Минпросвещения России может инициировать внесение следующих предложений:

1. По основным общеобразовательным программам:

1.1. Дополнить словами следующего содержания: «основного, среднего общего образования по учебному предмету «физическая культура» (подпункт «а» пункта 3 статьи 1 Федерального закона от 24.07.2023 № 385-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и статью 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике»).

2. По дополнительным общеобразовательным программам:

2.1. Дополнить словами следующего содержания: «Совершеннолетние лица, обучающиеся по образовательным программам среднего профессионального образования по специальностям образования, входящим в укрупненную группу специальностей образования «Физическая культура и спорт» образовательной области «Гуманитарные науки», в укрупненную группу специальностей образования образовательной области «Искусство и культура» с квалификацией специалиста среднего звена «Преподаватель» и успешно прошедшие промежуточные аттестации, в последний год обучения допускаются к занятию педагогической деятельностью по дополнительным общеобразовательным программам в области физической культуры и спорта» (часть 3.2. статьи 46 Федерального зако-

¹⁷ Об утверждении Порядка допуска совершеннолетних лиц, обучающихся по образовательным программам среднего профессионального образования, к занятию педагогической деятельностью по образовательным программам дошкольного образования и начального общего образования: приказ Минпросвещения России от 16.10.2023 № 771. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407907063/> (дата обращения: 24.06.2025).

на от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»).

2.2. Дополнить приказ Минпросвещения России от 16.10.2023 № 771 «Об утверждении Порядка допуска совершеннолетних лиц, обучающихся по образовательным программам среднего профессионального образования, к занятию педагогической деятельностью по образовательным программам дошкольного образования и начального общего образования» в части:

1) наименования (образовательных программ уровней основного, среднего общего образования, подвид дополнительное образование детей и взрослых);

2) дополнения укрупненной группой профессий, специальностей образования «Физическая культура и спорт» образовательной области «Гуманитарные науки» и специальностями образования, входящими в образовательную область «Искусство и культура» с квалификацией «Преподаватель»;

3) установления ограничения на допуск к самостоятельному ведению педагогической деятельности по дополнительным общеобразовательным программам в области ФКиС на этапах спортивной подготовки.

3. По Номенклатуре должностей педагогических работников:

3.1. Включить в раздел 2. Должности иных педагогических работников)¹⁸ должность «помощник тренера»¹⁹ (для лиц, осуществляющих СП

как вид профессиональной деятельности 05 «Физическая культура и спорт» отдельный от вида профессиональной деятельности 01 «Образование и наука»²⁰.

4. По «Порядку допуска совершеннолетних лиц, обучающихся по образовательным программам среднего профессионального образования, к занятию педагогической деятельностью по образовательным программам дошкольного образования и начального общего образования»:

4.1. Дополнить приказ Минпросвещения России от 16.10.2023 № 771 «Об утверждении Порядка допуска совершеннолетних лиц, обучающихся по образовательным программам среднего профессионального образования, к занятию педагогической деятельностью по образовательным программам дошкольного образования и начального общего образования» в части:

1) расширения допуска совершеннолетних студентов СПО к осуществляемым уровням и подвидам реализуемых образовательных программ;

2) установления дополнительных условий для совершеннолетних студентов СПО, допущенных в качестве педагогических работников к реализации дополнительных общеобразовательных программ в области ФКиС в качестве второго тренера-преподавателя по укомплектованной группе;

3) установления условий выполнения должностных обязанностей не более нормы часов на ставку заработной платы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Коллегия Министерства спорта России. URL: https://vk.com/wall-158195271_64950 (дата обращения: 18.07.2025).
2. Самсонов И. И. О вариантах комплектования групп спортивной подготовки в условиях гармонизации законодательства: ракурс дискуссии // Наука и спорт: современные тенденции. 2025. Т. 13, № 1 (49). С. 164–172. <https://doi.org/10.36028/2308-8826-2025-13-1-164-172>.
3. Кропачев Н. М., Бабич А. В., Васильев И. А. и др. Научно-практический комментарий к Закону об образовании в Российской Федерации. СПб., 2023. 360 с.
4. Гусенко М. Должны обладать новыми компетенциями. Эксперт Сафонов о том, как изменится рынок труда в ближайшее время / Российская газета — Спецвыпуск: Новое поколение № 139 (9678). URL: <https://rg.ru/2025/06/27/professiiia-roboetika.html> (дата обращения: 29.06.2025).
5. Самсонов И. И., Блинова Ю. В. К вопросу о систематизации факторов, влияющих на эффективность деятельности спортивных школ // Человек в экономико-правовом и политическом пространстве: сборник научных статей XXVI научно-практической конференции, Барнаул, 28 апреля 2022 года. Выпуск 4. Барнаул, 2022. С. 68–78.

¹⁸ Об утверждении номенклатуры должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций: постановление Правительства РФ от 21.02.2022 № 225. URL: <https://base.garant.ru/403566568/> (дата обращения: 18.07.2025).

¹⁹ Об утверждении профессионального стандарта «Спортсмен»: приказ Минтруда России от 28.03.2019 № 194н. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72132874/> (дата обращения: 18.07.2025).

²⁰ О реестре профессиональных стандартов (перечне видов профессиональной деятельности): приказ Минтруда России от 29.09.2014 № 667н. URL: <https://base.garant.ru/70807194/> (дата обращения: 18.07.2025).

6. Данилов О. Е., Корчак Е. В., Югова Н. Л. Проблемы институционализации дистанционного обучения в среднем профессиональном образовании. Глазов, 2022. 116 с.
7. Машченко О. Н. Модель подготовки будущего учителя педагогического колледжа к профессиональному самообразованию // Альма-Матер (Вестник высшей школы). 2018. № 1. С. 57–62.
8. Григорьева И. И., Черноног Д. Н. Образование и спортивная подготовка: процессы модернизации. Вопросы и ответы. Ч. 1. Организация тренировочного процесса / под общ. ред. Ю. Д. Нагорных. М., 2016. 296 с.
9. Горшков А. Г. Особенности обучения в училище олимпийского резерва // Физическое воспитание и детско-юношеский спорт. 2019. № 1. С. 27–29.
10. Валеева Х. Х. Проблемы и задачи куратора учебной группы ГУОР на первом году обучения студентов // Физическое воспитание и детско-юношеский спорт. 2019. № 2. С. 42–44.
11. Щенникова М. Ю. Оптимизация развития системы высшего образования в области физической культуры и спорта в контексте стратегических задач отрасли: специальность 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования»: автореф. дис. ... д-ра пед. наук; Российской гос. пед ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2020. 41 с.
12. Лукянец Н. Ф. Технология формирования престижа профессии преподавателя у обучающихся образовательных организаций высшего образования физкультурно-спортивного профиля: специальность 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования»: автореф. дис. ... канд. пед. наук; Военный ин-т физ. культуры. СПб., 2019. 25 с.
13. Соловьева С. И. Конкурсная деятельность как средство повышения конкурентоспособности студентов учреждений среднего профессионального образования: специальность 13.00.08 «Биомеханика»: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Пермь, 2021. 25 с.
14. Кузьменко А. В спортившколы предложили привлекать больше тренеров из числа студентов (законопроект: № 954379–8). URL: <https://www.pnp.ru/social/v-sportshkoly-predlozhili-privlekat-bolshe-trenerov-iz-chisla-studentov.html> (дата обращения: 29.06.2025).

REFERENCES

1. Board of the Ministry of Sports of the Russian Federation. URL: https://vk.com/wall-158195271_64950 (date of access: 18.07.2025).
2. Samsonov I. I. On the options for staffing sports training groups in the context of harmonization of legislation: a discussion perspective. Science and Sport: Modern Trends. 2025. Vol. 13, No. 1 (49). Pp. 164–172. <https://doi.org/10.36028/2308-8826-2025-13-1-164-172>.
3. Kropachev N. M., Babich A. V., Vasiliev I. A. et al. Scientific and practical commentary on the Law on Education in the Russian Federation. St. Petersburg, 2023. 360 p.
4. Gusenko M. Must have new competencies. Expert Safonov on how the labor market will change in the near future. Rossiyskaya Gazeta — Special issue: New generation No. 139 (9678). URL: <https://rg.ru/2025/06/27/professiya-roboetika.html> (date of access: 29.06.2025).
5. Samsonov I. I., Blinova Yu. V. On the issue of systematization of factors influencing the effectiveness of sports schools. Man in the economic, legal and political space: collection of scientific articles of the XXVI scientific and practical conference, Barnaul, April 28, 2022. Issue 4. Barnaul, 2022. Pp. 68–78.
6. Danilov O. E., Korchak E. V., Yugova N. L. Problems of institutionalization of distance learning in secondary vocational education. Glazov, 2022. 116 p.
7. Mashchenko O. N. Model of preparation of future teachers of a pedagogical college for professional self-education. Alma Mater (Higher School Bulletin). 2018. No. 1. Pp. 57–62.
8. Grigorieva I. I., Chernonog D. N. Education and sports training: modernization processes. Questions and answers. Part 1. Organization of the training process / under the general editorship of Yu. D. Nagornykh. Moscow, 2016. 296 p.
9. Gorshkov A. G. Features of training at the Olympic Reserve School. Physical education and children's and youth sports. 2019. No. 1. Pp. 27–29.
10. Valeeva H. Kh. Problems and tasks of the curator of the educational group of the State University of Education in the first year of students' study. Physical education and youth sports. 2019. No. 2. Pp. 42–44.
11. Shchennikova M. Yu. Optimization of the development of the higher education system in the field of physical culture and sports in the context of the strategic objectives of the industry: specialty 13.00.08 «Theory

and methodology of vocational education»: author's abstract. dis. ... doctor of pedagogical sciences. St. Petersburg, 2020. 41 p.

12. Lukyanets N. F. Technology of formation of prestige of the teaching profession among students of educational organizations of higher education of physical education and sports profile: specialty 13.00.08 «Theory and methods of professional education»: author's abstract. dis. ... candidate of ped. sciences. St. Petersburg, 2019. 25 p.

13. Solovieva S. I. Competitive activity as a means of increasing the competitiveness of students of secondary vocational education institutions: specialty 13.00.08 “Biomechanics”: author's abstract. dis. ... candidate of ped. sciences. Perm, 2021. 25 p.

14. Kuzmenko A. It was proposed to attract more coaches from among students to sports schools (bill: No. 954379-8). URL: <https://www.pnp.ru/social/v-sportshkoly-predlozhili-privlekat-bolshe-trenerov-iz-chisla-studentov.html> (date of access: 29.06.2025).

Поступила в редакцию: 21.07.2025.

Принята к печати: 22.08.2025.

УДК 331.5.024.5
DOI 10.14258/epb202547

МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКА ТРУДА В РЕГИОНЕ

И. Л. Сенникова, Е. А. Горева

Вятский государственный университет (Киров, Россия)

Развитие регионального рынка труда и сферы занятости имеет большое значение в улучшении качества жизни населения и роста благосостояния. Привлечение инвестиций в регион, процессы цифровизации всех сфер экономики региона, включение в программы и проекты вышестоящего уровня, активное развитие малого и среднего предпринимательства, а также совершенствование системы образования являются перспективными возможностями развития территории субъекта РФ. Сохраняется значительное число сдерживающих факторов для развития регионального рынка труда, а именно: низкий уровень заработной платы в ряде отраслей экономики региона, отток молодежи и старение населения, низкое качество жизни в сельской местности и ряд других проблем. Но Кировская область обладает значительным потенциалом ряда отраслей экономики: машиностроения, химической промышленности, деревообрабатывающей промышленности, АПК и пищевой отрасли. Предприятия этих отраслей являются «точками роста» региона, обеспечивают приток квалифицированных кадров, способствуют обновлению рынка труда, позволяют обмениваться опытом с другими регионами страны. Рассмотрение динамики развития регионального рынка труда Кировской области в контексте регионов Приволжского федерального округа позволило провести сравнительный анализ, выявить ключевые вызовы и определить новые возможности в сфере занятости.

Ключевые слова: региональный рынок труда, уровень безработицы, занятость населения.

THE MECHANISM OF LABOR MARKET REGULATION IN THE REGION

I. L. Sennikova, E. A. Goreva

Vyatka State University (Kirov, Russia)

The development of the regional labor market and employment sphere is of great importance in improving the quality of life and welfare growth. Ensures the availability of qualified personnel with experience and knowledge in these spheres. Historically, the Kirov Oblast demonstrates a relatively stable level of employment of the population, which indicates the stability of the labor market. Active development of small and medium-sized businesses contributes to the creation of new jobs and diversification of the labor market. Attracting investments to the region will allow to create new enterprises and increase the demand for labor resources. The development of cooperation with other subjects of the Russian Federation will allow sharing experience, attracting investment and labor resources. The enterprises of these industries are the “growth points” of the region, provide the inflow of qualified personnel, contribute to the renewal of the labor market, allow to exchange experience with other regions of the country. Consideration of the dynamics of the Kirov Oblast regional labor market development in the context of the regions of the Volga Federal District allowed us to conduct a comparative analysis, identify key challenges and define new opportunities in the field of employment.

Keywords: regional labor market, unemployment rate, employment.

Введение. В статье представлен анализ регионального рынка труда Кировской области в контексте развития регионов Приволжского федерального округа, проанализированы причины роста показателей занятости и безработицы,

что оказывает значительное влияние на уровень жизни населения территории. Цель исследования — на основе проведенного анализа предложить организационно-экономический механизм государственного регулирования развития рынка труда региона.

Вопросы развития региональных рынков труда, занятости и безработицы рассматривали в своих работах Ф. Фоссен [1], В. Гимпельсон [2], В. Калмыков [3], В. Клавдиенко [4], Э. Лескина [5], С. Писарюк [6], А. Факторович [7], О. Хохлова [8], О. Чемерных [9] и др.

Для проведения исследования использовались нормативно-правовые акты в сфере регулирования развития рынка труда Кировской области [10, 11], а также стратегические документы в сфере социально-экономического развития региона до 2036 года

[12], материалы статистики Министерства экономического развития Кировской области и разработки авторов по смежной теме исследования [13, 14]. Применение экономико-статистических методов позволило дать развернутый анализ ситуации на рынке труда данной области.

Тенденции развития рынка труда Кировской области в контексте развития субъектов Приволжского федерального округа. Ключевые показатели развития современного рынка труда Кировской области представлены на рисунках 1–5 [15].

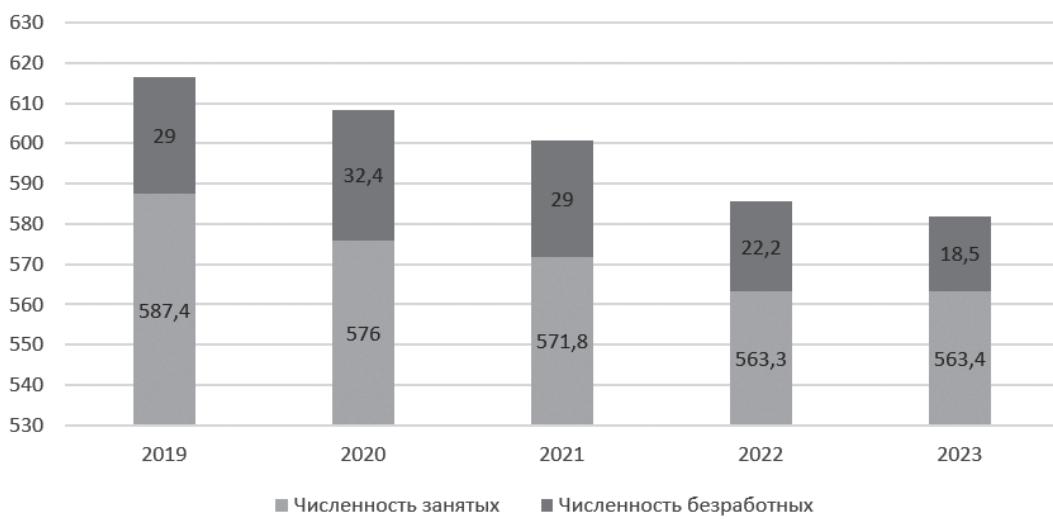

Рис. 1. Показатели рынка труда Кировской области, тыс. чел.

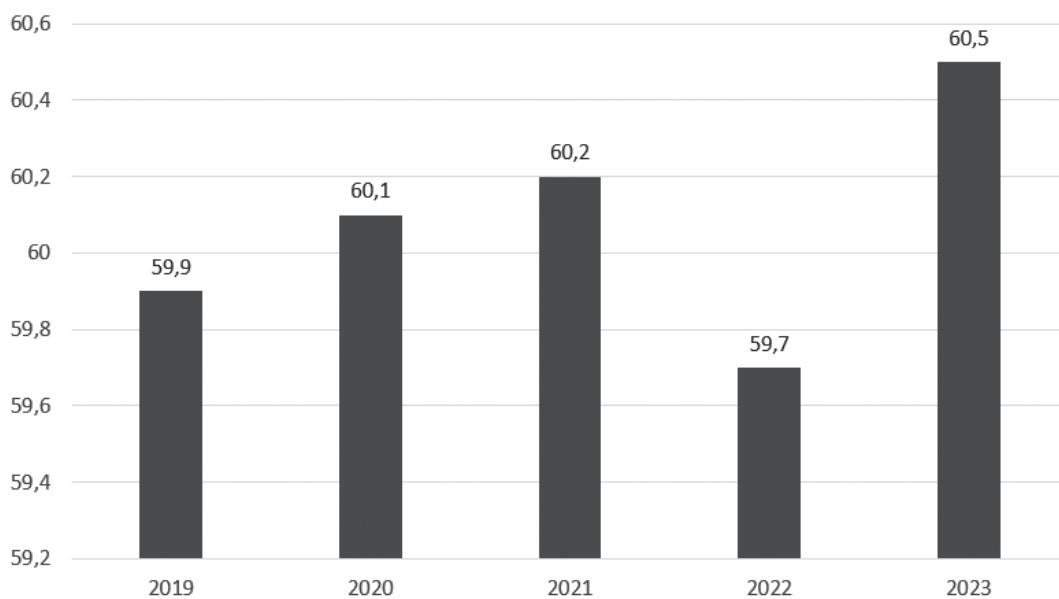

Рис. 2. Показатель уровня участия в рабочей силе в Кировской области, %

В целом по рынку труда численность рабочей силы в 2023 г. составила 581,9 тыс. чел., из них численность занятых — 563,4 тыс. чел., безработ-

ных — 18,5 тыс. чел. Самые большие изменения произошли в строительстве, здесь численность работников уменьшилась на 26,61%, при добыче ис-

копаемых она снизилась на 37,50%, численность работников в предоставлении прочих видов услуг уменьшилась на 34,78%. На рисунке 2 показана динамика уровня участия в рабочей силе с 2019 по 2023 год.

Уровень участия в рабочей силе с 2019 по 2023 год увеличился на 0,6 процентных пункта. **Уровень занятости** — на 1,5 процентных пункта,

указывая на рост занятости среди населения. **Уровень безработицы** снизился на 1,5 процентных пункта. Это свидетельствует о положительной динамике развития рынка труда.

На рисунке 3 приведена средняя номинальная начисленная заработка плата работников в Российской Федерации и Приволжском федеральном округе за период с 2019 по 2023 год.

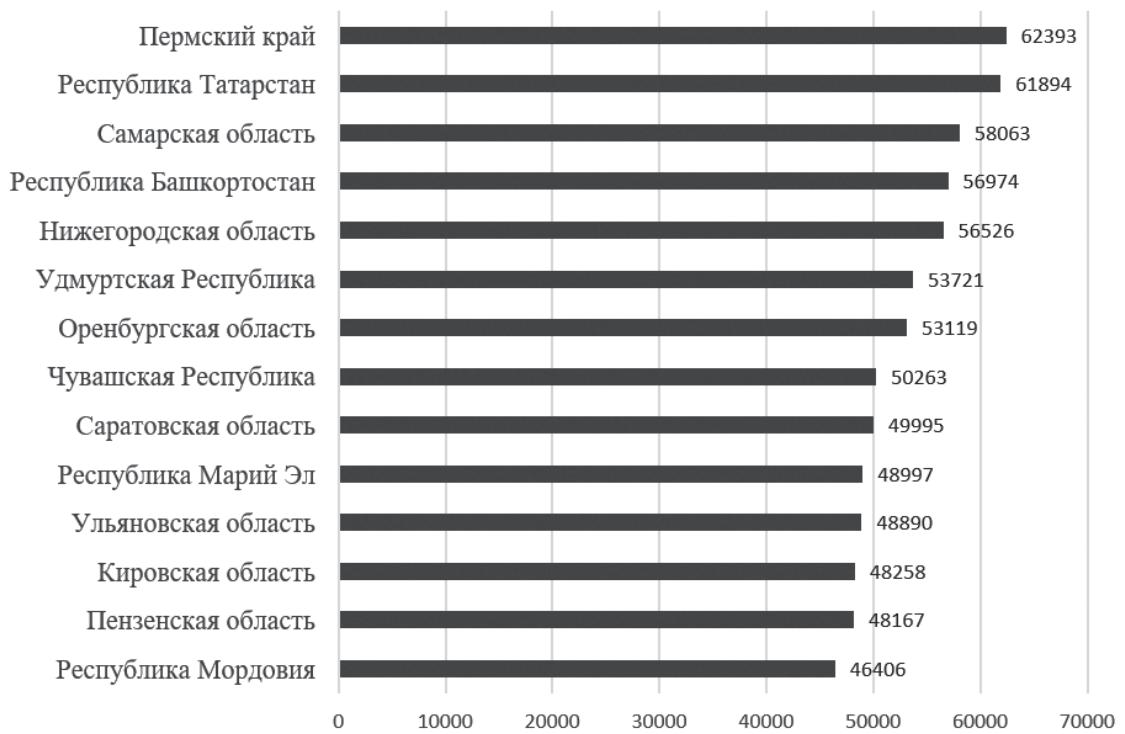

Рис. 3. Среднемесячная номинальная начисленная заработка плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике субъектов Приволжского федерального округа Российской Федерации в 2023 г., руб.

В России зарплата в среднем увеличилась с 47867 рублей в 2019 году до 74854 рублей в 2023 году, то есть на 56%. В Приволжском федеральном округе аналогичный показатель вырос с 34592 рублей до 55724 рублей, или на 61% за тот же период. Произошло также увеличение уровня заработной платы в регионах округа, с наибольшим процентным ростом в Удмуртской Республике (на 70%).

На рисунке 4 отображен уровень безработицы в Российской Федерации и ее регионах за 2023 год. В целом, анализируя динамику уровня безработицы за 2019–2023 гг., можно сделать следующие выводы:

1. Уровень безработицы в Российской Федерации снизился с 4,6% в 2019 году до 3,9% в 2023 году, снижение составило 0,7 процентных пункта.

2. В Приволжском федеральном округе также наблюдается снижение уровня безработицы с 4,2 до 2,4% (на 1,8 процентных пункта).

3. В большинстве регионов округа также произошло снижение уровня безработицы. Так, в Республике Башкортостан она снизилась на 2,1 процентных пункта, а в Республике Марий Эл — на 1,2.

За 2023 год произошло снижение напряженности на рынке труда в Российской Федерации на $-0,8$ процентных пункта и в Приволжском федеральном округе — на $-1,2$ процентных пункта соответственно. Наибольшее снижение наблюдается в Оренбургской области ($-2,9$), в то время как в Пензенской области — наоборот, рост ($+1,6$). Это означает, что в Пензенской области рынок труда стал менее напряженным. В среднем по регионам наблюдается тренд к уменьшению коэффициента за указанный период.

Рис. 4. Уровень безработицы в ПФО в 2023 г., %

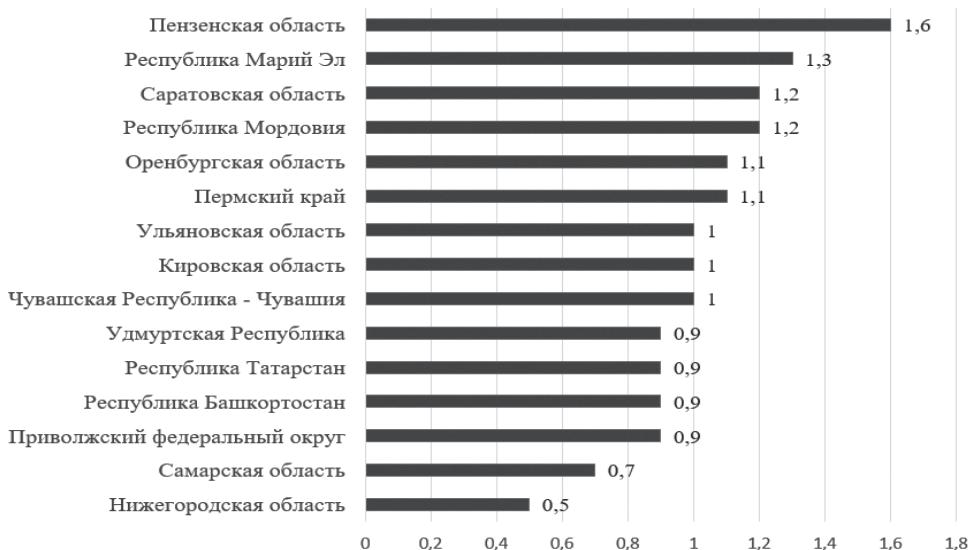

Рис. 5. Коэффициент напряженности на рынке труда субъектов ПФО в 2023 г., ед.

SWOT-анализ рынка труда Кировской области

Сильные стороны	Слабые стороны
1. Наличие образовательного кластера в регионе и значительное число высших учебных заведений 2. Высокий уровень квалификации кадров в регионе 3. Развитый уровень малого и среднего бизнеса 4. Включение Кировской области в федеральные программы занятости населения 5. Ежегодное снижение уровня безработицы	1. Высокий уровень населения в пожилом возрасте 2. Уровень заработной платы в ряде отраслей остается на низком уровне 3. Недостаток рабочих кадров 4. Низкий уровень развития объектов инфраструктуры в сельской местности, что вызывает отток молодежи из региона 5. Низкая инновационная деятельность бизнеса
Возможности	Угрозы
1. Цифровизация рынка труда региона и создание цифровых платформ занятости граждан 2. Включение в федеральные программы и национальные проекты в сфере занятости 3. Взаимодействие регионов в вопросах регулирования рынка труда и сферы занятости	1. Роботизация и внедрение систем искусственного интеллекта 2. Падение уровня жизни населения 3. Старение населения и снижение рождаемости 4. Конкуренция за высококвалифицированные кадры с соседними регионами

Окончание таблицы

Возможности	Угрозы
4. Привлечение инвестиций для развития новых проектов в регионе 5. Появление и развитие перспективных отраслей народного хозяйства	5. Политическая, экономическая, социальная нестабильность

Источник: составлено авторами.

Результаты исследования. В результате проведенного статистического анализа развития регионального рынка труда Кировской области была составлена матрица — SWOT-анализ данного рынка, определены тем самым современные вызовы и возможности его развития (табл.).

Следует отметить, что цифровизация рынка труда региона позволит значительно улучшить ситуацию в сфере занятости Кировской области, привлечь молодых специалистов в регион, улучшить качество жизни населения.

Заключение. На основе проведенного анализа статистических данных рынка труда субъекта РФ, нормативно-правовых актов и программ Кировской области схематично сформирован механизм регулирования рынка труда в регионе (рис. 6).

Цель регулирования рынка труда — обеспечение эффективной занятости населения в Кировской области, направленное на снижение безработицы, повышение конкурентоспособности трудовых ресурсов и, как следствие, повышение уровня жизни населения.

Субъекты рынка труда: граждане, ищущие работу и безработные граждане; работодатели (организации, предприятия, ИП), органы государственной власти Кировской области, осуществляющие регулирование в сфере занятости; образовательные организации, осуществляющие подготовку и переподготовку кадров; профсоюзы и другие организации, представляющие интересы работников.

Факторы развития рынка труда	Цели и задачи госрегулирования рынка труда	Формы господдержки рынка труда	Ожидаемые результаты регулирования рынка труда
Демографическая ситуация (старение населения, снижение рождаемости). Экономическая ситуация (развитие отдельных отраслей экономики, инвестиционная активность). Технологические изменения (автоматизация, цифровизация). Миграционные процессы (отток квалифицированных кадров).	Снижение уровня регистрируемой безработицы. Увеличение доли трудоустроенных граждан, обратившихся в центры занятости. Повышение квалификации и переподготовка. Содействие трудоустройству безработных граждан. Оказание консультационных услуг гражданам и работодателям. Содействие развитию самозанятости и предпринимательства. Организация общественных работ.	1. Нефинансовые: Консультационные услуги для граждан и работодателей. Организация ярмарок вакансий и дней карьеры. Содействие в поиске работы и подборе персонала. Профессиональная ориентация и психологическая поддержка. Информирование о ситуации на рынке труда. 2. Финансовые: Выплата пособий по безработице. Предоставление субсидий работодателям на создание новых рабочих мест. Оплата профессионального обучения и переподготовки безработных граждан. Финансовая поддержка самозанятости и предпринимательства (гранты, льготные кредиты). Компенсация затрат на переезд в другую местность для трудоустройства.	Снижение уровня безработицы. Увеличение численности занятого населения. Повышение уровня заработной платы. Снижение напряженности на рынке труда (соотношение числа безработных и числа вакансий). Увеличение доли трудоустроенных граждан из числа социально незащищенных категорий населения. Повышение уровня удовлетворенности работодателей качеством подготовки кадров.

Объект рынка труда — это рабочая сила, которая представляет собой интеллектуальные и физические способности человека к труду.

Рис. 6. Механизм регулирования рынка труда в регионе

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Фоссен Ф. Будущее труда: деструктивные и трансформационные эффекты цифровизации // Форсайт. 2019. № 2. С. 10–18.
2. Гимпельсон В. Е. Рутинность и риски автоматизации на российском рынке труда // Вопросы экономики. 2022. № 8. С. 68–94.
3. Калмыков В. В. Развитие глобального рынка альтернативных моделей занятости: состояние, проблемы, перспективы, механизмы государственного регулирования // Экономика и предпринимательство. 2022. № 1. С. 126–132.
4. Клавдиенко В. П. Трансформация структуры занятости населения в условиях цифровизации экономики: глобальные тренды и Россия // Инновации. 2019. № 10. С. 81–87.
5. Лескина Э. И. Система управления талантами в публичном и частном секторе в условиях цифровизации экономики и повышения гибкости рынка труда // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 8. С. 39–43.
6. Писарюк С. Н. Тенденции современного состояния рынка труда в РФ и его влияние на формирование компетенций будущего // Экономика и предпринимательство. 2021. № 3. С. 1394–1399.
7. Факторович А. Национальная система квалификаций: время ставит амбициозные задачи // Стандарты и качество. 2022. № 6. С. 68–71.
8. Хохлова О. А. Разработка алгоритма анализа вакансий на рынке труда по данным из открытых источников // Вопросы статистики. 2022. № 4. С. 33–41.
9. Черемных О. А. Особенности современного рынка труда в России // Экономика и предпринимательство. 2020. № 10. С. 1390–1394.
10. Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464093/ (дата обращения: 01.05.2025).
11. Закон Кировской области от 08.07.2024 № 287-ЗО «О разграничении полномочий органов государственной власти Кировской области в сфере содействия занятости населения» URL: <https://zsko.ru/documents/local-laws/13381.html> (дата обращения: 01.05.2025).
12. Стратегия социально-экономического развития Кировской области на период до 2036 года, утвержденная распоряжением Правительства Кировской области от 28.04.2021 № 76. URL: <https://www.kirovreg.ru/strategy/> (дата обращения: 01.05.2025).
13. Sennikova I. L., Snigireva G. D., Kazakova M. A., Mironova O. A., Palkina M. V., Bespyatyh V. I. Conceptual approach to the assessment of regional innovation environment factors based on the index method // Espacios. 2017. Vol. 38 (№ 54). P. 30.
14. Sennikova I. L., Snigireva G., Karanina E., Bakhtimov A., Domracheva L. Analysis of regional innovation environment factors within the institutional approach // E3S Web of Conferences: Topical problems of architecture, civil engineering and environmental economics, TPACEE 2018 Moscow, 03–05.12.2018 г. // EDP Sciences. 2019. Т. 91. P. 08063.
15. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кировской области. URL: <https://43.rosstat.gov.ru/folder/23986> (дата обращения: 30.04.2025).

REFERENCES

1. Fossen F. The future of labor: destructive and transformational effects of digitalization. Foresight. 2019. No. 2. Pp. 10–18.
2. Gimpelson V. E. Routine and risks of automation in the Russian labor market. Voprosy ekonomiki. 2022. No. 8. Pp. 68–94.
3. Kalmykov V. V. Development of the global market of alternative employment models: state, problems, prospects, mechanisms of state regulation. Economics and Entrepreneurship. 2022. No. 1. Pp. 126–132.
4. Klavdiенко V. P. Transformation of the employment structure in the conditions of digitalization of the economy: global trends and Russia. Innovations. 2019. No. 10. Pp. 81–87.
5. Leskina E. I. Talent management system in the public and private sectors in the conditions of digitalization of the economy and increasing labor market flexibility. State power and local self-government. 2021. No. 8. Pp. 39–43.
6. Pisariuk S. N. Trends of the current state of the labor market in the Russian Federation and its influence on the formation of future competencies. Economics and Entrepreneurship. 2021. No. 3. Pp. 1394–1399.

7. Factorovich A. National system of qualifications: time sets ambitious tasks. Standards and quality. 2022. No. 6. Pp. 68–71.
8. Khokhlova O. A. Development of the algorithm for analyzing vacancies in the labor market based on the data from open sources. Voprosy statisticheskii. 2022. No. 4. Pp. 33–41.
9. Cheremnykh O. A. Features of the modern labor market in Russia. Economics and Entrepreneurship. 2020. No. 10. Pp. 1390–1394.
10. Federal Law of 12.12.2023 № 565-ФЗ «On Employment Population in the Russian Federation». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464093/ (date of access: 01.05.2025).
11. The Law of the Kirov region from 08.07.2024 № 287-ЗО «About delimitation of powers of state authorities of the Kirov Oblast in the sphere of employment promotion». URL: <https://zsko.ru/documents/local-laws/13381.html> (date of access: 01.05.2025).
12. Strategy of socio-economic Development Strategy of the Kirov region for the period until 2036, approved by the order of Government of the Kirov region from 28.04.2021 № 76. URL: <https://www.kirovreg.ru/strategy/> (date of access: 01.05.2025).
13. Sennikova I. L., Snigireva G. D., Kazakova M. A., Mironova O. A., Palkina M. V., Bespyatyh V. I. Conceptual approach to the assessment of regional innovation environment factors based on the index method. Espacios. 2017. Vol. 38 (No. 54). P. 30.
14. Sennikova I. L., Snigireva G., Karanina E., Bakhtimov A., Domracheva L. Analysis of regional innovation environment factors within the institutional approach. E3S Web of Conferences: Topical problems of architecture, civil engineering and environmental economics, TPACEE 2018 Moscow, 03–05.12.2018. EDP Sciences. 2019. T. 91. P. 08063.
15. Territorial body of the Federal State Statistics Service Statistics for the Kirov region. URL: <https://43.rosstat.gov.ru/folder/23986> (date of access: 30.04.2025).

Поступила в редакцию: 16.06.2025.

Принята к печати: 18.07.2025.

УДК 339.13 (4)
 DOI 10.14258/epb202548

ВОЗОБНОВЛЯЕМАЯ ЭНЕРГИЯ КАК МЕХАНИЗМ ПЕРЕХОДА К ЗЕЛЕНОЙ ТОРГОВЛЕ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

С. Хамлауи¹, Р. Бенаисса², Аб. Джегбала³

¹ Университет Элуэда, лаборатория PEDAA (Элуэд, Алжир)

² Университет Элуэда, лаборатория PEDAA (Элуэд, Алжир)

³ Университет Элуэда, Лаборатория экономического роста и развития в арабских странах (Алжир),
 (Элуэд, Алжир)

В исследовании используется описательная и аналитическая методология для изучения стратегии Европейского союза по включению возобновляемых источников энергии в качестве основного катализатора зеленой коммерции. Европейский зеленый курс позиционирует ЕС как мирового лидера в принятии технологий возобновляемых источников энергии для перехода к устойчивой экономике с низким уровнем выбросов углерода. В статье подчеркивается решающее значение возобновляемых источников энергии — солнечной, ветровой, гидроэнергии и биомассы — для сокращения выбросов парниковых газов и содействия экономическому росту посредством зеленой торговли. Инициативы ЕС, такие как Директива о возобновляемых источниках энергии (RED II) и Механизм корректировки пограничных выбросов углерода (CBAM), заметно ускорили переход к устойчивой энергетике, подкрепив обязательство ЕС по достижению климатической нейтральности к 2050 году. Технологии возобновляемых источников энергии повышают энергетическую безопасность и стимулируют зеленую коммерцию, способствуя потоку экологически устойчивых товаров и услуг в ЕС и с глобальными партнерами. Более того, финансовые инструменты (зеленые облигации и устойчивые инвестиционные инициативы в рамках Механизма справедливой трансформации) способствуют этой трансформации, гарантируя ее инклюзивность и экономическую осуществимость.

Исследование показывает, что возобновляемая энергия является основополагающим компонентом системы зеленой торговли ЕС, помогая соблюдать международные климатические соглашения и повышая конкурентоспособность на мировых рынках. Тем не менее препятствия сохраняются, включая технологическое неравенство среди государств-членов, значительные первоначальные инвестиционные расходы и сложную нормативную базу. В статье предлагается усилить трансграничное сотрудничество, увеличить финансирование инноваций и укрепить государственно-частное партнерство для преодоления этих препятствий.

Ключевые слова: возобновляемая энергия, зеленая торговля, Зеленый курс, выбросы газов, зеленые облигации, Европейский союз.

RENEWABLE ENERGY AS A MECHANISM FOR THE TRANSITION TO GREEN TRADE IN THE EUROPEAN UNION

S. Hamlaoui¹, R. Benaissa², A. Djeghbala³

¹ University of Eloued, PEDAA laboratory (Eloued, Algeria)

² University of Eloued, PEDAA laboratory (Eloued, Algeria)

³ University of Eloued, Laboratory of economic growth and development in Arab countries (Eloued, Algeria)

This study employs a descriptive and analytical methodology to investigate the European Union's strategy for incorporating renewable energy as a pivotal catalyst for green commerce. The European Green Deal positions the EU as a global leader in the adoption of renewable energy technology for the transition to a sustainable, low-carbon economy. The report emphasizes the crucial importance of renewable energy, such as solar, wind, hydropower, and biomass — in mitigating greenhouse gas emissions and fostering economic growth via green trade. EU initiatives, like the Renewable Energy Directive (RED II) and the Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM),

have markedly expedited the transition to sustainable energy, bolstering the EU's pledge for climate neutrality by 2050. Renewable energy technologies boost energy security and stimulate green commerce by facilitating the flow of ecologically sustainable goods and services within the EU and with global partners. Moreover, financial instruments like green bonds and sustainable investment initiatives under the Just Transformation Mechanism facilitate this transformation, guaranteeing its inclusivity and economic feasibility.

The research indicates that renewable energy is a fundamental component of the EU's green trade system, aiding adherence to international climate accords and improving competitiveness in global markets. Nonetheless, obstacles persist, including technological inequities among member states, substantial initial investment expenditures, and intricate regulatory frameworks. The report advocates for the enhancement of cross-border collaboration, the augmentation of innovation financing, and the fortification of public-private partnerships to overcome these obstacles.

Keywords: renewable energy, green trade, Green Deal, gas emissions, green bonds, European Union.

INTRODUCTION. Renewable energy includes energy from naturally occurring renewable sources, such as wind, solar, hydropower and biomass. The EU has been at the forefront of adopting renewable energy technologies as part of its broader strategy to transition to a sustainable, low-carbon economy. Renewable energy technologies also form an important part of green trade in the EU, contributing to reducing greenhouse gas emissions and supporting the EU's goals under the European Green Deal. The transition to renewable energy is crucial to boosting green trade within the EU and with its trading partners. This transition will impact various sectors, including energy production and distribution, manufacturing, transport, construction, and building efficiency. The EU has implemented several policies and initiatives to support the growth of renewable energy and green trade. This study will explore this.

1. Renewable energy policy in the European Union. The European Union has an ambition to reduce its carbon emissions by at least 55% by 2030 compared to 1990 levels. This is just a medium-term goal. The ultimate goal of the European Union is to become climate-neutral by 2050. To achieve this, the European Union must implement mechanisms and policies to help it achieve its ambitions. We will review these as follows:

- Gradual increasing price for carbon: A price that covers all emissions and increases gradually over time is the most efficient mechanism to ensure that households and companies modify their behavior to reduce emissions. The emissions trading system implemented by the European Union has succeeded in controlling emissions, but the coverage, which is still limited to electricity generation, should be expanded to include all sectors gradually. (Dora, Alfred, & James, September 24, 2020) [1].
- Using carbon pricing revenues to support sustainable growth: Carbon revenues can

be used to reduce labor and other taxes, encourage productive green investments, and support those affected by the transition to a green economy. The International Monetary Fund study shows that with efficient use of resources, the economic cost of climate policies becomes very low in the short term, and in the long term the benefits become better, which improves air quality and reduces pollution, which is reflected in the positive economic health gains.

- Support green investments and targeted non-price policies: Carbon pricing alone is not enough to quickly overlap in many sectors, such as transportation and buildings. It has become necessary to adopt some complementary policies to address all carbon waste, the most important of which are financing and imperfect markets. For example, governments can direct the capital agreement towards infrastructure, including electric vehicle charging stations and electrical power grids to support the delivery of electricity through natural and clean sources.
- Ensure a fair transition: All segments of society that are most affected by the transition from traditional energy to cleaner energy should be supported. For the transition to be successful, it must be fair and equitable. This support can include providing direct transfers to low-income households.
- Prevent “carbon leakage” through global cooperation: EU emissions represent only 10% of global emissions, and the best way to reduce global emissions and prevent carbon leakage is by shifting high-emission production to countries with lower carbon prices. (European Commission, 2020) [2].

Mechanisms for achieving it: To achieve the goals of the “European Green Deal”, the European executive and legislative institutions have developed a package of political initiatives and laws, which

represent the legal and executive framework for putting the strategic climate plan into practice. These mechanisms include:

1. European Climate Pact: In December 2020, the European Commission launched the Climate Pact today, a Union-wide initiative calling on individuals, communities and organisations to take part in climate action and build a greener Europe. The Pact provides an open, inclusive and progressive climate action initiative. It calls on regions, communities, industry, schools and civil society to share information on climate change and environmental degradation and how to combat these threats, through an online platform. (EUROPEAN COMMISSION, 2024) [3]

2. Zero Pollution Action Plan: In May 2021, the European Commission adopted the EU Action Plan "Towards Zero Pollution of Air, Water and Soil", under which air quality standards will be closely aligned with the latest WHO recommendations, water quality standards, including for rivers and seas in the EU, will be revised, and the majority of EU waste laws will be revised to bring them into line with the principles of a clean and circular economy. (EUROPEAN COMMISSION, 2024) [4].

3. Organic Production Action Plan: The European Commission has developed a comprehensive organic action plan for the EU, with an action plan aimed at achieving the European Green Deal target of 25% of agricultural land under organic farming by 2030. The action plan is divided into three interconnected axes that reflect the structure of the food supply chain and the ambitions of the Green Deal sustainability goals: first, stimulating demand for organic products and ensuring consumer confidence. Second, stimulates the shift towards organic farming and strengthens the entire production chain. Third, it improves the contribution of organic farming to environmental sustainability.

4. Offshore renewables strategy: In November 2020, the European Commission presented the EU Offshore Renewables Strategy. This plan proposes to increase Europe's current 12 GW of offshore wind turbine capacity by at least 60 GW by 2030 and 300 GW by 2050. Over the same period, the Commission intends to complement this capacity increase with 40 GW of ocean energy and other emerging technologies such as floating wind and floating solar. (Commission européenne, 19 Novembre 2020) [5].

5. Methane Strategy: In October 2020, the European Commission presented the EU strategy to reduce methane emissions, the second largest contributor to climate change after carbon dioxide. It is also a powerful local air pollutant that causes serious health problems. It is therefore essential to combat emissions of this gas in order to achieve the goal of climate neutrality by 2020.

6. Chemicals Sustainability Strategy: In October, the European Commission adopted the EU Chemicals Sustainability Strategy, which aims to strengthen the protection of human health and the environment from harmful chemicals, with particular attention to vulnerable population groups, and includes: phasing out consumer products, such as toys, baby care products, cosmetics, and detergents, in particular endocrine disruptors. (EUROPEAN COMMISSION, 2020) [6].

2. The European Green Deal of the European Union. At the end of 2019, the European executive institutions approved a long-term strategic plan for climate transition called the «European Green Deal» that aims to make the European economy sustainable and transform it into a climate-neutral entity by 2050. To this end, a package of interim goals was set in the form of indicators to measure the achievement of the major goals, which are:

A. Increase EU climate ambition between 2030 and 2050: The EU has already begun modernizing and transforming its economy to achieve climate neutrality. Between 1990 and 2018, it reduced global warming by 23%, the economy grew by 61% and current policies will reduce emissions by 60% by 2050. (État de l'Union, 17 septembre 2020) [7].

B. Build and renovate in an energy- and resource-efficient way: Building requires a lot of energy and 50 million Europeans struggle to keep their homes properly heated. to meet the challenge of renovation and the EU's lack of income, and this renovation will contribute to reducing bills and poverty and unemployment.

C. Mobilise industry for a clean, circular economy: To achieve a circular economy, the full mobilisation of industry, especially the important raw materials needed for clean technologies, digital, space and defence applications, is a prerequisite for achieving this transformation. The EU needs climate entrepreneurs and resources to develop the first commercial applications of advanced technologies in key industrial sectors by 2030. Priority areas include clean hydrogen, fuel cells and other alternative fuels, energy storage, and carbon capture, storage, and utilisation. (European Commission, 2020) [2].

D. Supply clean, affordable, and secure energy: Decarbonising the energy system is crucial to achieving the climate transition goals. Energy production and use across economic sectors account for more than 75% of the EU's greenhouse gas emissions. The EU therefore needs to develop an energy sector that is largely based on renewables, complemented by a rapid phase-out of coal and decarbonisation. At the same time, the EU's energy supply must be secure and affordable for consumers and businesses. For this to happen, it is essential to ensure that the European

energy market is integrated, interconnected and digital, while respecting technology neutrality. The transition to climate neutrality also requires smart infrastructure. Increased regional and cross-border cooperation will help realise the benefits of the transition to clean and affordable energy.

E. Accelerating the transition to sustainable and smart mobility: Transport accounts for a quarter of greenhouse gas emissions in the EU and is still rising. To achieve climate neutrality, transport emissions need to be reduced by 90% by 2050. Achieving sustainable mobility means putting users first and providing them with accessible, healthier and cleaner alternatives to their current mobility habits. The Commission has developed a strategy for sustainable and smart mobility in 2020 that will address this challenge, tackling all sources of emissions. The EU will be committed to stepping up the production and deployment of sustainable alternative transport fuels; by 2025, around one million public recharging and refueling stations will be converted for the 13 million zero- and low-emission vehicles expected on European roads. (European Commission, 2020) [2].

H. Designing a fair, healthy and environmentally friendly food system: The European food system remains an environmental challenge, as food production continues to pollute air, water and soil, contribute to biodiversity loss and climate change, consume large amounts of natural resources, and a significant portion of food is wasted. The EU has therefore developed a «Farm to Fork» plan to address climate change, protect the environment and preserve biodiversity, which will focus on the Common European Agricultural Policy and Common Fisheries. The Commission's proposals for the Common Agricultural Policy for the period 2021–2027 stipulate that at least 40% of the overall CAP budget and at least 30% of the Marine Fisheries Fund will contribute to climate action.

3. Renewable energy is an infrastructure for green trade in the European Union. Evolving policies, geopolitical shifts and falling costs have accelerated the deployment of renewable energy in global markets. COP28 has set a target of tripling renewable energy capacity by 2030. 2023 set a new record for renewable energy deployment, adding 473 gigawatts to the global energy mix. To increase renewable energy capacity, approximately 1,100 gigawatts of renewable energy will need to be installed annually by 2030, more than double the record set in 2023. This suggests that annual investments in renewable energy generation will need to increase from \$570 billion in 2023 to an average of \$1,550 billion per year between 2024 and 2030.

FIRST: DEVELOPMENTS IN RENEWABLE ENERGY. The history of renewable energy in Europe dates back to the early 1990s, when Germany

announced the first electricity feed-in tariff for renewable energy sources in the European Union in 1991. Less than 6 years after Germany's tariff, the European Union announced in 1997 the first indicative target for renewable energy, targeting 12% of the electricity mix by 2010.

The actual launch of renewable energy in Europe came from Denmark, which announced the first large-scale offshore wind farm in 2000, followed by the European Union issuing a directive on the production of electricity from renewable energy related to national indicative targets in 2001, and the European Union issued a directive on biofuels and renewables in 2003 in the transportation sector under the so-called «National Biofuel Targets.» In 2008, Spain launched the largest solar power plant in the world, «Omedilla,» with a capacity of 60 megawatts, sufficient to supply 40,000 homes with electricity annually, which was considered at the time the largest global project in the solar energy sector.

In 2009, renewables in Europe received a major boost from the European Union, with the future target raised to 20% by 2020. Onshore wind became cheaper than coal, gas and nuclear for the first time in 2014, a major development for the future of renewables in Europe. In 2018, the EU raised its renewables target to 32% by 2030, according to the Energy Research Unit. The biggest shift came in 2019, with wind and solar power overtaking coal for the first time in the EU. Global renewables continued to grow at record levels, reaching 3,372 gigawatts (GW) at the end of 2022, increasing renewables stock by a record 295 GW or 9.6%. 83% of the previous year's total new generation capacity came from renewables. This continued record growth reflects the resilience of renewables in the face of the ongoing energy crisis. Renewable hydropower accounted for the largest share of the global total at 1,256 GW, with solar and wind accounting for most of the rest, with total capacities of 1,053 GW and around 899 GW respectively. Other renewable energy capacity included 149 GW of bioenergy, 15 GW of geothermal energy, and 524 MW of marine energy, followed by wind at 75 GW, renewable hydropower at 21 GW, bioenergy at 8 GW and geothermal at a very modest 181 MW (International Energy Agency (IEA), 2022) [8].

A. Share of renewable energy in total final energy consumption. The share of renewable energy in the European Union as a percentage of total final energy consumption from 2010 to 2022, peaking at a share of 23.0% in 2022. Of its total final energy consumption from renewable sources in 2022, almost 1.1 percentage points higher than in 2021. This indicates a steady increase in the contribution of renewables to total energy consumption in the EU. The graph thus highlights a significant and consistent

rise in the share of renewable energy over 12 years. Starting from around 14% in 2010, the share increased to 23% by 2022. This growth reflects the EU's strong commitment to the transition to a low-carbon economy, driven largely by EU policies, such as the Renewable

Energy Directive, which set binding targets for Member States to increase the share of renewable energy in their energy mix. These policies have boosted investment in renewable energy infrastructure and technology. Figure No. 1.

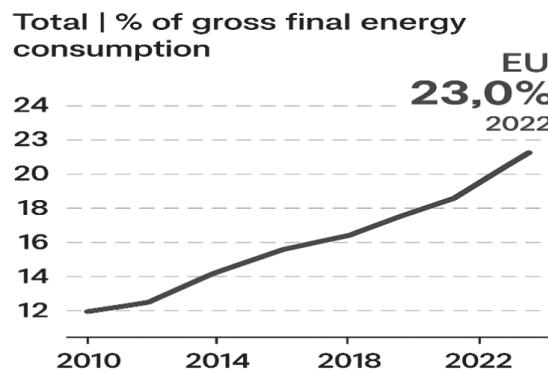

Fig. 1. Share of renewable energy in total final energy consumption. Source: (EUROSTAT, 2024) [9]

Figure 2 shows that the performance of each country varies greatly, with Sweden leading by a wide margin, with 66% of its energy coming from renewable sources. Finland, Latvia, Denmark and Estonia also performed well, each exceeding the 40% mark, while

countries such as Portugal, Austria, Lithuania and Croatia are in the middle range, with a share of around 30–40%. Ireland and Malta have the lowest shares among the countries listed, at 13% and just above 13%, respectively

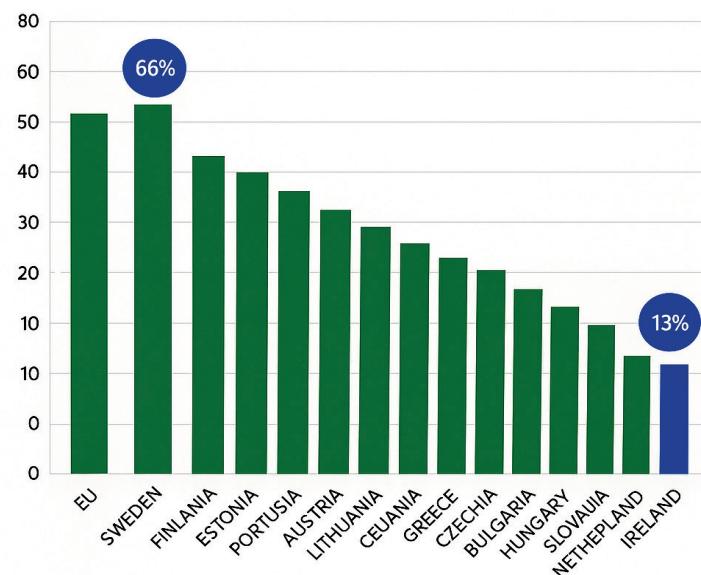

Fig. 2. Share of renewable energy in the European. Source: (EUROSTAT, 2024) [09]

B. Share of energy from renewable sources in total electricity consumption

The share of renewable energy in total electricity consumption of different European countries and the EU average in 2022 Norway leads significantly with a renewable share of over 120%, likely due to its extensive hydropower capacity and ability to export excess renewable energy, followed by Austria

with a renewable share of around 100%, and several countries, including Sweden, Denmark and Portugal, have renewable shares of over 60%. The EU average is around 40%, indicating significant progress but also room for improvement. Countries such as Malta, Hungary and Cyprus are at the lower end, with shares of less than 20%. There is a wide range of performance across Europe, from over 120% to

less than 10%, although there are exceptions, with most Western European countries tending to have

higher shares than Eastern European countries. Figure No. 3.

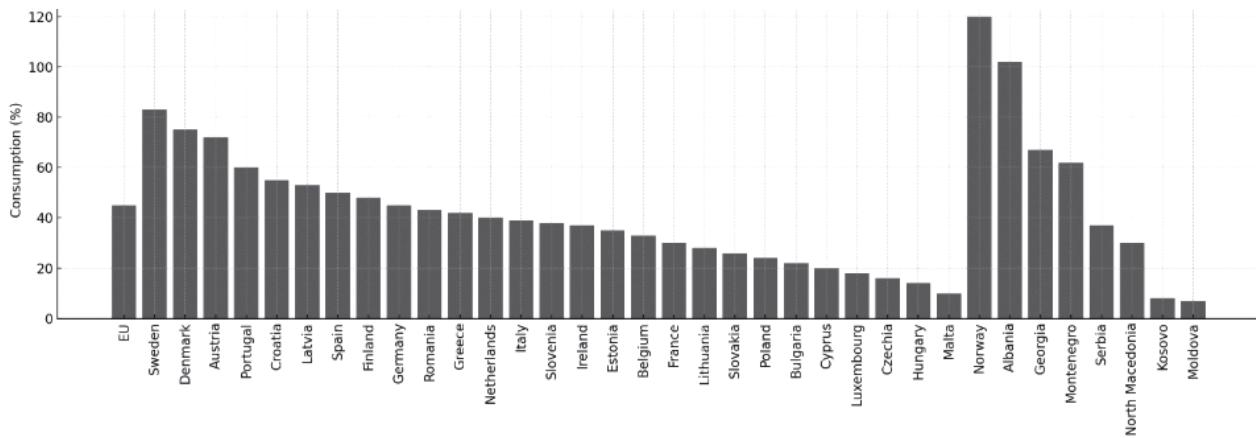

Fig. 3: Share of energy from renewable sources in total electricity consumption, 2022%.

Source: (EUROSTAT, 2024) [09]

C. Share of energy from renewable sources in transportation. Share of renewable energy in the transport sector for European countries in 2022, along with the 2030 target. Sweden leads significantly with a share of around 30% of renewable energy in transport, well ahead of other countries and already achieving the 2030 target. Finland comes next with a share of around 19%, the second highest among the countries shown. The Netherlands is third with a share of around 11% of renewable energy, while the EU average is around 10%, indicating that significant progress is needed to reach the 2030 target of 29% (as shown by the blue diamond). Most countries fall between 5% and 10% of renewable energy share in transport. Countries at the lower end include Croatia (around 3%), Latvia (around 2%), and Greece (around 5%). Non-EU countries such as Norway (around 24%) and Georgia (around 2%) are also included, showing a

wide range. From performance, there is a stark contrast between the top performers (Sweden, Finland, and the Netherlands) and the majority of countries. Many Eastern European countries tend to have lower shares, with some exceptions such as Bulgaria, which has performed close to the EU average.

The 2030 target of 29% therefore seems ambitious for most countries, given their current situation, with only Sweden and Norway currently exceeding or coming close to the 2030 target. Countries such as Kosovo, Moldova, and Montenegro also show very low shares, close to 0%.

This highlights the disparities in renewable energy adoption in the transport sector across Europe. EU countries are also making the significant efforts that most countries will need to make to meet the 2030 target, with Sweden emerging as a clear leader in this shift. Figure No. 4.

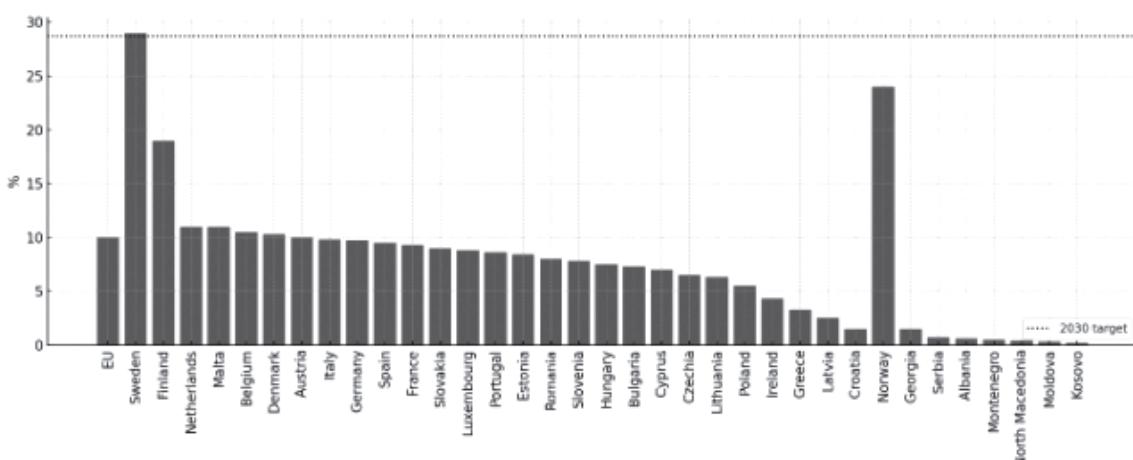

Fig. 4. Share of energy from renewable sources in transport for European countries, 2022%.

Source: (EUROSTAT, 2024) [10]

D. Greenhouse gas emissions. The EU net greenhouse gas emissions index from 2008 to 2022, with 1990 as the base year (the index is set to 100). The general trend indicates a significant decrease in greenhouse gas emissions over this period, which is reflected in the decrease in the index value, which reached 69.0 in 2022.

In the initial period (2008–2013): Graph No. 05 shows a decrease from around 84 to around 76. This continuous decrease indicates successful initial efforts to reduce emissions, probably due to the implementation of various EU environmental policies and regulations aimed at reducing industrial pollution and promoting renewable energy sources.

In the period (2013–2020): The index shows a more pronounced decrease, with noticeable fluctuations. The peak in emissions reductions in 2014–15 and the short increase in 2017–18 may reflect economic factors such as the recovery from the 2008 financial crisis, adjustments in industrial production, or shifts in energy policy.

2020–2022: There is a sharp decline, reaching its lowest point in 2021, due to the economic slowdown caused by the COVID-19 pandemic. The slight recovery thereafter may be related to the economic recovery after the pandemic.

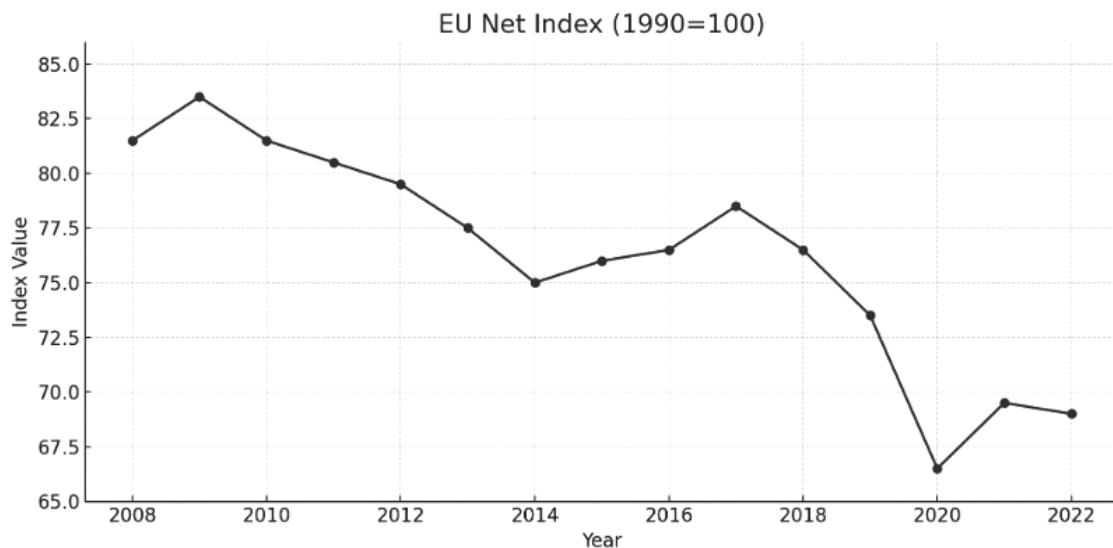

Fig. 5. The percentage of greenhouse gas emissions in the European Union. Source: (EUROSTAT, 2024) [10]

E: Green bond issuance. The growth of green bonds in the European Union as a percentage of total bonds issued from 2014 to 2022. The chart shows a clear upward trajectory in green bond issuance as a percentage of total bonds in the European Union, peaking at 8.85% by 2022. This indicates a growing commitment to sustainability and environmentally friendly projects within the region. The stages of green bond development and growth are as follows:

1. Early development (2014–2016): The early years show little growth, suggesting that green bonds were a niche market with relatively low adoption, due to a lack of awareness, fewer regulatory incentives, or limited demand for sustainable investment products at the time.

2. Growth phase (2017–2020): The share of green bonds starts to rise, especially around 2017. This period is likely to reflect increased awareness of climate change and a push by both the public and private sectors to finance sustainable projects. Policy initiatives and regulations put in place by the EU, such

as the introduction of sustainable finance frameworks, also contribute to this growth. The increase in 2020 is also supported by the EU Green Deal and the alignment of financial markets with sustainability goals.

3. Accelerated growth (2021–2022): There is a sharp rise in the share of green bonds from 2021 onwards. This acceleration is driven by the EU's post-COVID-19 recovery plans, which have placed a significant focus on green investment as part of the NextGenerationEU fund.

Increased investor demand for sustainable investments and greater regulatory support are also key drivers. The figure of 8.85% in 2022 indicates that green bonds have become a significant part of the bond market, reflecting the EU's leadership in promoting environmental sustainability through financial markets. The chart also shows a strong and accelerating trend in the growth of green bonds within the EU. This is in line with global efforts to combat climate change and indicates that the EU is positioning itself as a

leader in sustainable finance. Continued support from regulatory frameworks and investor demand for green

financial products has led to continued growth in this area. Figure No. 6.

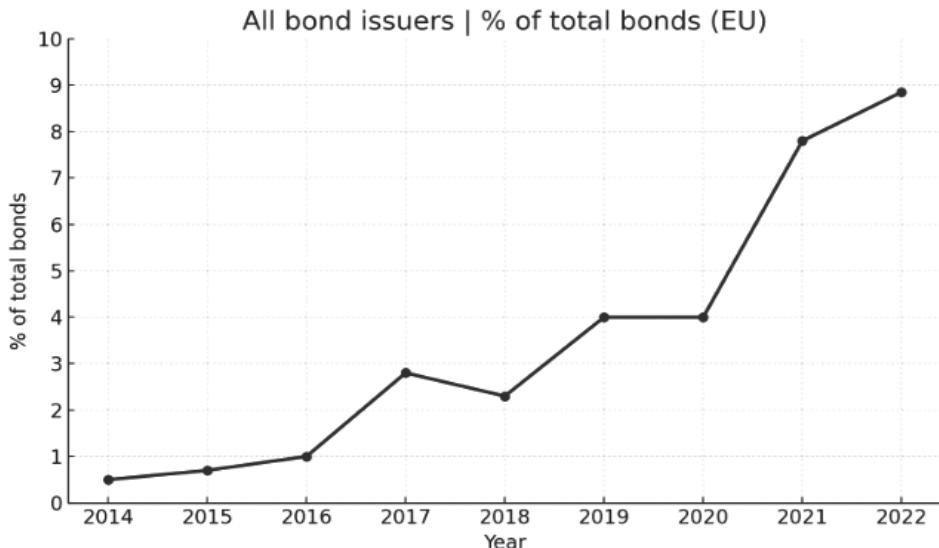

Fig. 6. Green bond issuance by issuer type. Source: (EUROSTAT, 2024) [10]

The pillars of green trade in the European Union

A. Extra-EU in selected green energy products, 2022. Non-EU trade (trade with countries outside the EU) in selected green energy products for 2022, measured in millions of euros. Figure 07 shows the following.

For solar panels, a large trade deficit is shown, with imports (around 22,500 million euros) exceeding exports (around 1,000 million euros). For liquid biofuels, there is also a slight trade deficit, with imports (around 5,000 million euros) exceeding exports (around 1,500 million euros). For wind turbines, there is a trade surplus, with exports (around 1,500 million euros) exceeding imports (around 1,000 million euros).

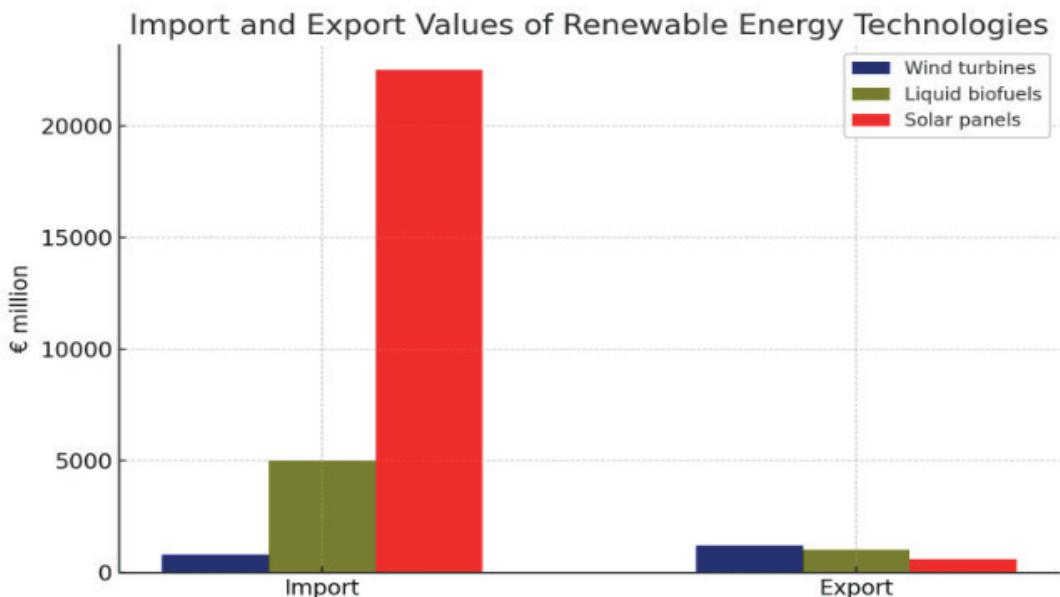

Fig. 7. Selected green energy products outside the EU, 2022. Source: (EUROSTAT, 2024) [09]

As for import dependence: The EU shows a high dependence on imports for solar panels and liquid biofuels, indicating a lack of local production capacity

or cost competitiveness in these sectors. Exports: The EU shows export competitiveness in wind turbines, indicating a strong domestic industry in this sector. This

shows that it has a developed wind turbine industry capable of meeting domestic demand and competing globally. While the solar panel industry appears less developed, with a heavy reliance on imports. So the EU is making great progress in adopting green energy, there are opportunities to develop domestic industries further, especially wind turbines, to achieve trade balance and enhance energy security.

B: Extra-EU trade in wind turbines, 2022. Non-EU trade in wind turbines in 2022, broken down by percentage of imports and exports. China dominates EU wind turbine imports with 61%, with India the second largest source with 32%. Other

countries account for 7% of imports. As for exports, the UK is the largest destination for EU wind turbine exports with 40%, the US is second with 17%, Canada receives 8% of exports, Taiwan accounts for 6%, Norway and Chile each receive 5%, Morocco accounts for 4%, and other countries together receive 15% of exports.

EU wind turbine imports are therefore highly concentrated, with 93% coming from just two countries (China and India). EU exports are more diversified, spread across multiple countries, although the UK and US together account for more than half. Figure No. 8.

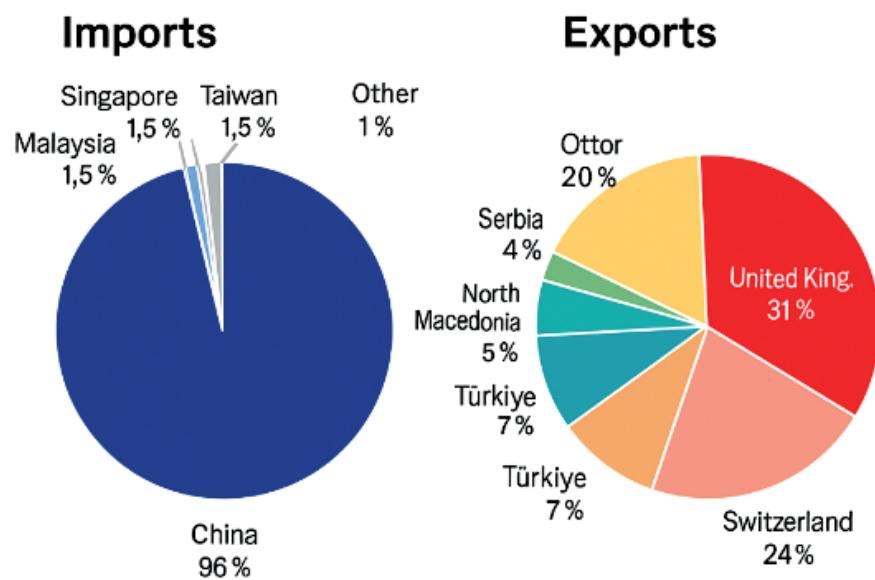

Fig. 8. Trade in wind turbines outside the EU, 2022. Source: (EUROSTAT, 2024) [09]

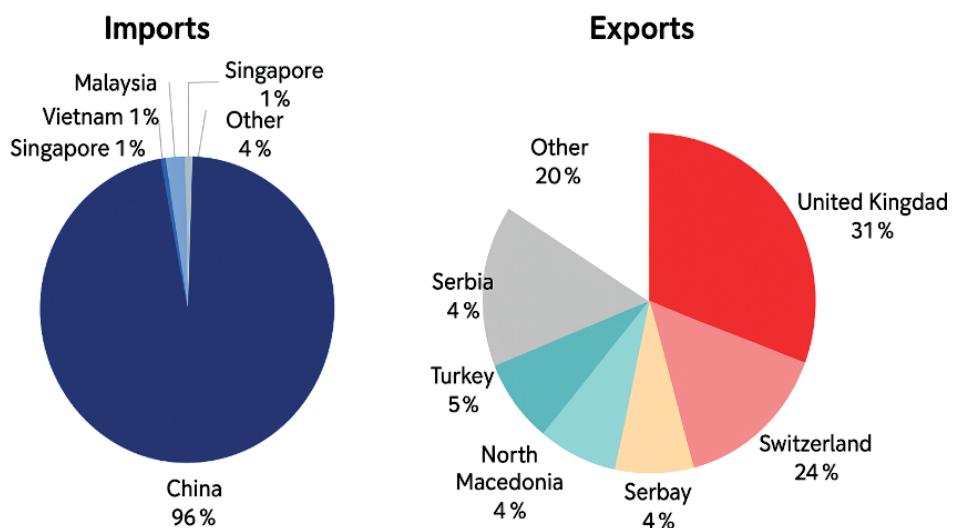

Fig. 9. Trade in solar panels outside the EU, 2022. Source: (EUROSTAT, 2024) [09]

C. Extra-EU trade in solar panels, 2022.

Non-EU trade in solar panels in 2022, broken down by percentage of both imports and exports, China dominates EU solar panel imports with an overwhelming 96%, other countries (Vietnam, Malaysia, Taiwan and Singapore) each account for 1% of imports, the remaining 1% is attributed to «other» countries. The UK is the largest destination for EU solar panel exports with 31%, Switzerland is the second largest export destination with 24%, the US receives 7% of exports, Turkey and North Macedonia each account for 5%, Serbia and Norway each receive 4%, other countries together account for 20% of exports.

The EU is, therefore, heavily dependent on China for solar panel imports, creating significant supply chain vulnerability. EU exports are becoming more diversified, with a focus on neighbouring countries and developed markets. Figure No. 9.

Conclusion. The steady increase in the share of renewable energy in the EU highlights the successful transition to a greener economy. Including enhanced energy security, job creation and new export opportunities in the global green technology market,

This growth in renewable energy not only boosts the EU economy, but also places it in a leading position in global green trade, influencing markets and policies around the world. However, to maintain this trajectory, the EU must continue to invest in technological innovation and address the challenges associated with integrating high levels of renewable energy into its energy system. Policies such as the European Green Deal, stricter emissions trading systems and investments in green technologies contribute to a sustainable reduction in global greenhouse gas emissions. Key findings of the study include:

— The EU's leadership in renewable energy technology has positioned it as a major source of green technologies and services. Countries around the world, especially in developing regions, look to the EU for technology transfer and expertise in building their renewable energy capacity.

— The increase in the share of renewable energy directly contributes to reducing global greenhouse gas emissions.

— By exporting renewable technologies and services, the EU strengthens green trade relations, stimulating the growth of green trade.

— As the EU increases its share of renewable energy sources, it also influences global market standards for renewable energy technologies, shaping regulations and best practices. This can create a competitive effect, prompting other countries to adopt similar standards, thus expanding markets for EU products.

— The continued decline in emissions suggests that industries are increasingly adopting cleaner technologies, which can involve significant capital investment.

— Reducing emissions is crucial for the EU's competitive position in international trade, especially as global demand shifts towards sustainable products and practices. EU leadership in reducing emissions can provide an advantage in future trade negotiations, especially with regions that prioritise sustainability.

— The shift towards a green economy, which includes increased jobs and economic activity in the renewable energy, energy efficiency and sustainable transport sectors.

— The continued growth suggests that the EU green bond market is maturing, with increasing acceptance among issuers and investors.

— Supports the EU in considering policies to boost domestic production of solar panels and liquid biofuels to reduce dependence on imports.

— Significant trade in these green energy products reflects the EU's commitment to renewable energy, balancing environmental goals with economic realities.

Study prospects:

— While the growth trend is positive, maintaining this momentum requires continued technological innovation. Investments in research and development are crucial for enhancing the efficiency of renewable energy technologies and further reducing costs.

— A higher share of renewable energy sources poses challenges related to energy storage and grid stability. The intermittent nature of some renewable sources, such as solar and wind, requires advanced grid management and storage solutions.

REFERENCES

1. Dora, I., Alfred, K., & James, R. How to Achieve the EU's Ambitious Climate Change Mitigation Targets. World Bank Blog. September 24, 2020.
2. European Commission. A New Circular Economy Action Plan for a cleaner and more competitive Europe. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:9903b325-6388-11ea-b735-01aa75ed71a1.0012.02/DOC_1&format=PDF (date of access: 11.03.2025).
3. European Commission. European Climate Pact 9.12.2020. URL: <https://europa.eu/climate-pact/system/files/2020-12/20201209%20European%20Climate%20Pact%20Communication.pdf> (date of access: 30.07.2024).

4. European Commission. Pathway to a Healthy Planet for All — EU Action Plan: «Towards Zero Pollution for Air, Water and Soil». URL: https://ec.europa.eu/environment/pdf/zero-pollution-action-plan/communication_en.pdf (date of access: 30.07.2024).
5. Commission européenne. Développer les énergies renouvelables en mer pour une Europe climatiquement neutre. 19 Novembre 2020.
6. European Commission. An EU strategy to reduce methane emission, 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/api/files/document/print/en/ip_20_1833/IP_20_1833_EN.pdf.
7. État de l'Union. La Commission élève son niveau d'ambition climatique et propose une réduction de 55% des émissions d'ici à 2030. 17 septembre 2020.
8. International Energy Agency (IEA). World Energy Outlook. 2022.
9. Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Renewable_energy_statistics#Share_of_renewable_energy_more_than_doubled_between_2004_and_2022 (date of access: 30.07.2024).
10. Eurostat. Statistics for the European Green Deal. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/cache/egd-statistics/> (date of access: 30.07.2024).

Поступила в редакцию: 07.04.2025.

Принята к печати: 21.05.2025.

УДК 339.9
DOI 10.14258/epb202549

СТРАТЕГИЯ «ДВОЙНОГО ОБРАЩЕНИЯ» КИТАЯ: КАК ОНА ВЛИЯЕТ НА МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ

Я. Цуй, О. Н. Соколова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Стратегия «Двойного обращения» (Dual Circulation Strategy), принятая Китаем, представляет собой новую модель экономического развития, направленную на достижение устойчивого роста за счет сбалансированного взаимодействия внутреннего и внешнего рынков. В условиях нарастающей глобальной нестабильности, торговых войн и изменений в мировой экономике Китай все больше ориентируется на внутренние источники развития, стремясь сократить зависимость от внешнего спроса. Основное внимание уделяется стимулированию внутреннего потребления, развитию высокотехнологичных отраслей, модернизации производственной базы и повышению уровня самодостаточности в ключевых секторах. Вместе с тем стратегия не предполагает изоляцию: Китай продолжает активно участвовать в глобальной экономике, расширяя внешние связи и усиливая международное сотрудничество, особенно в рамках инициатив «Пояс и путь» и двусторонних торговых соглашений. В статье анализируются основные элементы и цели стратегии «Двойного обращения», ее институциональные и экономические механизмы реализации, а также последствия для мировой экономики и глобальных цепочек поставок. Особое внимание уделяется перспективам стратегического взаимодействия с другими странами и трансформации внешнеэкономической политики Китая в условиях меняющейся геополитической и финансовой архитектуры мира.

Ключевые слова: Китай, двойное обращение, внутренняя экономика, внешняя торговля, мировая экономика, экономическая стратегия, глобализация.

CHINA'S "DUAL CIRCULATION" STRATEGY: HOW IT AFFECTS THE GLOBAL ECONOMY

Y. Tsui, O. N. Sokolova

Altai State University (Barnaul, Russia)

The "Dual Circulation Strategy", adopted by China, represents a new model of economic development aimed at achieving sustainable growth through a balanced interaction between domestic and international markets. Amid growing global instability, trade wars, and changes in the world economy, China is increasingly turning to internal drivers of development, seeking to reduce its dependence on external demand. Particular emphasis is placed on stimulating domestic consumption, developing high-tech industries, modernizing the production base, and enhancing self-sufficiency in key sectors.

At the same time, the strategy does not imply isolationism: China continues to actively participate in the global economy, expanding its external ties and strengthening international cooperation, especially within the framework of the Belt and Road Initiative and bilateral trade agreements. This article examines the key elements and objectives of the Dual Circulation Strategy, its institutional and economic mechanisms of implementation, as well as its implications for the global economy and international supply chains. Special attention is paid to the prospects for strategic cooperation with other countries and the transformation of China's foreign economic policy in the context of a changing geopolitical and financial landscape.

Keywords: China, dual circulation, domestic economy, foreign trade, global economy, economic strategy, globalization.

Введение. Стратегия «Двойного обращения» (Dual Circulation Strategy) — это модель экономического развития Китая, направленная на сбалансированное развитие внутреннего и внешнего рынков. Ее суть заключается в укреплении внутреннего экономического потенциала страны за счет роста потребления, инвестиций в инновационные технологии и снижения зависимости от внешней торговли, при этом Китай продолжает активно участвовать в международной экономике [1]. Такая стратегия позволяет стране повысить устойчивость перед внешними шоками, включая торговые войны, геополитические конфликты и глобальные экономические кризисы.

Основными причинами перехода к этой модели стали как внутренние, так и внешние вызовы. Внутренние факторы включают необходимость повышения уровня жизни населения, развития высокотехнологичных отраслей и перехода к более устойчивому экономическому росту. Внешние факторы связаны с возрастающей напряженностью в международных торговых отношениях, ослаблением глобального спроса и рисками, связанными с зависимостью от экспортных рынков. В условиях пандемии COVID-19 и последующего экономического спада стало очевидно, что Китаю необходимо диверсифицировать источники экономического роста, снижая уязвимость к колебаниям мировой экономики [2].

Актуальность темы выходит далеко за рамки китайской экономики. Китай играет ключевую роль в глобальных торговых цепочках, и любые изменения в его экономической стратегии неизбежно сказываются на международных рынках. Укрепление внутреннего спроса и перераспределение экономических приоритетов могут привести к изменению структуры глобальной торговли, перераспределению инвестиций и пересмотру экономических стратегий других стран. В то же время международные компании, работающие с Китаем, вынуждены адаптироваться к новым условиям, что создает как риски, так и новые возможности для сотрудничества.

Результаты исследования. Стратегия «Двойного обращения» представляет собой новую экономическую модель Китая, направленную на гармоничное сочетание внутреннего и внешнего экономического развития. Ее основная идея заключается в том, чтобы опираться на внутренний рынок как основной источник экономического роста, одновременно поддерживая активное участие в международной торговле [3].

Ключевыми принципами «Двойного обращения» являются развитие внутреннего спроса, стимулирование технологических инноваций и сни-

жение зависимости от импорта критически важных товаров. Китай активно продвигает импортозамещение, особенно в стратегических отраслях, таких как микроэлектроника, искусственный интеллект и возобновляемая энергетика. В то же время страна не отказывается от глобальной торговли, но стремится к более сбалансированному участию в ней, выстраивая экономические связи, которые минимизируют уязвимость перед внешними кризисами и политическими факторами.

Баланс между внутренним и внешним обращением в рамках стратегии достигается за счет укрепления внутреннего рынка, создания условий для роста доходов населения и стимулирования потребления, что позволяет экономике стать более устойчивой к глобальным потрясениям. Внешняя составляющая стратегии предполагает сохранение роли Китая как важного участника международной торговли, но с акцентом на более диверсифицированные рынки и повышение добавленной стоимости экспортимых товаров [4].

По сравнению с предыдущими моделями экономического развития Китая стратегия «Двойного обращения» демонстрирует отход от модели «экспортно-ориентированного роста», которая доминировала с конца XX века. В 1980-х и 1990-х годах экономика Китая развивалась преимущественно за счет иностранных инвестиций и дешевой рабочей силы, обеспечивая рост за счет экспорта [5]. В 2000-х годах Китай стал постепенно переключаться на развитие внутреннего рынка, но все еще зависел от глобальной торговли. Современная стратегия представляет собой более зрелую модель, в которой внутренняя экономика играет ведущую роль, а внешняя торговля становится инструментом поддержки, а не основным драйвером роста. Такой переход свидетельствует о стремлении Китая к долгосрочной экономической устойчивости и более сбалансированному развитию в условиях изменяющегося мирового порядка.

Стратегия «Двойного обращения» оказывает значительное влияние на внутреннюю экономику Китая, трансформируя ее ключевые сектора и механизмы роста. Одним из главных направлений стратегии является стимулирование внутреннего потребления. Власти страны стремятся повысить уровень доходов населения, расширить средний класс и создать условия для увеличения покупательной способности граждан. Это достигается за счет повышения минимальной заработной платы, развития социальной политики и улучшения качества услуг в сфере здравоохранения и образования. В результате внутренний рынок становится более устойчивым и менее подверженным внешним потрясениям, связанным с колебаниями спроса на мировых рынках.

Одновременно Китай делает ставку на развитие высокотехнологичных отраслей, что является неотъемлемой частью новой экономической модели. Инвестиции в исследования и разработки, активное государственное финансирование передовых технологий, а также поддержка стартапов и технологических компаний способствуют созданию новых конкурентоспособных отраслей. Особое внимание уделяется таким направлениям, как искусственный интеллект, полупроводниковая промышленность, биотехнологии, робототехника и возобновляемые источники энергии [6]. Это не только ускоряет модернизацию экономики, но и позволяет Китаю сократить зависимость от импорта критически важных товаров и технологий.

Снижение зависимости от внешних рынков также является ключевой задачей стратегии. Ранее экономика Китая в значительной степени опиралась на экспорт, что делало ее уязвимой перед глобальными кризисами, торговыми войнами и геополитической нестабильностью [7]. В рамках «Двойного обращения» правительство проводит политику диверсификации поставок и рынков сбыта, укрепляет внутреннее производство и поддерживает национальных производителей. Это позволяет Китаю не только снижать риски, связанные с внешними факторами, но и создавать устойчивую экономическую систему, способную адаптироваться к изменяющимся условиям мирового рынка. В результате экономика страны становится более сбалансированной, ориентированной на долгосрочный рост и менее зависимой от внешних шоков.

Такой подход способствует не только укреплению внутренней экономической базы, но и стимулирует развитие инноваций, повышение качества продукции и ускорение технологического прогресса. Особое внимание в рамках стратегии уделяется развитию цифровой экономики, модернизации промышленности, поддержке малых и средних предприятий, а также совершенствованию логистической и финансовой инфраструктуры. Одновременно с этим Китай стремится укрепить потребительский сектор, увеличивая доходы населения, снижая социальное неравенство и формируя устойчивый внутренний спрос [8].

Кроме того, важным элементом стратегии является углубление структурных реформ, направ-

ленных на повышение эффективности управления, улучшение делового климата и стимулирование частных инвестиций. В условиях стремительного изменения глобальной экономической конъюнктуры и трансформации международных торгово-политических связей стратегия «Двойного обращения» становится для Китая инструментом адаптации и выстраивания более гибкой, инклюзивной и самодостаточной модели развития [9]. Это открывает новые возможности для многостороннего сотрудничества, формирования региональных экономических союзов и повышения роли Китая как ответственного участника глобальной экономики.

Реализация стратегии также предполагает активное участие государства в координации экономических процессов, поддержке приоритетных отраслей и стимулировании научно-исследовательской деятельности. Создаются благоприятные условия для трансфера технологий, укрепляется взаимодействие между наукой и производством, формируются инновационные кластеры, способные обеспечить долгосрочную конкурентоспособность. Государственные и частные инвестиции перераспределяются в пользу высокотехнологичных секторов, таких как искусственный интеллект, биотехнологии, возобновляемая энергетика и микроэлектроника.

Внешнеэкономический вектор стратегии также претерпевает изменения: Китай усиливает диверсификацию торговых партнеров, продвигает альтернативные маршруты логистики и развивает новые форматы сотрудничества, включая цифровую торговлю и трансграничные платформы. Взаимодействие с развивающимися странами, особенно в рамках Юг — Юг, приобретает стратегическое значение, что способствует формированию более сбалансированной и инклюзивной международной экономической системы [10].

Заключение. Стратегия «Двойного обращения» представляет собой комплексную трансформацию китайской модели роста, ориентированную на внутреннюю устойчивость при сохранении глобальной открытости. Ее реализация может существенно повлиять не только на структуру китайской экономики, но и на глобальные тенденции, способствуя формированию новых экономических центров и моделей международного взаимодействия в XXI веке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Голубева А. С. Китай в условиях тринаццатой пятилетки: итоги и перспективы // Инновации и инвестиции. 2021. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitay-v-usloviyah-trinadtsatoy-pyatiletki-itogi-i-perspektivy> (дата обращения: 19.03.2025).

2. Зимин В. В. Слияния и поглощения в финансовом секторе Китая на современном этапе // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sliyaniya-i-pogloscheniya-v-finansovom-sektore-kitaya-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 19.03.2025).
3. Козлов Д. И. Первые итоги и ближайшие перспективы реализации китайской инициативы «один пояс, один путь» // PolitBook. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervye-itogi-i-blizhayshie-perspektivnye-realizatsii-kitayskoy-initiativy-odin-poyas-odin-put> (дата обращения: 19.03.2025).
4. Лю С. Стратегия социально-экономического развития Китая в 14-й пятилетке и тенденции развития китайско-российского торгово-экономического сотрудничества // Современная научная мысль. 2021. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-sotsialno-ekonomiceskogo-razvitiya-kitaya-v-14-y-pyatiletke-i-tendentsii-razvitiya-kitaysko-rossiyskogo-torgovo> (дата обращения: 19.03.2025).
5. Ма Ю. «14-й пятилетний план» провинции Хэйлунцзян и тенденции развития китайско-российского регионального сотрудничества // Современная научная мысль. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/14-y-pyatiletnyi-plan-provintsii-heyluntsyan-i-tendentsii-razvitiya-kitaysko-rossiyskogo-regionalnogo-sotrudnichestva> (дата обращения: 19.03.2025).
6. Юэлун Ч. Влияние трансграничных слияний и поглощений на экономическую безопасность Китая // Инновации и инвестиции. 2023. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-transgranichnyh-sliyaniy-i-pogloscheniy-na-ekonomiceskuyu-bezopasnost-kitaya> (дата обращения: 19.03.2025).
7. Чжан В. Экономическая двойная циркуляция в Китае: структура, вызовы и перспективы // Китай и современный мир. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomiceskaya-dvoynaya-tsirkulyatsiya-v-kitae-struktura-vyzovy-i-perspektivy> (дата обращения: 19.03.2025).
8. Иванова Т. А. Политика импортозамещения и её роль в реализации стратегии «двойного обращения» в КНР // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-importozamescheniya-i-ee-rol-v-realizatsii-strategii-dvoynogo-obrashcheniya-v-knr> (дата обращения: 19.03.2025).
9. Юй Х. Цифровая экономика в Китае как драйвер внутреннего потребления и инновационного роста // Вестник международных организаций. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekonomika-v-kitae-kak-drayver-vnuttrennego-potrebleniya-i-innovatsionnogo-rosta> (дата обращения: 19.03.2025).
10. Пэн Л. Роль частного сектора в стратегии двойного обращения Китая // Актуальные проблемы экономики и права. 2023. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-chastnogo-sektora-v-strategii-dvoynogo-obrashcheniya-kitaya> (дата обращения: 19.03.2025).

REFERENCES

1. Golubeva A. S. China Under the Thirteenth Five-Year Plan: Results and Prospects. Innovations and Investments. 2021. No. 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitay-v-usloviyah-trinadtsatoy-pyatiletki-itogi-i-perspektivy> (date of access: 19.03.2025).
2. Zimin V. V. Mergers and Acquisitions in China's Financial Sector at the Present Stage. Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2019. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sliyaniya-i-pogloscheniya-v-finansovom-sektore-kitaya-na-sovremennom-etape> (date of access: 19.03.2025).
3. Kozlov D. I. Initial Results and Near-Term Prospects for the Implementation of China's «Belt and Road» Initiative. PolitBook. 2018. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervye-itogi-i-blizhayshie-perspektivnye-realizatsii-kitayskoy-initiativy-odin-poyas-odin-put> (date of access: 19.03.2025).
4. Liu X. China's Socio-Economic Development Strategy in the 14th Five-Year Plan and Trends in China-Russia Trade and Economic Cooperation. Modern Scientific Thought. 2021. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-sotsialno-ekonomiceskogo-razvitiya-kitaya-v-14-y-pyatiletke-i-tendentsii-razvitiya-kitaysko-rossiyskogo-torgovo> (date of access: 19.03.2025).
5. Ma Yu. The «14th Five-Year Plan» of Heilongjiang Province and Trends in China-Russia Regional Cooperation. Modern Scientific Thought. 2021. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/14-y-pyatiletnyi-plan-provintsii-heyluntsyan-i-tendentsii-razvitiya-kitaysko-rossiyskogo-regionalnogo-sotrudnichestva> (date of access: 19.03.2025).
6. Yuelong Zh. The Impact of Cross-Border Mergers and Acquisitions on China's Economic Security. Innovations and Investments. 2023. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-transgranichnyh-sliyaniy-i-pogloscheniy-na-ekonomiceskuyu-bezopasnost-kitaya> (date of access: 19.03.2025).

7. Zhang W. China's Dual Circulation Economy: Structure, Challenges and Prospects. China and the Modern World. 2022. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-dvoynaya-tsirkulyatsiya-v-kitae-struktura-vyzovy-i-perspektivy> (date of access: 19.03.2025).
8. Ivanova T. A. Import Substitution Policy and Its Role in Implementing the Dual Circulation Strategy in China. Asia-Pacific Region: Economy, Politics, Law. 2022. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-importozamescheniya-i-ee-rol-v-realizatsii-strategii-dvoynogo-obrashcheniya-v-knr> (date of access: 19.03.2025).
9. Yu H. The Digital Economy in China as a Driver of Domestic Consumption and Innovation-Led Growth. Bulletin of International Organizations. 2023. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekonomika-v-kitae-kak-drayver-vnutrennego-potrebleniya-i-innovatsionnogo-rosta> (date of access: 19.03.2025).
10. Peng L. The Role of the Private Sector in China's Dual Circulation Strategy. Current Issues of Economics and Law. 2023. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-chastnogo-sektora-v-strategii-dvoynogo-obrashcheniya-kitaya> (date of access: 19.03.2025).

Поступила в редакцию: 28.04.2025.

Принята к печати: 14.07.2025.

НАШИ АВТОРЫ

OUR AUTHORS

1. **Атаманов Николай Николаевич**, аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: atamanov.p.n@gmail.com.
2. **Бахирева Анна Алексеевна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Рубцовского института (филиала) Алтайского государственного университета (Рубцовск, Россия), e-mail: isakova@rb.asu.ru. ORCID ID: 0000-0001-8240-3943.
3. **Бенаисса Рим**, доктор экономических наук, профессор экономического факультета Университета Элзуэда (Алжир, Алжир), e-mail: Benaissa-rim@univ-eloued.dz. ORCID ID: 0000-0002-1335-2131.
4. **Берарма Фатима**, докторант кафедры финансовых наук и бухгалтерского учета Университета имени Ферхата Аббаса (Сетиф, Алжир), e-mail: berarma.fatima@univ-setif.dz. ORCID ID: 0009-0004-7491-9957.
5. **Вершинина Ирина Андреевна**, преподаватель кафедры региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: ed.vershinina@gmail.com.
6. **Ворожбит Елена Геннадьевна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Рубцовского института (филиала) Алтайского государственного университета (Рубцовск, Россия), e-mail: vorozhbit@mail.ru.
7. **Выскребенцева Анна Сергеевна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Рубцовского института (филиала) Алтайского государственного университета (Рубцовск, Россия), e-mail: vasfas@mail.ru.
8. **Габидуллина Лилия Хаксеновна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинг-менеджмента Набережночелнинского филиала Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязева (ИЭУП) (Набережные Челны, Россия), e-mail: lilia-kvan@rambler.ru.
9. **Горбунов Юрий Вадимович**, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: Barnaul-gorbunov@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-0731-0939.
10. **Горбунова Алла Юрьевна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: Gorbunova-Alla@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-3510-8113.
11. **Горева Елена Александровна**, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Вятского государственного университета (Киров, Россия), e-mail: goreva_e@mail.ru.
12. **Гришина Александра Сергеевна**, студентка Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева (Саранск, Россия), e-mail: aleksandra7grishina@yandex.ru.
13. **Данилова Светлана Витальевна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономических и социально-гуманитарных наук Нижневартовского государственного университета (Нижневартовск, Россия), e-mail: svaprel@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0002-8975-6845.
14. **Девятайкин Алексей Павлович**, аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: devalex99@mail.ru.
15. **Джегбала Абдельгани**, кандидат экономических наук, доцент экономического факультета Университета Элзуэда (Алжир, Алжир), e-mail: djeghbala-abdelghani@univ-eloued.dz.
16. **Джой Александра Денисовна**, аналитик Фонда управления капитализацией «Кристалл Роста» (Москва, Россия), e-mail: dzhoiss@yandex.ru.
17. **Доценко Данила Александрович**, ассистент кафедры региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия); аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: x-danila-docenko-x@bk.ru.
18. **Капустян Анастасия Сергеевна**, преподаватель кафедры трудового права и гражданского процесса Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: kapustyannastya@mail.ru.
19. **Краснов Сергей Васильевич**, член совета Барнаульского отделения Российского военно-исторического общества (Барнаул, Россия), e-mail: Sergey.krasnov.1952@mail.ru.

20. **Латреш Фарид**, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансовых наук и бухгалтерского учета Университета им. Ферхата Аббаса (Сетиф, Алжир), e-mail: farid.latreche@univ-setif.dz. ORCID ID: 0009-0005-1960-2831.
21. **Ли Татьяна Владимировна**, аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: tanyali752@gmail.ru.
22. **Лукашевич Матвей Олегович**, студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия), e-mail: Matthewlukashevich@gmail.com. ORCID ID: 0009-0007-4850-2762.
23. **Лю Сяолин**, аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), заместитель декана факультета Марксизма Наньчанского технологического института (Наньчан, Китайская Народная Республика), e-mail: 1315252034@qq.com.
24. **Лякишева Валентина Григорьевна**, доцент кафедры региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: valbarnaul22@gmail.com.
25. **Майкова Светлана Эдуардовна**, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой теоретической экономики, маркетинга и экономической безопасности Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева (Саранск, Россия), e-mail: maykova_se@mail.ru. ORCID ID: 0000-0001-7333-9716.
26. **Мезенцева Татьяна Мартемьяновна**, доктор экономических наук, профессор кафедры аудита и корпоративной отчетности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия), e-mail: t.mezentseva@fa.ru. ORCID ID: 0000-0001-5377-1763.
27. **Мищенко Виталий Викторович**, доктор экономических наук, заведующий кафедрой региональной экономики и управления Алтайского государственного университета, e-mail: m.vitaly53@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-1449-3702.
28. **Овсянникова Анастасия Васильевна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Рубцовского института (филиала) Алтайского государственного университета (Рубцовск, Россия), e-mail: suhova@rb.asu.ru.
29. **Овчинников Егор Сергеевич**, студент Рубцовского института (филиала) Алтайского государственного университета (Рубцовск, Россия), e-mail: d1213eso@rb.asu.ru.
30. **Разоренова Валерия Александровна**, студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия), e-mail: v.nvr.schl@mail.ru. ORCID ID: 0009-0008-8301-6388.
31. **Растова Юлия Ивановна**, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента и инноваций Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: rastova.yu@upnecon.ru. ORCID ID: 0000-0002-3101-7388.
32. **Самсонов Иван Иванович**, заместитель директора Центра спортивной подготовки сборных команд Алтайского края (Барнаул, Россия); кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой экономики, менеджмента и индустрии туризма Алтайского института труда и права (филиал) Академии труда и социальных отношений (Барнаул, Россия), e-mail: sii2009@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0003-1826-7291.
33. **Сенникова Ирина Леонидовна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Вятского государственного университета (Киров, Россия), e-mail: balezina_kirov@mail.ru. ORCID ID: 0000-0001-6005-3946.
34. **Соколова Ольга Николаевна**, кандидат экономических наук, профессор кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета, e-mail: son-555@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-8148-614X.
35. **Сушкова Татьяна Васильевна**, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой маркетинга менеджмента Набережночелнинского филиала Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП) (Набережные Челны, Россия), e-mail: tsushkova@chl.imeu.ru
36. **Хамлауи Сакина**, доктор философии по международной экономике, доцент экономического факультета Университета Элуэда (Алжир, Алжир), e-mail: hamlaoui-sakina@univ-eloued.dz. ORCID ID: 0000-0003-4396-3694.
37. **Цуй Яньчжэнь**, аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: 782189466@qq.com.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС»

ARTICLE SUBMISSION GUIDELINES FOR “ECONOMICS PROFESSION BUSINESS”

1. Статья представляется в электронном варианте по адресу: epb@asu.ru:

- Название файла по фамилии автора или первого из авторов.
- Используется одна из последних версий текстового редактора WORD.
- Объем публикации не должен превышать 0,5 п. л. (20 000 знаков с пробелами или примерно 11 страниц, включая список литературы, сведения об авторах и иллюстрации); для кандидатов и докторов наук объем публикаций не должен превышать 1,0 п. л. (40 000 знаков с пробелами или примерно 22 страницы), минимальный объем статьи составляет 0,35 п. л. (14 500 знаков с пробелами или примерно 8 страниц). Таблица или рисунок формата А4 составляет 5 400 знаков с пробелами.
- Публикации принимаются на русском и английском языках.
- Рукопись должна быть подписана всеми авторами на последней странице.

2. Статьи, поступающие в редколлегию, проверяются с использованием системы «Антиплагиат»; авторам рекомендуется перед отправкой проверять свои статьи на степень оригинальности текста.

3. К статье прилагаются:

- рекомендация кафедры (научного семинара кафедры), отсканированная в цвете;
- письмо-согласие с заверенной подписью (подписями) автора (авторов) статьи, отсканированные в цвете;
- для аспирантов обязательным документом является справка об обучении в аспирантуре.

4. Структура статьи:

- индекс УДК, который проставляется в левом верхнем углу первой страницы рукописи;
- инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на русском языке (например, И.И. Иванов, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия));
- название статьи;
- аннотация на русском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов, слово «Аннотация» не используется), ключевые слова к публикации на русском языке (от 5 до 10 слов);
- инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на английском языке (например, I. I. Ivanov, Altai State University (Barnaul, Russia));
- название статьи;
- аннотация на английском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов, слово «Abstract» не используется), ключевые слова к публикации на английском языке (Keywords, от 5 до 10 слов);
- собственно текст статьи;
- библиографический список;
- таблицы с заголовками;
- рисунки с подписями;
- сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, ученая степень и звание, должность, место работы, телефон для связи), адрес с указанием почтового индекса, электронный адрес (e-mail) и ORCIDID (при наличии).

5. Для основных текстов на английском языке сначала указываются инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация, ключевые слова к публикации на английском языке, затем все то же самое на русском языке.

6. По содержанию в тексте должны присутствовать:

- вводная часть (введение), содержащая обзор современных публикаций по данной тематике, в том числе зарубежных авторов, и четко формулирующая актуальность и цель работы;
- описание методов и методик проводимого исследования;
- полученные результаты и их обсуждение;
- заключительная часть (заключение) с выводами по работе.

7. Требования к тексту, представленному в WORD:

- формат А4 (21x30 см);
- используемые версии текстового редактора — MSWord 2003 и выше (таблицы и рисунки — MSWord, MSExcel, CorelDraw 12, 13);
- интервал между строками — 1,5;
- шрифт — гарнитура Times New Roman;
- размер шрифта — 14 кегль;
- все поля по 2 см;
- текст неформатированный;
- текст должен быть разбит на абзацы, абзацный отступ 1,25 см;
- без переносов;
- возможно выделение текста шрифтами (жирный, курсив);
- возможно употребление спецсимволов (%) и др.).

8. Библиографический список кириллицей оформляется следующим образом (ГОСТ Р 7.0.5–2008):

а) статьи в периодических изданиях:

Ермолина Л. Т. Откуда у парня афганская грусть? // Алтайская правда. 2001. № 2. С. 2–5.

б) монографии, учебники и учебные пособия:

Антонян Ю. М. Преступность в федеральных округах России: монография. М., 2012. С. 117.

в) сборники статей и труды конференций:

Кубишин Е. С. Гендерные проблемы занятости и рынка труда Москвы // Гуманитарные, экономические и правовые проблемы современного общества: сб. науч. трудов / под общ. ред. В. Хозова. М., 2014. С. 72–87.

г) электронные источники:

Гужвенко Ю. Н. В Алтайском крае активно действует казахская диаспора. URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5196/> (дата обращения: 05.10.2018).

Гиперссылку необходимо всегда заканчивать знаком «/».

д) ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

е) если для цитируемого источника существует DOI (Digital Object Identifier), его следует указывать в конце источника после точки в следующем виде: DOI: префикс/суффикс (например: DOI: 10.14258/izvasu(2014)1.1–01).

Ссылки на цитируемую литературу даются в тексте цифрами в квадратных скобках, здесь же указываются цитируемые страницы: [1, с. 15; 2, с. 45]. Сам список литературы под заголовком «Библиографический список» приводится после основного текста в порядке цитирования (один пункт списка — одно наименование). Один и тот же источник в библиографическом списке указывается один раз, в тексте статьи при повторной ссылке указывается в квадратных скобках номер, который использовался первый раз.

Раздел «References» оформляется на английском языке, при оформлении учитывается порядок библиографического списка на русском языке.

9. Требования к рисункам (схемам, графикам, диаграммам) и таблицам:

- рисунки и фотографии должны быть представлены в виде отдельных файлов в форматах JPG, TIFF, BMP, XLS, PNG с разрешением не менее 300 dpi и иметь подписи;
- таблицы должны иметь заголовки;
- сокращения должны быть объяснены;

- сканированные изображения не принимаются;
- размер шрифта в рисунках и таблицах — не менее 10 кегля;
- не допускается использование заливки, цвет контуров — черный.

10. Библиографический список должен включать, как правило, не менее 10 источников, содержащих ссылки как на отечественные, так и на зарубежные монографии и статьи в ведущих научных журналах.

11. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (в том числе изменять заголовки и сокращать тексты) без согласования с авторами и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки. При соответствующей доработке статья может быть опубликована. Отклоненные редакцией журнала статьи авторам не возвращаются.

Контакты

Публикацию, оформленную по всем правилам, необходимо выслать на адрес редакционной коллегии: epb@asu.ru.

Адрес редакции:

656049, г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 68, к. 113.

ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС

2025. № 3

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер ПИ № ФС77-77154 от 10 декабря 2019

Литературный редактор С. И. Тесленко
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Подписано в печать 08.09.2025.
Дата выхода в свет 15.09.2025.

Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 18,5. Тираж 500 экз. Заказ 573. Цена свободная.

Издатель: Алтайский государственный университет
Адрес издателя: 656049 Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

Типография Алтайского государственного университета
Адрес типографии: 656049 Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 68, ауд. 113
